

Цена 1 р. 80 к.

А. С. Савин ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. С. Савин

ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ СССР
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

А. С. Савин

ЯПОНСКИЙ
МИЛИТАРИЗМ
В ПЕРИОД
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
1939—1945 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

Ответственный редактор
академик Е. М. ЖУКОВ

В монографии раскрываются сущность, характерные черты, особенности и функции японского империалистического милитаризма. Автор анализирует военную доктрину, стратегические планы Японии, методы ведения войны японской фашизированной военщиной; выявляет связи и взаимосвязь экономики, политики и идеологии японского буржуазного общества с его средствами вооруженного насилия — армией, флотом, жандармерией, полицией; показывает решающую роль советского народа и его Вооруженных Сил в разгроме милитаристской Японии.

С 10605-125 117-79. 0506000000
013(02)-79

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

24961 ✓

Начало второй мировой войны датируется сентябрем 1939 года — разбойничьим нападением гитлеровской Германии на Польшу. Однако хорошо известно, что этому предшествовали другие агрессивные действия фашистских государств. Происходило постепенное вползание во вторую мировую войну, чему в немалой степени способствовала «мюнхенская» политика ряда западных держав.

Вряд ли было случайным, что первые агрессивные действия, положившие начало постепенному развязыванию второй мировой войны, совершила империалистическая Япония. Именно японский милитаризм показал «пример» разбойничьего вооруженного захвата чужой территории, осуществленного в 1931—1932 гг.

Оккупация Маньчжурии и превращение ее в японскую колонию под фальшивой вывеской «независимого Маньчжоу-Го» было ярким выражением той политики военных авантюр, на путь которой стали господствовавшие круги Японии, используя свою милитаристскую машину.

Милитаризм — неизбежный спутник империализма. Однако милитаризм в Японии имел ряд специфических черт и особенностей, которые несколько выделяли его из общего круга тех реакционных милитаристских систем, которые находились на службе капиталистических монополий.

Японский милитаризм всегда занимал особо привилегированное положение в государственном аппарате. Он унаследовал это положение от насчитывающего уже столетнюю давность исторического периода, когда происходило становление режима императорской Японии. Это позволило милитаристам сохранить и использовать на новой основе старые феодальные традиции, занять место особо доверенного выразителя интересов наиболее реакционной верхушки правящих классов.

Японский империализм усиливался, подымаясь как бы на дрожжах последовательно развязывавшихся им агрессивных войн. Естественно, что это обстоятельство предопределяло исключительно важную роль военщины и содействовало росту ее политических амбиций.

Нужно подчеркнуть, что хотя японский милитаризм был продуктом вполне определенных классовых отношений и находился на службе капиталистических монополий, он сохранял известную самостоятельность, что в конечном счете также отвечало ин-

3

тересам господствующих классов. Широко использовалась не только внешняя, но и внутренняя функция милитаризма как душиателя прогрессивных сил, оплота внутренней реакции в стране.

Все это с чрезвычайной наглядностью проявилось в годы подготовки и проведения второй мировой войны.

Правящие классы Японии «доверили» милитаристам не только осуществление агрессивной внешней политики, но и подавление всякой внутренней оппозиции этой политике. В результате в Японии был установлен военно-фашистский режим.

Сущность военно-фашистской системы в Японии состояла в том, что достигалась максимально возможная при капитализме концентрация власти в руках милитаристов для ведения агрессивной войны. «Тотальная» мобилизация людских и материальных ресурсов внутри страны, а также в колониях и оккупированных территориях, беспощадное подавление всякого проявления социального протеста, авантюризм стратегических планов и, наконец, традиционное для империалистической Японии вероломство при нападении на противника и жестокость в ходе ведения войны — все эти моменты, связанные в единый узел, характеризуют военно-фашистскую диктатуру в Японии.

Социальное содержание японского фашизма не отличалось от аналогичных систем диктатуры наиболее реакционных элементов капиталистической олигархии в других фашистских странах. Но важной особенностью японского фашизма было то, что его носителем являлась империалистическая военщина, действовавшая под флагом незыблемости обожествляемого монархического строя.

Немалый, и не только теоретический, интерес представляет вопрос о степени самостоятельности японской военщины. После окончания второй мировой войны, в которой Япония потерпела сокрушительное поражение, значительное распространение получила версия о том, что за все военные преступления несут ответственность только милитаристы, которые были полными хозяевами в стране и якобы «навязали» войну вопреки миролюбивым устремлениям «деловых людей», императорского двора и всех остальных. При этом ссылаются на факт последовательной узурпации важнейших государственных прерогатив представителями военщины в канун второй мировой войны.

Нельзя забывать о том, что происходившее в стране свертывание буржуазно-конституционных начал было направлено на максимальную концентрацию власти, что отвечало коренным интересам крупного монополистического капитала, который вскормил военщину как свою ударную силу для осуществления агрессивной политики «передела» мира, захвата рынков сбыта и сырья.

Японский милитаризм выступал в роли пользующегося пол-

ным доверием и потому известной свободой действия приказчика главного хозяина — монополистических трестов. Самостоятельность приказчика всегда была условием эффективности его действий. Но самый инициативный приказчик был бы бессилен без капитала своего хозяина, всегда остававшегося главной фигурой.

Исторический опыт Японии это полностью подтверждает.

Диктатура военщины в Японии в годы второй мировой войны не была абсолютной. Она маскировала реальное господство реакционной плутократии, используя так называемую «новую экономическую структуру», которая выдавалась за ограничение власти монополий. В действительности, вся система военно-фашистских экономических мероприятий, вопреки демагогии «об обуздании капиталистической наживы», была направлена на обеспечение интересов крупного капитала. Государство выступало в роли основного заказчика и покупателя продукции, ориентированной на войну. Оно гарантировало предпринимателям сбыт этой продукции по монопольно высоким ценам. Оно же брало на себя обязанность подавления всякого протеста со стороны рабочих, подвергавшихся особо тяжким формам эксплуатации под предлогом «военной необходимости». Под видом «регулирования производства» осуществлялся процесс принудительного слияния и подчинения мелких и средних предприятий крупным монополиям. Временно захватывавшиеся японскими милитаристами чужие территории немедленно «пускались в оборот» в интересах монополий.

Естественно, что было бы невозможно говорить о «непричастности» крупной японской буржуазии, помещиков и придворной бюрократии к развязыванию агрессивной войны и к тем преступлениям, насилием и грабежам, которые она породила.

Стремление дзайбацу снять с себя ответственность за войну и тем самым «обелить» монополистическую буржуазию нетрудно понять, особенно в свете тех судебных процессов над главными военными преступниками, которые происходили после войны.

Вся история второй мировой войны указывает, что какую бы самостоятельность ни демонстрировал милитаризм, ему всегда принадлежала роль исполнителя воли той социальной силы, которая обусловила его активность — империалистической буржуазии. В Японии отчетливо наблюдалось, что если до начала агрессивной войны еще раздавались отдельные голоса ее противников из среды господствующих классов и существовала известная внутренняя борьба по вопросу о войне, то после ее возникновения в правящих кругах установилась полная гармония интересов. Исходя из этого, выражение «военно-промышленный комплекс», получившее распространение в США уже после второй мировой войны, с большим основанием можно употребить применительно к тому тесному реакционному альян-

су милитаристов с монополиями, который установился в военные годы в Японии.

Японский империализм был наиболее сильным союзником гитлеровской Германии. Несмотря на наличие неизбежных меж-империалистических противоречий, разделявших двух хищников, они были тесно связаны друг с другом.

Авантюристические планы «раздела мира», которые вынашивались в Берлине, определенным образом увязывались с не менее авантюристическими проектами Токио.

Как уже упоминалось, Япония первой встала на путь развязывания второй мировой войны и упорно вела ее до последнего момента уже даже после разгрома гитлеровской Германии. Японский милитаризм, несмотря на серьезные неудачи на Тихоокеанском театре, стремился максимально затянуть вторую мировую войну, питая надежды на непрочность антигитлеровской коалиции держав. Фашизированная военщина империалистической Японии мечтала о том, что правящие круги США и Англии в конце концов оценят ее возможную роль как активной антисоветской силы, способной в «общих» империалистических интересах переключить свою агрессию с юга на север. Но этим надеждам не суждено было осуществиться.

Несомненно, что уже самый факт военного поражения гитлеровской Германии и ее сателлитов в Европе предрешил бесславный провал всех японских стратегических планов. Капитуляция Германии в мае 1945 г. прозвучала похоронным звоном для всей разбойничьей фашистской «оси».

Вступление СССР в августе 1945 г. в войну с Японией было продиктовано как выполнением союзнических обязательств, так и стремлением поскорее потушить военный пожар на Дальнем Востоке, влекущий за собою большие жертвы и разрушения.

Славные Вооруженные Силы Советского Союза при участии союзных монгольских войск в короткий срок разгромили квантунскую армию — любимое детище японского милитаризма. Империалистическая Япония была вынуждена капитулировать.

Вторая мировая война дает весьма поучительную картину максимального «взлета» японского милитаризма, установившего в стране свою полную диктатуру, добившегося к 1942 г. невиданных по масштабам территориальных захватов, но недолго удержавшегося на этой головокружительной высоте. Авантюристический курс империалистической Японии, связавшей свою судьбу с фашистскими государствами в Европе, привел к полному краху японского милитаризма.

Японская военщина, потерпев ряд сокрушительных военных поражений, оказалась полностью дискредитированной в глазах народов, и в первую очередь японского народа. Военно-фашистская диктатура навлекла на трудящихся Японии величайшие страдания. Негодование широких народных масс было настолько велико, что после капитуляции Японии в стране создалась

обстановка, близкая к революционной ситуации. Напуганные правящие классы Японии били поклоны американским оккупационным властям, умоляя их любой ценой сберечь японскую монархию, хотя бы как символ уважения прежних государственных традиций.

Оккупационный режим, установленный в основном американскими войсками на территории Японии, в первые месяцы своего функционирования провел несколько мероприятий, направленных на ликвидацию наиболее вопиющих проявлений прежней реакционной социально-политической системы. Были приняты некоторые меры и против японской военщины, отвечавшие интересам не только внутренних демократических сил, но и союзных держав-победителей.

Однако прогрессивная политика американской оккупационной администрации оказалась весьма недолговременной. Вскоре ее полностью сменил другой политический курс, означавший стремление правящих кругов США воспрепятствовать подлинной демократизации Японии и постепенно восстановить под своим контролем ее военно-экономический потенциал, чтобы поставить его на службу американскому империализму. Соответственно этому курсу изменилось отношение и к японской военщине. Она стала рассматриваться как обладающий полезными знаниями и должной квалификацией эвентуальный помощник американских вооруженных сил.

Так называемая «корейская война» явилась тем рубежом, за которым начинается открытое военное сотрудничество США и Японии.

Не останавливаясь на различных этапах развития этого сотрудничества, заметим, что оно привело в конце концов к заключению военно-политического союза между США и Японией, остающегося, однако, неравноправным, поскольку на японской территории сохраняются многочисленные американские военные базы.

Таким образом, более чем тридцатилетний период, истекший со времени окончания второй мировой войны, отмечен процессом, который можно охарактеризовать как постепенное возрождение японского милитаризма под эгидой США.

Разумеется, международная и внутренняя обстановка в Японии со времени второй мировой войны существенно изменилась. Несмотря на все препятствия, нагромождаемые силами мировой реакции, пробивает себе дорогу разрядка международной напряженности, развивается борьба за ликвидацию опасной гонки вооружений и за утверждение мирного сотрудничества между государствами, независимо от их общественного строя. Вырос и продолжает возрастать в мировой политике удельный вес миролюбивых сил.

В самой Японии крепнут демократические элементы, растут их организованность и степень влияния на политическую жизнь.

Любые поползновения реакции встречают отпор со стороны рабочего класса страны, его профессиональных организаций и политических партий.

Тем не менее крупный капитал держит в своих руках реальную власть в Японии. Японские монополии, набирая силу, вовсе не желают довольствоваться ролью младшего партнера Соединенных Штатов Америки. Их экономические интересы все более резко расходятся. В японских правящих кругах далеко не все довольны нынешним положением, при котором «гарантией безопасности» Японии официально признается американский «ядерный щит» и постоянное пребывание американских войск на японской территории.

Возрождение японского милитаризма пока не афишируется. Оно скорее замалчивается в официальных кругах.

Воссоздание японской военной машины не только не может быть особенно популярным в народе, но вызывает чувство законного беспокойства в демократических кругах страны. В современных условиях обострения японо-американских экономических противоречий отношение к процессу вооружения и перевооружения Японии не однозначно и в США. С одной стороны, оно рассматривается как положительный «вклад» Японии в контролируемую американцами систему замкнутых военных блоков, преследующих отнюдь не оборонительные цели. С другой стороны, укрепление и расширение собственно японских вооруженных сил увеличивает степень самостоятельности политики Японии и соответственно ослабляет ее зависимость от США.

Так или иначе, за последнее время увеличивается число симптомов того, что милитаризм в Японии поднимает голову. Это проявляется, во-первых, в материальной сфере — в росте расходов на вооружение, во-вторых, в идеологической сфере — в реабилитации и даже в прославлении милитаристских лидеров периода второй мировой войны и, наконец, в политической сфере — в посылке японских военных делегаций в другие страны, и в частности в Китай.

Отсюда явствует, что проблема японского милитаризма существует и в настоящее время, и тем важнее знать и извлекать соответствующие уроки из исторического опыта, относящегося ко времени второй мировой войны.

Е. Жуков.

Японский милитаризм прошел в своем развитии долгий путь авантюр и кровавых войн. Методы его деятельности отличались многообразием, изощренностью и коварством. Японские милитаристы никогда заранее не объявляли о разрыве отношений и начале войны. Они нападали внезапно, стремясь нанести удар в самое уязвимое место противника, или же маскировали свои захватнические акции провозглашением «мирных» целей. Так было в период русско-японской войны 1904—1905 гг. и интервенции Японии против Советской России. Так было и в декабре 1941 г., когда японские вооруженные силы нанесли внезапный удар по основным военным базам США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии.

Японский милитаризм изучен сравнительно мало и слабо освещен в советской литературе. В начале 70-х годов группа ученых-японоведов провела исследование милитаризма Японии в общем виде с древних времен до наших дней [139]. Этот труд издан в СССР также на английском языке под наименованием «Райз энд Фолл оф Гумбацу».

Отдельные аспекты темы «Японский милитаризм во второй мировой войне» раскрыты в т. 10 «Всемирной истории», во многотомном труде «История второй мировой войны 1939—1945 гг.», в книгах ученых-экономистов Я. А. Певзнера, М. И. Лукьяновой, Г. И. Болдырева, К. М. Попова, в исследованиях, проведенных Б. Г. Сапожниковым, Л. Н. Кутаковым, Г. Н. Севостьяновым, Д. И. Гольдбергом, Г. В. Ефимовым, А. М. Дубинским и др.

Исследование темы «Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939—1945 гг.» отвечает задачам дальнейшей разработки новейшей истории в связи с необходимостью решения главных проблем мирового развития, в том числе проблемы войны и мира. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, выступая на XXV съезде КПСС, заявил: «Все больше увеличивается значение научного исследования кардинальных проблем мирового развития и международных отношений, революционного процесса, взаимодействия и единства различных его потоков, соотношения борьбы за демократию с борьбой за социализм, противоборства сил в главном вопросе современности — в вопросе о войне и мире» [13, с. 73].

Накануне и в период второй мировой войны военно-полити-

ческое руководство Японии, выполняя волю японских монополий (дзайбацу), сумело создать путем милитаризации страны мощные вооруженные силы, захватить огромные территории и вести длительную войну с Соединенными Штатами, Великобританией и Китаем, держа значительную часть сухопутных войск в готовности к нападению на СССР. В связи с этим представляется целесообразным исследовать методы, с помощью которых военной клике Японии удавалось мобилизовать население страны на агрессивную войну в интересах буржуазно-помещичьего блока, особенно дзайбацу.

Реакционные буржуазные историки Японии предпринимают попытки реабилитировать японский империализм и милитаризм, являющиеся причиной гибели во время второй мировой войны десятков миллионов жителей многих стран бассейна Тихого океана. Этой цели, например, служит изданная Управлением национальной обороны Японии в 1966—1976 гг. многотомная «Официальная история войны в Великой Восточной Азии» [142], которая фактически оправдывает агрессивную войну Японии [105, с. 2].

Стремясь обелить японские вооруженные силы, совершавшие массовые зверства на захваченных территориях, японские буржуазные историки и социологи пытаются доказать их связь с народом и даже пропагандировать «гуманизм» японских военнослужащих.

В связи с этим в монографии показана сущность японского милитаризма в период второй мировой войны и его главная особенность как фашизированного милитаризма; разоблачены преступные методы ведения войны японской военщиной и жестокий характер осуществления милитаризмом его внутренней функции.

В настоящее время Япония занимает второе место в капиталистическом мире по своей экономической мощи и обладает возможностями для быстрого усиления армии, авиации и флота. В стране происходит рост милитаризма. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, говоря о росте милитаризма в капиталистическом мире в послевоенные годы, отмечал, что японские милитаристы «вопреки конституции, запрещающей „на вечные времена“ войну, стремятся вновь толкнуть эту страну на путь экспансии и агрессии» [12, с. 16].

Однако, вопреки фактам, представители японских правящих кругов пытаются отрицать наличие и развитие милитаризма в современной Японии. Например, бывший японский министр иностранных дел Охиро Масаёси говорил, что «Япония никогда не может возвратиться к милитаризму» [283, № 3, с. 411]. Аналогичные позиции занимают буржуазные военные историки США. Американский автор Дж. Ауэр в статье «Японский милитаризм»,

опубликованной в журнале «Юнайтед стейтс нэйви просидингс», доказывает, что «если сохранятся нынешние отношения Японии и США (т. е. отношения военно-политического союза.— А. С.), то в Японии не возникнут причины, могущие повернуть ее политику в сторону милитаризма» [284, с. 55].

Отрицание наличия и развития милитаризма в Японии связано с тем неправильным пониманием термина «милитаризм», которое выработано буржуазными учеными.

Наиболее распространенное в Японии определение милитаризма приводится в Большом энциклопедическом словаре (Кодзиэн): «Милитаризм есть явление, присущее странам, где политические и экономические организации и органы образования ведут подготовку к войне, где главное внимание уделяется внешней вооруженной экспансии, в которых бытует мнение, что сила государства проявляется в войне» [153, с. 665]. Аналогичные определения милитаризма даны в «Словаре социальных наук» (Великобритания) и «Энциклопедии Брокгауза» (ФРГ) [188, с. 429; 195, с. 560].

Из приведенного определения видно, что японские ученые отождествляют милитаризм с милитаристскими режимами в таких странах, как Германия, Япония и Италия периода второй мировой войны, где главное внимание уделялось агрессии.

Авторы Кодзиэн считают, что милитаризм существует лишь в тех странах, где ведется подготовка к войне, независимо от типа государства (капиталистическое или социалистическое) и от цели подготовки к войне (справедливая, оборонительная или несправедливая, захватническая). Из определения полностью выпадает классовый характер и внутренняя функция милитаризма — подавление политических и экономических движений трудящихся.

Используя искаженное понимание милитаризма, буржуазные политики Японии решительно отрицают, что милитаризм является функцией эксплуататорского государства, и утверждают, что в Японии не существует и не может существовать милитаризм, так как в настоящее время ее правящие круги пока еще не планируют вооруженной экспансии.

В действительности милитаризм присущ эксплуататорскому строю вообще [110, с. 16].

Научную формулу капиталистического (буржуазного) милитаризма (в свою очередь подразделяемого на доимпериалистический и империалистический) дал В. И. Ленин. В статье «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии» В. И. Ленин писал: «Современный милитаризм есть результат капитализма. В обеих своих формах он — „жизненное проявление“ капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях („Militarismus nach aussen“, как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подав-

ления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата („Militarismus nach innen“)» [2, т. 17, с. 187].

Автор настоящей работы рассматривает японский империалистический милитаризм как систему «политических, экономических и идеологических средств», используемых эксплуататорскими классами для достижения его «внутри- и внешнеполитических целей на основе применения вооруженной силы» [47, № 3, с. 38].

Милитаризм в той или иной мере свойствен всем империалистическим странам, он агрессивен в своей сущности, которая проявляется в соответствии с интересами монополистической буржуазии. Любое империалистическое государство при определенных условиях может превратиться в милитаристское, где экономика, политика и идеология подчинены целям подготовки или ведения войны, средства вооруженного насилия (армия, флот, полиция и другие) получили наибольшее развитие, функции милитаризма осуществляются наиболее жестокими методами, а формы и методы деятельности военных органов переносятся на гражданские.

Основной предмет исследования в книге — сущность, характерные черты, особенности и функционирование японского милитаризма в период второй мировой войны.

Учитывая, что фашистский характер японского милитаризма периода второй мировой войны является его главной особенностью, автор монографии обращает особое внимание на исследование процесса превращения военно-фашистской клики в политический центр страны и методов ее милитаристской деятельности [52, с. 19].

Автор руководствовался в своей работе марксистско-ленинской методологией. Автор следовал указанию В. И. Ленина: «Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [2, т. 39, с. 67].

Автор привлек для исследования темы новые японские источники. В монографии широко использованы материалы изданной в 1972—1973 гг. прогрессивными японскими историками «Истории войны на Тихом океане» [57], являющейся по существу ответом на выпуск «Официальной истории...».

При анализе милитаризации японской экономики были использованы данные, взятые из тома «Мобилизация военного производства для сухопутных войск» «Официальной истории...» [142, т. 9, с. 33].

Для выявления особенностей внешней функции японского милитаризма автор привлек документы, опубликованные в разделах «Секция армии императорской Ставки» и «Подготовка военно-морских сил к войне» «Официальной истории...», в кото-

рых приводятся стратегические и оперативно-стратегические планы Японии, свидетельствующие об агрессивных замыслах японских правящих кругов, в частности в отношении Советского Союза [142, т. 8, с. 31].

Автор проанализировал также данные о развитии японских вооруженных сил, приведенные в других томах «Официальной истории...». При описании боевых действий на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии авторы «Официальной истории...» стремятся подчеркнуть высокий уровень военного искусства японских вооруженных сил и, оправдывая реакционность внешней формы милитаризма, «освободительный» характер действий армии и флота Японии, героизм военнослужащих Японии, особенно из «частей специальных атак», т. е. «смертников» [142, т. 10, с. 11].

В монографии использован широкий круг других источников на японском, английском и немецком языках, позволяющих раскрыть милитаризацию политической, экономической и идеологической жизни Японии, развитие и функционирование ее средств вооруженного насилия.

Автор стремился внести свой скромный вклад в комплексное исследование японского милитаризма накануне и в период второй мировой войны, чтобы раскрыть его антинародную сущность, социальную опасность, характерные черты, особенности и функционирование; разоблачить преступные методы ведения войны японской фашизированной военщиной; выявить связи и взаимозависимость экономики, политики и идеологии японского буржуазного общества с его средствами вооруженного насилия; показать решающую роль советского народа и его Вооруженных Сил в разгроме милитаристской Японии в период второй мировой войны.

*Сущность, характерные черты
и особенности японского милитаризма*

Корни милитаризма — в частной собственности на средства производства, породившей антагонистические классы и государство, являющееся «по существу машиной» в руках эксплуататорского класса «для подавления и эксплуатации угнетенного класса» [1, т. 21, с. 171, 173, 176].

В. И. Ленин, связывая образование государства и создание средств вооруженного насилия (войска, полиция и др.) с появлением эксплуататоров, писал: «Когда появляется такая особая группа людей, которая только тем и занята, чтобы управлять, и которая для управления нуждается в особом аппарате принуждения, подчинения чужой воли насилию — в тюрьмах, в особых отрядах людей, войске и пр., — тогда появляется государство» [2, т. 39, с. 69].

Определив «современный (т. е. империалистический. — А. С.) милитаризм» как «результат капитализма» и как «военную силу» государства, «оружие» господствующих классов, В. И. Ленин тем самым указал на роль буржуазного общества в обеспечении функционирования его «жизненного проявления» — милитаризма.

Капиталистическое общество, его экономика, политика и идеология обеспечивают существование и постоянное функционирование вооруженных сил и полиции — орудия реакционной политики империалистической буржуазии, ее государства.

В период подготовки к столкновению с другими странами и во время войны эксплуататорские классы особенно интенсивно проводят милитаризацию общественной жизни страны, т. е. осуществляют комплекс мероприятий с целью усиления политических, экономических и идеологических средств, используемых для обеспечения и осуществления вооруженного насилия.

Указывая на всеобъемлющий характер милитаризации стран в период первой мировой войны, В. И. Ленин писал в 1916 г.: «Теперь милитаризация проникает собой всю общественную жизнь» [2, т. 30, с. 137], т. е. экономическую, политическую и идеологическую жизнь буржуазных обществ.

Милитаризация жизни буржуазного общества проводится для усиления милитаризма, который В. И. Ленин считал «главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса» [2, т. 17, с. 188].

В первые годы после окончания войны в капиталистических странах обычно происходит сокращение производства вооружения и других элементов материально-технической базы милитаризма, снижение военных расходов, частичная демобилизация военнотружущих армий и флота, ослабление военно-идеологической обработки населения. Этот процесс не означает ликвидации милитаризма, а лишь его временное ослабление. Следовательно, милитаризм существует и функционирует постоянно как разновидность общественной организации буржуазного общества.

Характеризуя смысл понятия «общественная организация», В. И. Ленин писал: «...флот, армия, государство представляют из себя в одно и то же время сумму организаций (в узком смысле слова) и разновидность общественной организации (в широком смысле слова)» [2, т. 8, с. 242, прим.].

Аналогичное определение можно дать японскому милитаризму: империалистический милитаризм Японии в период второй мировой войны являлся системой военно-экономических, военно-политических, военно-идеологических организаций, используемых для обеспечения и осуществления вооруженного насилия.

К военно-экономическим общественным организациям Японии относились управленческие и контрольные органы империалистического государства и монополий (министерство вооружения, «контрольные ассоциации» и т. п.), руководящие выпуском вооружения и других материальных средств, а также непосредственно производящие все необходимое для функционирования милитаризма.

К военно-политическим организациям относились: военный кабинет, министерство внутренних дел и другие министерства и ведомства, полиция, фашизированные общества Ассоциации помощи трону, различного рода милитаристские и полумилитаристские организации и учреждения, обеспечивающие военно-политическими средствами выполнение милитаризмом его внутренней и внешней функций. Правомерно включить в понятие «военно-политические организации» военные организации — органы военного управления (Ставка, генеральные штабы армии, флота, военные министерства и др.), объединения, соединения, части вооруженных сил, учреждения и подразделения жандармерии, так как они используются как орудия внешней и внутренней политики эксплуататорских классов.

К военно-идеологическим общественным организациям относились органы, руководящие военно-идеологической обработкой населения, коллективы научных учреждений, редакций издательств, радиостанций, киностудий, общества писателей, жур-

налистов, художников и т. п., занимавшиеся созданием и распространением милитаристских теорий и идей.

Следует учесть, что деление организаций милитаризма на три группы произведено по их главному признаку. Организации милитаризма каждой данной группы в той или иной мере выполняли задачи, присущие другой группе или всем трем перечисленным группам, что свидетельствует об их тесной связи и взаимозависимости. Например, военное министерство кроме военных выполняло также политические функции, так как его Управление военных дел фактически руководило деятельностью Ассоциации помощи трону; Управление по мобилизации военного производства этого министерства занималось организацией выпуска вооружения для нужд армии, а его соответствующие отделы — военно-идеологической обработкой населения.

Сущность милитаризма Японии, как и других империалистических государств, заключалась в том, что он являлся главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса Японии, а также орудием, предназначенным и используемым для вооруженного столкновения с другими странами. Руководящие военно-политические организации, выполняя волю эксплуататорских классов, определяли задачи милитаризма и организовывали их решение. Военно-экономические и военно-идеологические организации обеспечивали достижение целей, поставленных перед военными организациями. Средства вооруженного насилия (военные организации) непосредственно осуществляли внутреннюю и внешнюю функции милитаризма.

Милитаризм Японии на капиталистической стадии ее развития до конца второй мировой войны обладал рядом характерных черт и особенностей, существование которых было обусловлено спецификой развития страны, ее экономики, политики и идеологии.

Существенной характерной чертой японского милитаризма являлись высокие темпы развития военного производства. Это объясняется тем, что правящие круги страны приняли агрессивный курс сразу же после незавершенной буржуазной революции 1868 г. и проводили его до конца второй мировой войны.

Отмечая, что в Азии условия наиболее полного развития товарного производства, наиболее широкого и быстрого роста капитализма создались только в Японии, В. И. Ленин писал: «Это государство — буржуазное, а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии...» [2, т. 25, с. 262].

В 1894—1895 гг. вооруженные силы Японии вели захватническую войну с целью закабаления народов Китая и Кореи. В. И. Ленин указывал: «1895: (Китайско-японская война). Грабят („делят“) *Китай*. (*Япония+Россия+Англия+Германия+Франция*)» [2, т. 28, с. 668]. В феврале 1904 г. Япония напала на Россию. Война продолжалась до лета 1905 г.

Для ведения войны против Китая и России были необходимы флот и армия, вооруженные современным по тому времени оружием, а для его создания — военная промышленность. Поэтому правящие круги Японии уделяли основное внимание строительству военных заводов, модернизации arsenалов и развитию тех отраслей промышленности, которые были необходимы для военного производства [187, с. 146—147].

В период с 1868 по 1877 г. в Японии было построено 478 частных промышленных предприятий с числом рабочих более 10 человек в каждом, в 1877—1886 гг. — 760 предприятий [135, с. 39]. Основное внимание обращалось на создание тяжелой промышленности, машиностроения, горной промышленности и судостроения, т. е. на отрасли, имеющие военное значение. Были модернизированы старые арсеналы и созданы новые, на судостроительных заводах увеличено количество рабочих и иностранных специалистов [187, с. 146—147].

В. И. Ленин, обращая внимание на высокие темпы экономического развития Японии, писал: «Япония в 1863 году была нулем по сравнению с Россией...» [2, т. 31, с. 392]. «После 1871 года Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция, Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия...» [2, т. 26, с. 353].

В 1900—1937 гг. Япония показала наибольший прирост промышленной продукции по сравнению с наиболее развитыми в экономическом отношении капиталистическими странами (табл. 1).

Таблица 1

*Изменение объема промышленной продукции
в развитых капиталистических странах,
1900—1937 гг. **

Страна	1900—1913 гг. (1900 г. = 100)	1913—1929 гг. (1913 г. = 100)	1929—1937 гг. (1929 г. = 100)
Япония . . .	+181**	+197	+71
США	+85	+70	—8
Англия . . .	+25	—1	+24
Германия . .	+54	+3***	+17***
Франция . .	+51	+38***	—13***

* [77, с. 8].

** За 1899—1914 гг.

*** В послевоенных границах.

Данные табл. 1 свидетельствуют, что в 1900—1937 гг. Япония превосходила по приросту объема промышленной продукции Соединенные Штаты более чем в 3 раза, а Англию — более чем в 9 раз.

Среднегодовые темпы роста промышленной продукции в

Японии в 1900—1929 гг. составляли 12%, а в 1929—1937 гг.— 8, в то время как в США в 1900—1913 гг.— 7%, в 1913—1929 гг.— 4, а в 1929—1937 гг.— 1% [77, с. 9].

Высокие темпы развития японской промышленности достигались прежде всего за счет интенсивной эксплуатации рабочих, заработная плата которых была в 6 раз ниже, чем в США, и в 3 раза ниже, чем в Англии [280, 1936, с. 43]. Норма прибавочной стоимости в японской промышленности равнялась в 1931 г. 251, а в 1937 г.— 380 и в 2,5 раза превышала норму прибавочной стоимости в США [77, с. 28].

Значительные средства и сырье японские капиталисты получали за счет ограбления колоний: Тайваня, Кореи, Маньчжурии.

В связи с этим в конце XIX в. и в первые десятилетия XX в. быстро росли государственные доходы и расходы Японии: в 1893/94 финансовом году они составили соответственно 113,8 млн. и 84,6 млн. иен, в 1914/15 г.— 734,6 млн. и 648,4 млн. иен, в 1936/37 г.— 2371,1 млн. и 2311,5 млн. иен. Удельный вес военных ассигнований в 1913—1937 гг. увеличивался и составлял 28—48,6% расходной части бюджета, в то время как в США — 10,4—13,7%, в Англии — 10,8—20% [35, с. 145, 167, 190, 192, 206].

Высокие темпы развития японского капитализма на основе военного производства обусловили быстрое создание и расширение материально-технической базы милитаризма, что также является его важной характерной чертой.

О внимании японского правительства к развитию военных отраслей промышленности свидетельствует указ «О контроле над производством важных отраслей промышленности», принятый в апреле 1931 г., согласно которому к важнейшим были отнесены 19 отраслей, составляющих основу военного производства, в том числе машиностроение, металлургия и химическая промышленность. В то же время производство предметов народного потребления стало сокращаться [174, с. 253].

В 1931—1938 гг. наибольшее развитие получили металлургия, машиностроение, химическая промышленность, газовая и электротехническая промышленность. Если все промышленное производство увеличило количество выпускаемой продукции в 2,6 раза, то металлургия — почти в 10 раз, машиностроение — в 6,7 раза, химическая промышленность — в 3,2 раза, газовая и электротехническая промышленность — в 2,1 раза [174, с. 254].

В 1939 г. производство вооружения для сухопутных войск и военно-морского флота увеличилось по сравнению с 1925 г. почти в 5 раз [174, с. 252].

Одной из характерных черт японского милитаризма является крайняя реакционность проявления его внешней и внутренней форм.

Милитаризм любой империалистической страны реакционен в своей сущности. Вместе с тем было бы целесообразно раз-

личать степень реакционности милитаризма каждой страны в соответствии с характером осуществления его функций.

Внешняя форма японского милитаризма имела особо агрессивный характер. Вся история капиталистической Японии представляет собой цепь захватнических войн.

Летом 1910 г. японская армия фактически аннексировала Корею. Захваченные Японией территории равнялись 76% территории метрополии и 66% ее населения [173, с. 16].

Японские воинские части часто использовались для борьбы с повстанческим движением, а также экономическими и политическими выступлениями трудящихся на захваченных территориях. Например, в 1907—1911 гг. японские части 2852 раза посылались на усмирение крестьян и подавление мятежей в Корее. В этих акциях участвовало в общей сложности 141 818 военнослужащих армии и жандармерии. Каратели потеряли за это время 17 697 солдат и офицеров [173, с. 16].

В 1914 г. Япония захватила арендованную Германией территорию Шаньдуна, а также Маршалловы, Каролинские и Марианские о-ва.

В январе 1918 г. во Владивостоке бросил якорь японский крейсер, а с апреля того же года Япония приняла активное участие в интервенции США, Великобритании и Франции против Советской России. Японские войска захватили Приморье, Восточную Сибирь, Северный Сахалин. Интервенция Японии продолжалась до 1922 г.

Участие японских войск в интервенции против первого в мире социалистического государства было особо реакционным проявлением внешней формы милитаризма Японии, так как помимо цели захвата богатств Дальнего Востока и Сибири японские правящие круги ставили своей целью свержение Советской власти, как принципиально враждебной им формы правления. В. И. Ленин писал в 1918 г.: «Англо-японцам нужен не только захват и грабеж русской земли, но и свержение Советской власти...» [2, т. 37, с. 38].

В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, в 1933—1935 гг. — провинции Хэбэй, Шаньси и Чахар, в 1937 г. развязала войну против китайского народа.

Японские вооруженные силы, начав агрессию против Китая, грабили население, расстреливали мирных жителей. Американский корреспондент Эдгар Сноу писал о зверствах войск Японии в Китае в 1937 г.: «Только в одном Нанкине японская армия уничтожила более 42 тысяч жителей — большей частью женщин и детей. Считают, что за время наступления на Шанхай и Нанкин японские войска уничтожили 300 тысяч мирных жителей. Около 50 тысяч японских солдат в течение месяца с лишним творили в Нанкине неслыханный произвол, насиловали, убивали, грабили. 12 тысяч магазинов и частных домов были разграблены и сожжены» [57, т. 2, с. 155].

Промежутки между войнами были заняты подготовкой к агрессивным актам.

В период агрессии против Китая японские милитаристы совершали вооруженные провокации против СССР: обстрелы советской территории, граждан и судов, нарушения границы, переброски вооруженных банд, диверсантов и шпионов.

В 1938 г. японские войска совершили нападение на Советский Союз в районе Приморья, а в 1939 г. — на Монгольскую Народную Республику, связанную с СССР договором о взаимопомощи. Советские и монгольские войска наголову разбили японских милитаристов.

Таким образом, японский капиталистический милитаризм в своей внешней форме выступал как реакционная, агрессивная сила. Вплоть до начала второй мировой войны он успешно осуществлял агрессию против капиталистических государств, но терпел поражения от социалистических стран — СССР и МНР.

Внутренняя форма японского капиталистического милитаризма проявлялась в основном в активных и наиболее реакционных видах, в том числе в подавлении выступлений трудящихся метрополии, колоний и захваченных территорий силами войск, жандармерии, полиции и вооруженных групп милитаристских организаций. Распространенными активными видами подавления являлись акты по предотвращению выступлений трудящихся: демонстрации силы армии, военной полиции и милитаристских элементов; убийства, избиения, аресты руководителей и активных трудящихся до начала забастовок или демонстраций; шантаж, компрометация, подкуп, вербовка; пропаганда, направленная против готовящегося выступления рабочих или крестьян. Одним из видов проявления внутренней формы милитаризма являлась готовность вооруженных сил, военной полиции, милитаристских организаций к подавлению движений трудящихся.

В августе — сентябре 1918 г. войска в массовом порядке использовались для подавления «рисовых бунтов» в Японии, продолжавшихся 44 дня. За это время произошло более 180 «рисовых бунтов» в 144 городах и других населенных пунктах. В 27 случаях вызывались войска. Около 30 бунтов вылилось в кровавые столкновения, причем сотни повстанцев были ранены и убиты в боях с войсками [7, с. 101—102]. В 20—30-х годах подавление движений трудящихся осуществлялось в основном силами жандармерии, полиции и вооруженных групп милитаристских организаций. Главные усилия этих составных частей аппарата милитаризма были направлены на предотвращение массовых выступлений трудящихся.

С этой целью наиболее жестоко репрессиям подвергались члены КПЯ, передовые рабочие, крестьяне и интеллигенция. Катаяма Сэн писал в 1933 г. в статье «К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии»: «За последние пять лет боль-

ше 60 товарищей из КПЯ были зверски убиты руками палачей, в том числе товарищи Ватанабэ, Ивата и Уэда, члены ЦК КПЯ. С 1928 года арестовано свыше 25 тысяч революционных рабочих, крестьян и интеллигентов. За один только месяц (октябрь) 1932 года в Токио было арестовано 2 тысячи коммунистов и сочувствующих компартии. Около 2 тысяч коммунистов томятся за тюремной решеткой» [249, 1938, № 7—8, с. 76].

Массовые аресты противников войны были произведены жандармерией и полицией в конце 1937 г., после начала агрессии Японии против Китая [273, 23.XII.1937]. Что касается КПЯ, то в результате жестоких репрессий и полицейских провокаций она была ослаблена: по существу продолжали борьбу отдельные нелегальные группы коммунистов. Как отмечал IV пленум ЦК КПЯ, со второй половины 30-х годов в стране имела место лишь «разобщенная деятельность некоторых групп коммунистов, борьба отдельных коммунистов» [265, 1947, № 20, с. 58—64].

Крайняя реакционность проявления функций милитаризма империалистической Японии была обусловлена рядом причин, наиболее важными из которых было сравнительно раннее возникновение монополистического капитализма в стране. Уже в 80-х годах XIX в. образовался ряд монополий в различных отраслях промышленности.

В начале XX в. происходит интенсивное развитие японского монополистического капитализма.

Создание монополистических объединений и рост их могущества обусловили усиление реакционности политики правящих кругов Японии и рост японского милитаризма. Повышение степени реакционности политики выразилось в решительной поддержке японскими монополиями курса на подавление демократических движений, сокращении и без того урезанных буржуазных свобод и формировании в стране военно-фашистской диктатуры; в принятии агрессивного курса с целью создания обширной японской колониальной империи. Так как японским товарам было трудно конкурировать с американскими, английскими, германскими и французскими, правящие круги Японии стремились овладеть рынками сбыта (в первую очередь в Китае) как экономическими методами, так и во все большей степени путем захвата чужих территорий.

Японские милитаристы уделяли исключительно большое внимание военно-идеологической обработке личного состава вооруженных сил, полиции и населения. Широко известно массовое проявление фанатизма японскими солдатами и офицерами. Создание и использование групп, отрядов и частей смертников (летчиков «камикадзэ», водителей человекоотопедов—«кайтэн») — зловещий результат и уникальный в военной истории пример оголтелой и изощренной военно-идеологической обработки. Эта характерная черта японского милитаризма была обусловлена рядом причин.

Во-первых, дзайбацу и военщина учитывали, что материально-техническая база милитаризма, несмотря на быстрое развитие, недостаточна для успешной войны с такими мощными индустриальными государствами, как СССР, США и Великобритания, и поэтому стремились компенсировать этот недостаток путем создания высокого боевого духа у военнослужащих и идеологического единства населения, являющегося необходимым условием крепкого тыла.

Во-вторых, военно-идеологическая обработка, пропаганда необходимости «сплочения нации против общего врага» и других милитаристских идей, являясь своего рода идеологическим насилием над трудящимися, должна была способствовать, с одной стороны, выполнению милитаризмом его функций, а с другой — усилению эксплуатации рабочих и крестьян с целью повышения прибылей капиталистов.

В-третьих, в обстановке, когда после Великой Октябрьской социалистической революции идеи социализма стали овладевать умами народов стран Азии, поднимая их на борьбу за национальное и социальное освобождение, правящие круги Японии принимали меры для противопоставления им реакционных идей, преследовавших империалистические и милитаристские цели. Так, пропаганда идеи «общности судьбы народов Восточной Азии», распространение лозунгов о необходимости их объединения для освобождения от белых колонизаторов, с одной стороны, помогали дзайбацу конкурировать с американскими и европейскими монополиями и овладевать рынками сбыта и сферами влияния экономическими методами, с другой — создавали условия для захвата азиатских стран. Вместе с тем идеям паназиатизма придавалась антисоветская и антикоммунистическая направленность; японские пропагандисты изображали коммунистов, СССР главными противниками национального освобождения азиатских народов.

Особенностью военно-идеологической обработки населения Японии являлось использование в милитаристских целях идей не только буржуазного, но и феодального общества, а также в самых широких масштабах — религии.

Идеологи милитаризма пропагандировали принципы морально-этического кодекса самураев «бусидо» («Путь воина»), особенно его требования верности хозяину и своему долгу, стремясь привить эти принципы не только военнослужащим, но и всем японцам.

Бусидо тесно связан с национальной японской религией синто. Синтоистский культ почитания душ умерших героев (погибших выполняя приказ командира, хозяина) был использован для включения в правила поведения воинов принципа храбрости и презрения к смерти. Догматы буддизма также оказали влияние на формирование морального кодекса самураев.

Буддийский догмат о перевоплощении, утверждающий, что

в случае «добродетельного» поведения простой солдат, рабочий или крестьянин может перевоплотиться в человека высокого общественного положения, содействовал формированию одного из принципов «бусидо» — дисциплинированности. Повиновение своему хозяину (командиру), считавшееся согласно буддийской религии «добродетелью», являлось одним из главных правил кодекса поведения самураев.

Известно, что ортодоксальный буддизм категорически запрещает убийство. Японские милитаристы с их жестокими обычаями не могли принять этот принцип. Поэтому в Японии получила распространение одна из относительно самостоятельных ветвей буддизма — школа секты «дзэн», предусматривавшая различного вида «искупления» своего жизненного пути, на котором убийства как бы носили характер «профессионально-бытовой» необходимости. Японская военщина, отдавая дань буддизму, чтит также синтоистские божества, менее взыскательные в отношении запрета кровопролития, особенно бога войны Хатимана [139, с. 31].

Таким образом, религия являлась опорой милитаристской идеологии в Японии. Особенно это относится к синтоизму, который в отличие от других религий, выбравших в качестве объекта религиозных спекуляций внутренний мир и переживания отдельного индивида, с самого начала возник как государственная религия, обожествляющая главу японского государства [256, № 9, с. 36—37].

В 1935 г. японское правительство выступило со специальным заявлением: «Государственный строй Японии определен еще тогда, когда по божественному повелению спустились на землю потомки Аматерасу» (т. е. богини солнца.— А. С.). В заявлении провозглашалось, что «верховная власть в Великой Японской империи безраздельно принадлежит императору» [57, т. 1, с. 374].

В идеологической обработке населения применялся принцип патернализма: хозяева предприятий, помещики, офицеры считались «отцами», а рабочие, крестьяне, служащие — «детьми», обязанными им повиноваться. Отцом нации считался «тэнно» («божественный император»), а все японцы — его детьми.

Важной характерной чертой японского милитаризма являлось засилье военщины в государственном аппарате.

Главенствующее положение военных в государстве находило свое проявление в занятии их представителями (вначале в основном выходцами из княжеств Тёсю и Сацума, принимавшими активное участие в незавершенной буржуазной революции 1868 г.) наиболее важных государственных постов в стране. В созданном в 1885 г. кабинете министров (найкаку) из десяти министров, включая премьера, восемь (в том числе такие известные, как Ямагата, Мацуката, Ояма и Иноуэ) были представителями этих бывших самурайских кланов, имевших тесные

связи с японской торгово-ростовщической, а в дальнейшем — и промышленной буржуазией. Представители этих самурайских кланов являлись членами гэнро — неконституционного органа, созданного императором после японо-китайской войны 1894—1895 гг. Институт гэнро — ближайших советников императора — пользовался большим влиянием. Советы гэнро по вопросам назначения главы правительства, объявления войны, заключения мира и договоров с иностранными державами являлись для императора решающими. Членами гэнро, возглавлявшими все правительство Японии до 1913 г., также были представители бывших самураев из княжеств Тёсю и Сацума (Ито, Мацуката, Иноуэ, Ямагата, Ояма, Сайго, Курода, Кацура) и выходец из придворной аристократии (кугэ) Сайондзи. Все они были тесно связаны с дзайбацу: Ито и Иноуэ — с Мицуи, Мацуката — с Мицубиси, Сайондзи — с Сумитомо [135, с. 48, 63]. Вследствие этого японская военщина пользовалась большим влиянием и фактически находилась вне контроля парламента. Этому способствовало то обстоятельство, что все вопросы комплектования и подготовки вооруженных сил, а также ведения войны были прерогативой императора, который, согласно статьям 11 и 12 конституции, являясь верховным главнокомандующим армии и флота, устанавливал структуру сухопутных войск и военноморских сил и определял методы их подготовки [142, т. 31, с. 1]. После утверждения императором основных документов, определявших подготовку вооруженных сил и стратегические планы (составленные начальниками генеральных штабов, военным и военноморским министерствами), он давал указания премьер-министру о претворении в жизнь военно-политического курса в части, касающейся прерогатив правительства [142, т. 31, с. 2]. В 30-х годах для рассмотрения важнейших вопросов подготовки к войне собирался узкий состав правительства, включавший помимо премьера военного и военноморского министров, министров иностранных дел и финансов [26, д. 482, л. 135].

Накануне второй мировой войны засилье военщины в Японии еще больше укрепилось.

Концентрация промышленности достигла высокого уровня развития. В 1936 г. шесть крупных концернов Японии распоряжались 59% всех вкладов [77, с. 3, 17—19].

Быстрое развитие японской промышленности достигалось, в основном, за счет высокой нормы эксплуатации, составлявшей в 30-х годах 380% (в 2,5 раза выше, чем в США) [77, с. 28].

Японские монополии добивались захвата новых рынков сбыта и источников сырья. «Чем выше развитие капитализма, — указывал В. И. Ленин, — чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний» [2, т. 27, с. 380].

В результате захвата Маньчжурии, Северного и Централь-

ного Китая руководство армии получило дополнительные рычаги давления на правительство Японии.

Военные круги полностью использовали в 1931—1939 гг. военно-экономическую конъюнктуру для усиления влияния государственного аппарата на экономическую жизнь страны, прежде всего в интересах дзайбацу. Процесс развития государственно-монополистического капитализма способствовал дальнейшему укреплению связей военного руководства с монополистами [58, т. 2, с. 313—314; 57, т. 2, с. 212—215].

Таким образом сохранение «монополии военной силы» в Японии означало, что военные деятели упрочили свое положение в государственном аппарате, поскольку они отражали интересы и выполняли волю эксплуататорских классов, в первую очередь дзайбацу.

Наряду с общими чертами, присущими странам с милитаристским режимом, японский милитаризм обладал особенностями.

Важнейшей особенностью японского империалистического милитаризма накануне второй мировой войны являлось превращение его в фашизированную систему, которой были свойственны ярко выраженный антикоммунизм и антидемократизм.

Первые фашистские группы возникли в 1919—1923 гг. при покровительстве Общества черного дракона (Кокурю кай), являвшегося по существу придатком военного и военно-морского министерства [116, с. 10, 20, 32].

Военные оказали большое влияние на таких деятелей правых сил, как Кита Икки, Окава Сюмэй, Акао Бин [150, с. 6—59], которые формировали банды погромщиков в обстановке японской интервенции против Советской России, массовых «рисовых бунтов» в 1918 г., роста революционного движения в стране и создания в 1922 г. Коммунистической партии Японии.

Именно под влиянием идей японской военщины Кита Икки написал в 1919 г. книгу «Программа реформ Японии», которая стала впоследствии своего рода библией японских фашистов. Важное место в ней занимало определение роли фашистского государства, которому будет предоставлено право объявления войны, например, «во имя освобождения Индии от английского ига, Китая — от иностранного гнета», а также «тем нациям, которые владеют чрезмерными территориями или управляют ими бесчеловечным образом, например для отторжения Австралии от Англии и дальневосточной Сибири от России» [38, с. 70].

Таким образом, в самом начале зарождения программы японского фашизма в ней были заложены основы для наиболее агрессивного проявления милитаризма.

В период частичной стабилизации капитализма в 20-х годах большая часть фашистских групп, не найдя широкой социальной базы, распалась. Однако главари зарождавшегося фашист-

ского движения продолжали деятельность с целью привлечения на свою сторону в первую очередь финансовых и военных кругов Японии. Например, Окава Сюэмэи часто читал лекции с изложением программы японских фашистов по приглашению генерального штаба армии и установил связи с высшими политическими и финансовыми кругами. Кита Икки нашел среди высшего командования армии и военно-морского флота лиц, которые поддерживали идеи, изложенные в его книге [26, д. 482, л. 100; 58, т. 2, с. 211].

Новый этап в развитии фашистского движения в Японии начался в связи с экономическим кризисом, в результате которого резко ухудшилось положение трудящихся, мелкой, а также средней буржуазии. В 1930—1931 гг. в стране обанкротилось и прекратило существование свыше 10 тыс. средних и мелких предприятий. Количество безработных достигло 3 млн. [48, с. 196; 172, т. 1, с. 229]. Цены на рис упали на 50%, на шелк — на 70%, поэтому крестьяне, для того чтобы уплатить арендную плату и не лишиться земли, вынуждены были голодать. Кризис нанес удар и по интересам мелких и средних помещиков и кулаков, поскольку крестьяне-арендаторы были не в состоянии внести им арендную плату. Недовольство помещиков и кулаков нашло отражение в требованиях различных фашистских группировок. Лозунг «Помощь деревне» был одним из основных, выдвинутых фашистскими группами, подразумевавшими под этим помощь помещикам и кулакам [48, с. 196—197].

В этих условиях японским фашистам удалось в какой-то мере привлечь на свою сторону мелкую буржуазию [57, т. 1, с. 209], в том числе офицерский состав армии и флота, 75% которого были выходцами из среды мелкой буржуазии города и деревни [99, с. 115]. Немаловажное влияние на настроение офицеров оказало снижение им жалованья и задержка производства в следующий чин из-за бюджетных ограничений, а также неоднократное сокращение численности армии и увольнение офицеров в запас [57, т. 1, с. 180]. Поэтому призывы фашистов немедленно захватить Маньчжурию и «навести порядок» в стране вызвали благоприятный отклик у военщины, рассчитывавшей в связи с этим на рост военного бюджета, прекращение увольнений из вооруженных сил и увеличение жалованья в период военных действий [99, с. 118].

В сентябре 1930 г. в штабе Квантунской армии приступили к разработке плана захвата Маньчжурии. Наиболее активную роль в подготовке агрессии играло военно-фашистское Общество цветущей вишни (Сакураи кай), в состав которого в мае 1930 г. входило 150 «молодых офицеров»¹ во главе с майором Хасимото, которые планировали во второй декаде сентября 1931 г. «решить маньчжурскую проблему», а затем «силой овладеть государственной властью» [173, т. 1, с. 296].

Деятельность «молодых офицеров» инспирировалась высшим

военным командованием. За несколько дней до выступления японских войск в Маньчжурии начальник генерального штаба армии генерал Каная Хандзо заявил для опубликования в печати, что наступил момент, когда одним ударом нужно покончить с 300 нерешенными вопросами в Маньчжурии [27, с. 66]. Это означало, что японская военная клика, выполняя волю буржуазно-помещичьего блока, вступила в борьбу за передел мира. В качестве «застрельщиков» агрессии она использовала фашистские группы.

Правые группировки предоставили средства Союзу резервистов (Дзайго гундзин кай), который развернул деятельность в поддержку «решения» маньчжурского вопроса [172, т. I, с. 296]. В ночь на 19 сентября 1931 г. японские войска, провокационно обвинив китайцев в разрушении полотна железной дороги близ Мукдена, напали на их казармы, захватив к утру 19 сентября Мукден и другие крупные города на ЮМЖД. К концу 1931 г. почти вся территория Маньчжурии была оккупирована Квантунской армией [92, с. 146; 172, т. I, с. 264].

Безнаказанная оккупация Маньчжурии воодушевила реакционные круги, толкнула фашистские группы, главной силой которых была военщина, на попытку государственного переворота. В октябре 1931 г. был раскрыт заговор, в котором основная роль принадлежала «молодым офицерам» майора Хасимото, а также группе фашистов во главе с Окава Сюзэй и Кита Икки. Заговорщики рассчитывали получить одобрение императора и силой захватить власть в стране, после чего предполагалось сформировать фашистское правительство во главе с генерал-лейтенантом Араки Садао [173, т. 1, с. 296].

«Раскрытие» заговора было использовано фашистской военщиной в качестве средства давления на парламент и основные буржуазные партии. В новом кабинете министров в декабре 1931 г. два организатора заговора, генерал Араки и Судзуки, заняли посты военного министра и министра юстиции. На важные посты в вооруженных силах стали назначаться руководители военно-фашистских организаций в армии и на флоте [139, с. 139—140]. В начале мая 1932 г. Национальная федерация молодых офицеров, готовя переворот, распространила листовки с демагогическими утверждениями, что «молодые офицеры» придут «на помощь народу в борьбе против „коммерческих спекулятивных кругов“». 15 мая 1932 г. фашистские заговорщики вторглись в резиденцию правительства, убили премьер-министра Инукаи, бросили бомбы в здания партии Сэйюкай и концерна Мицубиси [40, т. 9, с. 185]. Однако путч не удался. Заговорщики были арестованы военной жандармерией и полицией [150, с. 201—202]. Новый кабинет был сформирован отставным адмиралом Сайто Микото, который стал проводить компромиссный политический курс, представлявший среднюю линию между требованиями крайних военно-фашистских кругов, группи-

ровавшихся вокруг генерала Араки, и прежней политикой парламентского кабинета Инукаи [52, с. 19].

Японские монополии, дворцовые и помещичьи круги в целом поддерживали военно-фашистское движение, имевшее антикоммунистический, антисоветский характер и цели. Вместе с тем существовали определенные расхождения между «старыми», основными концернами и так называемыми новыми в определении форм и методов фашизации. Основные концерны (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда) были недовольны антимонополистической демагогией «молодых офицеров» и, тем более, террористическими актами против своих представителей, например убийством в феврале 1932 г. председателя совета директоров концерна Мицуи барона Дана. Поэтому «большая четверка» во все большей степени стала поддерживать ту часть военщины, которая смогла бы проводить фашизацию страны методами, наиболее приемлемыми для основных монополий.

В противовес «новым» концернам, направлявшим деятельность военно-фашистской Группы императорского пути (Кодоха), ставившей своей целью установление путем переворота «государственного социализма с императором в центре» и завоевание соседних стран Азии [40, т. 9, с. 430], основные монополии стали поддерживать «группу контроля» (тосэйха), которая планировала дальнейшую фашизацию Японии методом «решительного проведения реформ под контролем штабных офицеров центральных управлений армии» [92, с. 186].

Поддержка основными монополиями тосэйха во главе с генералами Нагата, Тодзио и Муто предопределила ее победу над Кодоха, руководимой генералами Араки и Мадзаки, хотя борьба между ними носила порою острый характер. В январе 1934 г. лидер Кодоха генерал Араки вынужден был уйти с поста военного министра [142, т. 8, Прил. 1]. Новый военный министр — генерал Хаяси, тесно связанный с основной группой монополий, летом 1935 г. начал чистку армии от аракистов, в результате которой был уволен с поста генерал-инспектора военного обучения генерал Мадзаки. В ответ на эти мероприятия член Кодоха подполковник Аидзава убил в августе 1935 г. ближайшего помощника Хаяси — генерала Нагата [92, с. 180—181].

Ослабление позиций Кодоха, усиление критики фашизма со стороны народных мас, рост влияния Социалистической массовой партии (Сякай минсюто) и других левых партий и групп в результате выборов 20 февраля 1936 г. толкнули Кодоха на путь переворота [57, т. 2, с. 42—43]. 26 февраля мятежники численностью свыше 1400 человек захватили основные правительственные учреждения, убили министра финансов Такахаси и министра-хранителя печати Сайто [26, д. 482, л. 128]. Однако заговор не был поддержан другими группами аракистов и был подавлен. Военно-фашистское движение вошло в свое основное русло *«планомерного закрепления господствующей роли тех частей и*

элементов существующего государственного строя, которые и ранее несли в себе зачатки неприкрытой диктатуры» (курсив мой.— А. С.) [49, с. 84].

На этом новом этапе развития фашистского движения в Японии «планомерное закрепление господствующей роли» военной клики осуществлялось при усилившейся поддержке со стороны дзайбацу.

18 мая 1936 г. японское правительство обнародовало указ, возрождавший старое правило (упраздненное в 1913 г.), согласно которому военным и морским министрами должны быть соответственно генералы и адмиралы действительной службы в звании не ниже генерал-лейтенанта (вице-адмирала) [173, т. 2, с. 234].

Как показали последующие события, это позволило военным добиваться отставки кабинета, не прибегая к методам террора и запугивания. В случае несогласия военных с правительством военный или морской министр подавали в отставку, а военные круги «не выделяли» из своей среды новую кандидатуру на этот пост. Правительство вынуждалось уйти в отставку или принять требования военных [26, д. 482, л. 133].

Возрождение старого правила являлось крупным шагом по пути усиления господства военщины Японии. Другим важным шагом по пути дальнейшего повышения ее роли было начало войны Японии против Китая и создание осенью 1937 г. Ставки, в результате чего командование вооруженных сил получило право принимать решения по военным вопросам без утверждения со стороны правительства [26, д. 482, л. 277]. Вместе с тем связь военно-фашистских кругов с монополиями укрепилась. Ее осуществляло созданное в 1936 г. Общество по изучению национальной политики (Кокусаку кэнкю кай), в которое входили крупные финансовые магнаты (например, Фудзивара Гиндзио), представители премьер-министра, военного и военно-морского министерств, министерств внутренних дел, колоний, иностранных дел, связи [26, д. 195, л. 115, 145—147, 195]. Это был по существу координационный орган формировавшегося военно-промышленного комплекса империалистической Японии.

В интересах дзайбацу и подготовки к войне с Китаем военно-фашистские круги приняли ряд мер, способствовавших росту государственно-монополистического капитализма и усилению преследования демократических сил Японии. Например, в 1936 г. были приняты дополнения к закону «О контроле над основными отраслями промышленности», в которых предусматривалось развитие военной и других отраслей промышленности, необходимых для увеличения военной мощи страны [26, д. 482, л. 180].

Стремясь укрепить тыл накануне агрессии, власти обрушили репрессии на демократические, антивоенные силы страны. Только по обвинению в нарушении закона «Об охране общественно-

го спокойствия» в 1936 г. было арестовано 1836 человек [160, с. 587].

Одной из особенностей японского милитаризма была большая самостоятельность видов вооруженных сил, сложившаяся в годы незавершенной буржуазной революции, когда власть в стране разделили между собой бывшие самурайские кланы княжеств Тёсю и Сацума. Каждый из этих кланов имел тесные связи с определенными группами торгово-ростовщической и промышленной буржуазии и, пользуясь средствами из государственного бюджета, имел возможность поддерживать «своих» торговцев, банкиров и промышленников. По мере роста военного бюджета и ассигнований на военное производство укреплялись связи армии и флота с определенными капиталистами, монополиями. Руководство сухопутных войск из бывшего клана Тёсю установило тесные связи с концерном Мицуи и банкирским домом Ясуда. Командование флота, выходцы из бывшего клана Сацума, — с концернами Мицубиси и Сумитомо.

Дом Мицуи — богатейший из торговых домов страны, возникший в XVII в., оказал значительную финансовую поддержку деятелям незавершенной буржуазной революции 1867—1871 гг., которые поручили ему ведение финансовых дел нового правительства. Видные государственные деятели — Ито, Иноуэ и др. — имели тесные связи с Мицуи, что помогло ему разрастись в капиталистическую монополию [79, с. 223—234].

Концерн Ясуда вырос из ростовщической фирмы, получившей через влиятельных деятелей армии крупные субсидии. Ясуда разбогател во время русско-японской войны 1904—1905 гг.

Концерн Мицубиси был создан самураем Ивасаки Ятаро, ведавшим принадлежавшим государству парусным флотом. Во время тайванской карательной экспедиции 1874 г. ему была поручена перевозка войск на о-в Тайвань. Для этой цели правительство при содействии деятелей правительства Гото Сёдзиро и Окума Сигэнобу передало Ивасаки новые паровые суда, закупленные за границей. Используя государственные субсидии, фирма Мицубиси стала почти полным хозяином в судостроении, а затем распространила свое влияние на другие отрасли промышленности и превратилась в крупную монополию [115, с. 6—9].

Концерн Сумитомо ведет свою родословную от осакского банкира и владельца медных копей на о-ве Сикоку. Поддержка правительства обеспечила его быстрое обогащение.

За время первой мировой войны промышленная продукция Японии увеличилась примерно в два раза. Особенно большие прибыли получили перечисленные выше концерны. Одновременно происходило дальнейшее сближение военно-бюрократической верхушки армии и флота с соответствующими группами монополистов [99, с. 35].

Соперничество двух могущественных монополистических

группировок, которые имели своих представителей в правительстве и парламенте, обусловило борьбу между командованием армии и флота [58, т. 2, с. 372—373].

В 30-х годах большое влияние на политическую жизнь страны, развитие и функционирование милитаризма оказали уже упоминавшиеся «новые» концерны (Кухара, Накадзима, Фурукава и др.), которым в связи с их слабой финансовой базой для борьбы со «старыми» монополиями была выгодна военно-инфляционная конъюнктура и прямое кредитование из бюджета страны. «Новые» концерны были тесно связаны с наиболее агрессивными кругами военщины и поощряли их «антикапиталистическую» демагогию в той мере, в какой она была направлена против «старых» монополий [92, с. 130].

Таким образом, японский империалистический милитаризм, являясь в сущности главным орудием поддержания господства буржуазии над эксплуатируемыми классами, обладал следующими характерными чертами: правящие круги уделяли первостепенное внимание военному производству, поэтому военная промышленность и связанные с нею отрасли развивались особенно высокими темпами; монополии и военщина отводили исключительно большую роль военно-идеологической обработке населения Японии и других азиатских стран; военщина, выполняя волю дзайбацу и действуя под эгидой монархии, занимала монопольное положение в управлении государством. Основные особенности японского милитаризма состояли также в том, что военная клика накануне второй мировой войны стала главной силой фашистского движения, носившего антикоммунистический, антисоветский и антидемократический характер; армия и флот обладали большой самостоятельностью в связи с ориентацией каждого из этих видов вооруженных сил на определенные группировки монополий.

Характерные черты японского милитаризма свидетельствуют о том, что Япония накануне второй мировой войны являлась милитаристским государством. Анализ особенностей японского милитаризма позволяет сделать вывод о его фашистском характере.

Милитаризация страны накануне второй мировой войны

Милитаризация Японии представляла собой комплекс мероприятий государственных органов, а также буржуазных партий и других организаций эксплуататорских классов, в результате осуществления которого происходило развитие военной экономики, создавались внутри- и внешнеполитические условия для ведения войны, усиливалось распространение милитаристской идеологии и росла мощь средств вооруженного насилия.

Принятие японскими правящими кругами решения о милитаризации страны диктовалось их стремлением подавить расту-

шее недовольство трудящихся масс, отравить их ядом шовинизма и толкнуть на войну во имя увеличения прибылей господствующих классов.

Усилившаяся после начала агрессии против Китая милитаризация внутри страны выразилась в принятии ряда законов и осуществлении правительственными органами мер с целью мобилизации финансов, людских и материальных ресурсов метрополии, а также Кореи, Тайваня и Маньчжурии на ведение войны в Китае, осуществление военных провокаций против СССР (Хасан) и МНР (Халхин-Гол) и подготовку к «большой» войне.

Правительство и парламент приняли меры по увеличению военных расходов. Основу военных расходов составляли ассигнования на производство вооружения и содержание армии и флота. На 1937/38 г. они были утверждены по общему бюджету в сумме 1438 млн. иен и по дополнительному бюджету на войну с Китаем (утвержденному на чрезвычайной 72-й сессии парламента в 1937 г.) еще 2065 млн. иен; в 1938/39 г. они составили соответственно 1247 млн. и 4850 млн. иен, т. е. расходы вооруженных сил увеличились с 3978 млн. до 6097 млн. иен [77, с. 140]. Расходы министерства внутренних дел были увеличены с 1931/32 г. по 1938/39 г. со 137,4 млн. до 288,7 млн. иен, министерства торговли и промышленности за это же время — с 10,3 млн. до 52,6 млн. иен. В бюджет министерства внутренних дел были внесены расходы на содержание военных госпиталей и пунктов призыва в армию, на строительство казарм и полигонов. В бюджете министерства торговли и промышленности предусматривались расходы на военно-исследовательские институты, летно-испытательные станции, лаборатории и накопление горячего [77, с. 138, 141]. К военным расходам надо отнести также часть бюджетов других министерств, в той или иной мере использовавшихся для нужд милитаризма, в том числе для военно-идеологической обработки населения. Кроме того, к таким расходам относились и средства, выделяемые капиталистами на функционирование милитаристских и полумилитаристских организаций, а также военные расходы марионеточных государств (Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии) на содержание японских войск и советников.

Необходимой предпосылкой осуществления вооруженного насилия является наличие оружия и других материальных средств. Ф. Энгельс писал, что насилие требует «весьма реальных предпосылок для своего осуществления... победа насилия основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще, следовательно... на „экономической силе“, на „хозяйственном положении“, на материальных средствах, находящихся в распоряжении насилия» [1, т. 20, с. 170].

Помимо промышленности, выпускающей оружие, боеприпасы и снаряжение, для функционирования средств вооруженного

насилия необходимы другие материальные средства: казармы, автопарки, боевые и специальные машины, полигоны, средства транспорта и связи, госпитали, военно-научные учреждения, средства милитаристской пропаганды, аэродромы, военно-морские базы, тюрьмы, спортивные залы, типографии и т. д.

Государственную военную промышленность (заводы-арсеналы), частные фабрики и заводы или их цеха, выпускающие продукцию для средств вооруженного насилия, а также указанные выше другие материальные средства — все это можно определить как материально-техническую базу милитаризма, главная задача которой состояла в обеспечении вооруженных сил, полиции, военных и полувоенных организаций оружием, боевой техникой, продовольствием и другими материальными средствами, необходимыми для их существования и деятельности. Составными частями, основой материально-технической базы милитаризма были государственная и частная военная промышленность.

Государственная военная промышленность Японии насчитывала в 1939 г. 70 военных предприятий. Наиболее крупными из них являлись заводы-арсеналы в Токио, Осака, Нагоя, Кокура, Йокосука, Курэ Сасэбо, Майдзуру и Оминато. Токийский арсенал, например, состоял из семи заводов: оружейного, патронного, снарядного, бронетанкового, авиационного, военно-химического и порохового. В морском арсенале Курэ работало свыше 20 тыс. человек [99, с. 81].

Частная военная промышленность насчитывала около 150 заводов, выпускавших исключительно военную продукцию [99, с. 81].

Основным способом расширения материально-технической базы японского милитаризма являлась милитаризация экономики страны, которая заключалась в преимущественном развитии военного производства, а также использовании и приспособлении невоенных отраслей хозяйства в интересах милитаризма.

Правительство принимало меры по расширению законодательной основы для милитаризации экономической, политической и идеологической жизни страны. В 1938—1939 гг. был принят ряд законов, в частности законы «О чрезвычайных мерах в области экспорта и импорта», «О нормах регулирования промышленных капиталовложений», «О чрезвычайном контроле над денежными средствами» и др., предоставлявшие монополиям, занимающимся военным производством, преимущественные права на получение импортного стратегического сырья, правительственных субсидий для увеличения капиталовложений в отрасли военного производства и поощрявшие капиталовкладчиков в военную промышленность [58, т. 2, с. 313]. Правилами получения экспортных и импортных лицензий предусматривалось запрещение экспорта военных материалов и сокращение или ограничение импорта более 300 видов сырья и потребитель-

ских товаров, в том числе хлопка, шерсти, древесины, кожи, пищевых и других продуктов, «не являвшихся предметами первой необходимости» [280, 1947, с. 43].

После утверждения парламентом закона «О всеобщей мобилизации нации», составленного по образцу чрезвычайных законов военного времени, император 5 мая 1938 г. издал указ, вводящий его в действие. На основе этого закона было принято множество отдельных постановлений по дальнейшей милитаризации Японии [26, д. 482, л. 363—365].

В угоду монополиям правительство не ввело в действие ту статью закона «О всеобщей мобилизации нации», по которой дивиденды обладателей акций должны ограничиваться. В 1938—1939 гг. это обеспечило дзайбацу среднегодовой прирост прибыли на акционерный капитал на 38% [33, с. 83].

29 мая 1937 г. в Японии были опубликованы «Основные положения пятилетней программы развития важнейших отраслей промышленности», рассчитанные на развитие 13 отраслей промышленности, необходимых для подготовки страны к войне в основном к 1941 г. В первую очередь обращалось внимание на развитие машиностроения (особенно самолето- и автомобилестроения), металлургии, угольной промышленности, производства жидкого топлива, алюминия, магния, электроэнергии и строительства подвижного состава для железных дорог [26, д. 482, л. 179—180].

В результате принятых мер военно-политическому руководству Японии удалось добиться в 1937—1939 гг. роста важнейших экономических показателей (табл. 2).

Таблица 2

*Динамика важнейших экономических показателей Японии, 1937—1939 гг. **

	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Общий индекс производства	100	107	112
Индекс производства обрабатывающей промышленности	100	105	110
Индекс производства добывающей промышленности	100	107	113
Добыча угля, млн. т	45,3	48,7	52,4
Добыча железной руды, тыс. т	624	732	910
Производство электроэнергии, млрд. кВт·ч	27,2	29,3	29,9
Чугун, тыс. т	2400	2676	3312
Сталь, тыс. т	5796	6468	6696
Алюминий, тыс. т	14,0	20,7	26,9
Медь, тыс. т	86,8	95,3	96,0
Судостроение, тыс. бр.-рег. т	451	442	324
Производство станков, штук	1824	5607	5570

* [57, т. 4, с. 100—101].

Характеризуя подготовку Японии к большой войне, начальник отдела Управления военных дел военного министерства заявил: «Мы решили приложить усилия к тому, чтобы китайский инцидент (т. е. агрессия против Китая.— А. С.) не превратился в войну на изматывание наших сил. Поэтому, вообще говоря, мы потратили 40% нашего бюджета (военного бюджета.— А. С.) на китайский инцидент и 60% — на увеличение вооружения. Что касается железа и других важнейших материалов, предоставленных армии, то мы потратили 20% на китайский инцидент и 80% — на увеличение вооружения» [26, д. 482, л. 224].

И действительно, в результате милитаризации экономики страны и ускорения развития материально-технической базы милитаризма производство вооружения значительно возросло (табл. 3).

Таблица 3

*Производство вооружения и боевых кораблей в Японии, 1937—1939 гг.**

	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Винтовки	42 754	168 269	249 619
Пулеметы	2 295	8 371	13790
Полевые и тяжелые орудия	373	870	1286
Зенитные орудия	105	129	147
Танки	325	287	562
Боевые корабли**	23 (57 724)	16 (39 760)	23 (63 510)
Самолеты для армии	600	1200	1600
Самолеты для флота	980	1582	1703

* [175, с. 279].

** В скобках — общий тоннаж.

Данные табл. 3 показывают, что к началу второй мировой войны в Японии были запущены в массовое производство винтовки, пулеметы, артиллерийские орудия, танки и самолеты.

Материально-техническая база японского милитаризма расширялась также путем вооруженного захвата чужих территорий с различного рода объектами военного значения.

Вслед за захватом Северо-Восточного Китая и ряда провинций Северного Китая материально-техническая база японского милитаризма возросла за счет экономических ресурсов этих территорий, использования КВЖД и других железных дорог, строительства укрепленных районов на границе с СССР, за счет имевшихся и постройки новых казарм, аэродромов, складов для боеприпасов и горючего, а также переоборудования для нужд ВМФ Японии корейских портов Сэйсин, Расин и Юкки.

Еще с 1935 г. началось скрытое строительство военно-морской базы на о-ве Сайпан в группе Марианских о-вов, а в январе 1937 г. Марианские, Маршалловы и Каролинские о-ва бы-

ли переданы правительством в административное управление военно-морскому флоту [26, д. 482, л. 156, 190].

Таким образом, к началу второй мировой войны материально-техническая база японского милитаризма увеличилась за счет роста производства вооружения, захвата чужих территорий с военными объектами и путями сообщения и строительства на них, а также на мандатных островах, различных сооружений для функционирования средств вооруженного насилия, в первую очередь армии и флота.

В этот же период правительство и поддерживавшие его политические партии приняли меры по милитаризации внешнеполитической жизни страны, которая заключалась в проведении правительством и его органами мероприятий, призванных облегчить осуществление агрессивной внешней функции японского милитаризма.

Одним из этих мероприятий было заключение 25 ноября 1936 г. «Антикоминтерновского пакта» между Японией и Германией, направленного прежде всего против Советского Союза, поскольку приложенное к нему секретное соглашение предусматривало совместные агрессивные действия держав «оси» против СССР [92, с. 190]. В феврале 1939 г. по указанию Токио Маньчжоу-Го также присоединилось к «Антикоминтерновскому пакту».

Стремясь к захвату всего Китая, правительство Японии оказывало нажим на Англию и ущемляло интересы США и других стран в Китае, склоняя их к «политике Мюнхена», в первую очередь к прекращению поддержки гоминьдана [57, т. 2, с. 282—283]. Японское правительство предприняло дипломатический нажим и на СССР (в период вооруженных конфликтов в районе оз. Хасан и р. Халхин-Гол), но безуспешно.

Одновременно в Токио принимались меры по расколу гоминьдана. После опубликования правительством Коноэ Заявления о строительстве нового порядка в Восточной Азии оно начало в июне 1939 г. переговоры с перешедшими на сторону японцев правыми лидерами гоминьдана Ван Цзин-вэем, Гао Чжун-у и Чжоу Фу-хаем о создании «национального» правительства, которое объединило бы захваченный японскими войсками Северный и Центральный Китай [57, т. 2, с. 274, 275].

В связи с усилением антивоенных настроений среди трудящихся после начала войны с Китаем правящие круги Японии усилили пропаганду милитаристских идей среди населения. Военные взяли в свои руки контроль над обучением и военной подготовкой в школах. Школьникам внушались идеи ультра-национализма [26, д. 482, л. 230—232].

12 октября 1937 г. под руководством министерства внутренних дел и министерства просвещения в Японии была создана Центральная лига по мобилизации национального духа — военно-пропагандистская организация во главе с адмиралом Арима.

Лига состояла из 90 местных организаций, развернувших агитационную и пропагандистскую деятельность во всех слоях японского общества. Они проводили митинги, распространяли листовки, плакаты, брошюры. Лига начала издание ежемесячного журнала с целью мобилизации населения страны на войну против Китая [126, с. 42, 43]. Активную милитаристскую пропаганду проводили печать, кино, радио Японии, а также Союз резервистов и другие реакционные военизированные организации. В эту кампанию включились и религиозные организации, синтоистские и буддийские священники [126, с. 40, 41].

Таким образом, накануне второй мировой войны правящие круги Японии усилили милитаризацию политической, экономической и идеологической жизни страны с целью увеличения военной мощи Японии, и в первую очередь — вооруженных сил.

Агрессивный характер вооруженных сил и военной доктрины Японии

В начале XX в. определились два направления японской агрессии: Азиатский материк и острова Тихого океана. На состоявшихся в 1907, 1918, 1923 и 1936 гг. совещаниях военно-политического руководства, возглавлявшихся императором и определявших направление внешней политики и стратегии Японии, в качестве главных вероятных противников были определены Россия (СССР) и США [142, т. 31, с. 59]. Так как для борьбы с Россией (СССР) требовались в основном сухопутные войска, а против США — военно-морской флот, то оно приняло два основных направления в развитии своих вооруженных сил: создание сухопутных войск, превосходящих по мощи армию России (СССР) на Дальнем Востоке, и военно-морского флота, который мог бы вести успешную борьбу с американскими военно-морскими силами на Тихом океане.

Предусматривались следующие пути достижения этих целей: совершенствование органов военного управления; увеличение численности и боевого состава вооруженных сил; создание вооружения и боевой техники, превосходящих по тактико-техническим показателям оружие и боевую технику главных вероятных противников; повышение мобилизационных возможностей, эффективности обучения и воспитания личного состава.

Органы военного управления, созданные в конце XIX в., постоянно совершенствовались с учетом предстоящих задач вооруженных сил, развития военного искусства и введения новых видов вооружения.

Штабы сухопутных войск и военно-морского флота были созданы после незавершенной буржуазной революции — 8 сентября 1868 г. В июле 1870 г. в стране было образовано военное министерство (хэйбусё), состоявшее из секций армии и флота, а

также штабного управления. В феврале 1873 г. военное министерство было преобразовано в два министерства: армии (со штабным управлением) и флота. В штабах происходило изучение и становление мобилизационного дела. В феврале 1879 г. штабное управление министерства армии было выделено из состава министерства и на его базе создан генеральный штаб [142, т. 31, с. 56; т. 9, с. 2].

В мае 1888 г. секции армии и флота генерального штаба были преобразованы соответственно в штабы сухопутных войск и военно-морского флота, которые стали планировать мобилизацию военного производства. В марте 1889 г. генеральный штаб разделился на генеральный штаб армии и штаб флота, причем начальник генерального штаба армии в тот период докладывал императору от имени обоих органов управления. В мае 1893 г., перед нападением на Китай, был организован главный морской штаб, наделенный самостоятельностью, а его начальник получил право непосредственного доклада императору [142, т. 8, с. 21—23; т. 9, с. 17].

Готовясь к войне с Китаем, военно-политическое руководство Японии принимает меры по созданию Ставки: в феврале 1889 г. указом императора были уточнены положения о его правах по руководству военными органами с учетом новой структуры управления армии и флота. На период войны учреждалась Ставка. Согласно договоренности между командованием армии и флота от 28 мая 1894 г. она состояла из секций сухопутных войск и военно-морского флота, в которые входили: генеральный штаб, штаб флота, группы генералов и офицеров — представители военных министерств [142, т. 8, с. 33—34]. 17 июля 1894 г. в присутствии императора состоялось первое заседание Ставки, на котором был определен курс на войну с Китаем [142, т. 8, с. 38].

Таким образом, к началу японской агрессии против Кореи и Китая в 1894 г. в стране были созданы органы военного управления, необходимые для мобилизации личного состава, военного производства, подготовки войск и руководства боевыми действиями.

20 января 1898 г. указом императора был создан высший военный совещательный орган — Совет маршалов и адмиралов (Гэнсуйфу), в состав которого были включены маршалы и адмиралы, а также полные генералы (тайсё), приравненные указом к маршалам. Совет маршалов и адмиралов по указанию императора обсуждал поставленные перед ним вопросы и высказывал свои мнения, относящиеся к деятельности армии и флота².

В дальнейшем происходило расширение аппарата и функций органов военного управления, повышалась их специализация и дифференциация по видам вооруженных сил.

Вначале (1894 г.) Ставка состояла из штаба руководства и

10 отделов (по 3—6 человек в каждом) и насчитывала в своем составе немногим более 50 человек. К началу второй мировой войны Ставка имела 7 управлений, 32 отдела [184, Прил. 2 и 3]. В ее штатах состояло несколько сот генералов и офицеров. В рамках Ставки наблюдалась тенденция к обособлению видов вооруженных сил, поэтому штаб руководства, в состав которого включались по 8—9 представителей армии и флота, постепенно терял свое значение и был впоследствии упразднен. Созданная с началом агрессии Японии против Китая в 1937 г. Ставка состояла из двух секций: армии и флота, которые стремились действовать самостоятельно [142, т. 31, с. 12—14; 26, д. 482, л. 227].

Руководство сухопутными войсками осуществляли военное министерство и генеральный штаб через штабы армий. В военное время (например, в период японо-русской войны) создавались штабы экспедиционных войск. В 1938 г. генеральный штаб армии управлял сухопутными войсками через созданные за рубежом штабы: японских экспедиционных войск Центрального Китая, северо-китайского фронта, Квантунской армии (фактически группы армий), японских войск в Корее, на Тайване, а также штабы гвардейской и 11-й пехотной дивизий, находившихся в метрополии [173, т. 3, с. 389; 142, т. 8, с. 19].

Управление военно-морским флотом в начале его создания осуществляли министерство военно-морского флота и морской главный штаб (с 1933 г. — генеральный штаб флота) через штаб так называемого Объединенного флота, в состав которого накануне японо-китайской войны 1894 г. входил регулярный флот (пять флотилий) и флот западных морей (две флотилии) [142, т. 31, с. 111]. К осени 1939 г. во флоте кроме штаба Объединенного флота (два флота) были созданы штабы: флота Китайского фронта (три флота), учебного флота, сторожевой эскадры и трех отдельных флотилий [181, с. 290—292].

Для управления вооруженными силами центральные военные учреждения использовали к 1939 г. радиотелеграфную и телефонную связь вплоть до полка в сухопутных силах и корабля в ВМФ.

К началу второй мировой войны армия и флот Японии располагали органами военного управления, имевшими опыт мобилизации и руководства сухопутными войсками и военно-морским флотом и находившимися на уровне развития органов управления вооруженных сил главных империалистических государств.

С целью достижения превосходства над главными военными противниками японское командование принимало меры по увеличению численного и боевого состава вооруженных сил. В 1872 г. сухопутные войска Японии насчитывали 17 тыс., флот — 2,6 тыс. человек. Военно-морские силы состояли из

17 больших и малых военных кораблей общим водоизмещением 13,8 тыс. т [142, т. 31, с. 19; т. 8, с. 18].

В январе 1873 г. военно-политическое руководство приняло решение об увеличении вооруженных сил; страна была разделена на шесть армейских районов, в которых создано 14 полковых участков. Численность армии в мирное время определялась в 31,6 тыс., а в военное — 46,3 тыс. человек. К 1885 г. в Японии было сформировано 28 полков.

С января 1886 г. сухопутные войска стали переходить на дивизионную систему. К началу войны с Китаем (1894 г.) Япония имела 7 пехотных дивизий (14 пехотных бригад), в которых насчитывалось 28 пехотных полков, 7 полков полевой артиллерии, кавалерийские, саперные и другие части общей численностью 60,9 тыс. человек. Состав армии военного времени (7 пехотных дивизий) был определен в 123 тыс. человек, 38 тыс. лошадей, 168 полевых орудий, 72 орудия горной артиллерии, а с учетом охранных и других частей — в 220,6 тыс. человек, 47,2 тыс. лошадей, 294 полевых и горных орудия [142, т. 8, с. 29—30].

В состав флота к 1883 г. входило 42 корабля, в том числе 10 броненосных крейсеров и корветов [142, т. 8, с. 111].

С началом войны с Китаем мобилизационный план был уточнен с целью увеличения сухопутных войск. К весне 1895 г. в боевых действиях против Китая участвовали две полевые армии: 1-я (1, 3, 7-я пехотные дивизии) и 2-я (2, 4, 6-я и гвардейская пехотные дивизии), а кроме того, 5-я пехотная дивизия и пехотная бригада [142, т. 8, с. 39].

В войне 1904—1905 гг. с Россией участвовало уже пять японских армий, насчитывавших до 18 пехотных дивизий и несколько бригад. В конце войны Ставка приняла решение завершить формирование еще 4 дивизий и создать 6 новых дивизий, а в последующем довести число дивизий до 35 [142, т. 8, с. 111, 115, 122].

Японский флот в этот период имел в своем составе 101 военный корабль, в том числе 6 эскадренных броненосцев, 8 броненосных крейсеров, 12 крейсеров, 28 эскадренных миноносцев, 19 миноносцев [56, с. 82]. Они входили в состав Объединенного флота (1-й и 2-й флоты) и 3-го отдельного флота [142, т. 31, с. 113—114].

После войны с Россией, в 1907 г., японское командование держало в строю 25 пехотных дивизий. В случае войны планировалось довести их число до 50 [142, т. 8, с. 173]. Численность сухопутных войск в мирное время была определена ориентировочно до 250 тыс., в том числе около 15 тыс. офицеров и 23 тыс. унтер-офицеров. В январе 1931 г. японская армия имела 230 тыс., а в конце 1936 г. — 250 тыс. человек [142, т. 8, с. 181, 339].

3 июня 1936 г. японское военное руководство приняло моби-

лизационный план, предусматривавший в случае войны довести число дивизий до 50, авиаэскадрилий сухопутных войск (по 10 самолетов в каждой) — до 142, линкоров — до 12, авианосцев — до 12, крейсеров — до 28, эсминцев — до 96, подводных лодок — до 70, авиачастей флота (по 20 самолетов в части) — до 65 [142, т. 8, с. 395].

В связи с агрессией против Китая и подготовкой к участию в мировой войне количество дивизий сухопутных войск стало возрастать: в 1937 г. их было 24, в 1938 г. — 33, в 1939 г. — 44. Возрастало также число эскадрилий: в 1937 г. — 54, в 1938 г. — 70, в 1939 г. — 91 [184, с. 86].

В начале 1937 г. военно-морской флот Японии имел в строю 289 кораблей, из которых 235 — основных классов, в том числе 6 линкоров, 3 линейных крейсера (и 1 учебный), 14 тяжелых и 17 легких крейсеров, 4 авианосца, 112 эсминцев и 79 подводных лодок [142, т. 31, с. 673—674].

С 1928 по 1936 г. численность личного состава ВМФ Японии увеличилась с 80 599 до 107 461 человека [142, т. 31, с. 638—639].

План строительства, принятый в 1937 г., предусматривал строительство еще 70 военных кораблей, в том числе 2 линкоров, 2 авианосцев, 18 эсминцев, 14 подводных лодок [142, т. 31, с. 497—498]. За три года было построено 62 военных корабля [174, с. 278—279], часть которых заменила устаревшие суда.

В конце 1939 г. в военно-морском флоте Японии насчитывалось 10 линкоров, 6 авианосцев с 396 самолетами, 35 крейсеров, 121 эсминец, 56 подводных лодок [181, с. 300—310].

Рост численности вооруженных сил Японии накануне второй мировой войны виден из следующих данных (в тыс. человек) [184, с. 184; 142, т. 31, с. 638—639]:

Вид вооруженных сил	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Сухопутные войска	950	1130	1240
Военно-морской флот	134	195	180
Всего	1084	1325	1420

Приведенные данные свидетельствуют о том, что численность сухопутных войск и военно-морского флота увеличилась пропорционально, несмотря на то что в эти годы войну в Китае и провокации против СССР и МНР осуществляла в основном армия. Это свидетельствует об активной подготовке высшего военного руководства Японии к войне против США и Великобритании — наиболее мощных морских держав на Тихом океане.

Вооруженные Силы СССР насчитывали в августе 1939 г. свыше 2 млн. человек; на 1 января 1939 г. сухопутные войска име-

ли в своем составе 98 дивизий и 5 бригад [58, т. 2, с. 199]. Что касается качества и боевой мощи соединений и частей Советской Армии, то после поражения японских войск в районе оз. Хасан и р. Халхин-Гол в Токио поняли, что они выше японских. В сентябре 1939 г. премьер-министр Японии Коноэ признавался германскому послу Отту: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, который показала Советская Армия в боях в районе реки Халхин-Гол» [58, т. 3, с. 182].

Численность вооруженных сил США составляла в 1939 г. 544,7 тыс., из которых 154,7 тыс. — в военно-морском флоте [239, с. 419; 286, с. 206]. Американский военно-морской флот к осени 1939 г. имел более 300 боевых кораблей, в том числе 15 линкоров, 5 авианосцев, 36 крейсеров, 181 эсминец и 99 подводных лодок [198, т. 1, с. 617].

Таким образом, имевшихся в 1939 г. вооруженных сил Японии было недостаточно для ведения войны один на один с Советским Союзом или Соединенными Штатами. Поэтому в Токио стремились к военному союзу с Германией и Италией, рассчитывая, что в случае военного конфликта держав «оси» с Советским Союзом и Соединенными Штатами японской армии и флоту будет противопоставлена лишь часть советских и американских вооруженных сил.

При численности населения собственно Японии в 1939 г. немногим более 70 млн. человек мобилизационные возможности ее (число мужчин от 20 до 40 лет: весь резерв 1-го и 2-го разрядов, ополчение 1-го разряда и 3 дополнительных возраста) превышали 7 млн. человек, или 10% населения.

Численность же ее вооруженных сил в этом году составляла около 2% населения, немногим меньше, чем Япония призвала в первые полтора года русско-японской войны, т. е. она соответствовала в основном лишь потребностям войны с Китаем, но была недостаточна для войны с Советским Союзом. Численность военно-морского флота Японии в 1939 г. составляла примерно 60% того уровня, который предусматривался для ведения начального периода войны с морскими державами [142, т. 31, с. 639].

Высшее военное руководство Японии принимало серьезные меры по совершенствованию вооружения и боевой техники.

В конце XIX — начале XX в. Япония не обладала современной военно-промышленной базой и инженерно-техническими кадрами, поэтому японское правительство в больших масштабах привлекало иностранных военных инженеров и других специалистов для оказания помощи в строительстве арсеналов, заводов и верфей, а также отправляло для обучения за рубежом свои кадры оружейников. Одновременно японское высшее руководство размещало большие заказы на вооружение в развитых капиталистических государствах.

Из 100 военных кораблей, имевшихся у Японии в 1904 г., 21 корабль (основных классов) был построен в Англии, Франции, Германии и США. Японская судостроительная промышленность, созданная с помощью иностранных специалистов, в начале XX в. строила крейсера, эскадренные миноносцы и другие боевые корабли современных по тому времени типов [142, т. 31, с. 113—114].

Японскому флоту удалось превзойти русский по общему количеству орудий, их скорострельности, бронированию и скорости хода кораблей. Во время Цусимского сражения японская эскадра превосходила русскую по числу орудий крупного калибра в 1,4 раза, орудий среднего калибра — в 5 раз. Общий вес взрывчатого вещества, которое выбрасывала артиллерия японского флота, превосходил вес взрывчатого вещества, выбрасываемого русской эскадрой, в 15 раз [156, с. 93].

К началу русско-японской войны арсеналы сухопутных войск Японии выпускали магазинные пятизарядные винтовки образца 1897 г. с прицелом до 2000 м и штыком-кинжалом, магазинные карабины, пулеметы, а также скорострельные горные и полевые пушки (к концу 1903 г. их насчитывалось свыше 1000) и тяжелые орудия. Япония имела превосходство в горной артиллерии и числе пулеметов. Однако русская скорострельная 76-мм пушка и 7,62-мм винтовка по своим огневым качествам превосходили японские [114, с. 57, 62].

В целом японские вооруженные силы достигли успеха в войне 1904—1905 гг. в значительной степени вследствие превосходства в качестве вооружения, особенно боевых кораблей.

В 1905—1920 гг. совершенствование вооружения флота и армии Японии продолжалось. Все 10 линкоров, которые Япония имела к началу второй мировой войны, были построены в 1912—1920 гг.: «Конго», «Харуна», «Харисима» и «Хиэй» — в 1912—1913 гг., «Фуко» и «Ямасиро» — в 1914—1915 гг., «Исэ» и «Хьюга» — в 1916—1917 гг., «Нагато» и «Муцу» — в 1919—1920 гг. Японские инженеры при постройке линкоров использовали опыт постройки в Англии линейного крейсера (впоследствии линкор) «Конго». Линкоры «Нагато» и «Муцу» являлись первыми в мире (по времени готовности) линейными кораблями с 406-мм артиллерией, и проект их на 4 месяца опередил аналогичный американский проект.

Тактико-технические данные японских линкоров были аналогичны построенным в то же время американским линкорам «Оклахома», «Невада», «Пенсильвания», «Аризона», «Нью-Мексико», «Идахо», «Миссисипи», «Нью-Йорк», «Техас».

В 1926—1939 гг. японские линкоры были модернизированы: повышена живучесть, увеличено водоизмещение, поставлены катапульты для гидросамолетов, повышена скорость хода, установлены новые зенитные орудия.

В состав японского флота входили тяжелые крейсера с ар-

тиллерией свыше 203 мм (постройки 1925—1932 гг.), легкие крейсера океанского типа и легкие крейсера (постройки 1918—1924 гг.). В строительстве крейсеров японцы шли самостоятельным путем, взяв за исходный образец английский малый броненосный крейсер «Аретуза». Тяжелые крейсера являлись наиболее мощными в отношении вооружения и бронирования среди подобных крейсеров других капиталистических государств [142, т. 31, Прил. 1; 130, с. 15—16]. Одновременно были построены легкие крейсера «Кума», «Тама», «Оха», «Кисо», «Китаками», «Тенрю», «Татута», «Юбари» [131, с. 354—360].

В 1921—1935 гг. в Японии было построено 6 авианосцев, 4 из которых («Рюдзё», «Хирию», «Сорю», «Хосё») — легкие (водоизмещением свыше 10 тыс. т) и 2 («Акаги» и «Кага») — тяжелые (свыше 30 тыс. т). Японские авианосцы несколько уступали американским в водоизмещении и скорости хода. Так, авианосцы «Лексингтон» и «Саратога» имели водоизмещение по 33 тыс. т и скорость 33—34 узла [131, с. 228, 356—357; 224, с. 138—139].

Подавляющее число эскадренных миноносцев принадлежало по японской классификации к 1-му классу (водоизмещением более 1 тыс. т). Наиболее мощными являлись башенные эсминцы типов «Куросиво» и «Фубуки» (в 1939 г. их было более 20), считавшиеся одними из лучших в мире [130, с. 21; 142, т. 31, Прил. 1].

Первые эсминцы типа «Куросиво», имевшие 2 тыс. т стандартного водоизмещения и восемь 127-мм орудий, были спущены на воду в 1938—1939 гг. Они превосходили по стандартному водоизмещению наиболее мощные американские эсминцы типа «Сампсон» (1850 т) [131, с. 228].

Усиленно готовясь к войне против СССР, Япония строила большое число эсминцев, являвшихся одновременно сторожевыми кораблями, предназначенными для борьбы с подводными лодками. В 1933 г. было заложено 20 эсминцев типов «Тидори» и «Отори». Стандартное водоизмещение эсминцев типа «Тидори» — 527 т, скорость — 26 узлов, артиллерия — три 127-мм орудия. Погашение качки этих эсминцев осуществлялось механическим методом, с помощью стабилизатора качки, изобретенного японским инженером Мотора [130, с. 23].

Строительство подводных лодок в Японии осуществлялось на основе иностранных типов. До 1914 г. Япония заказывала лодки в Великобритании, Франции, Италии и США. После окончания первой мировой войны Япония получила 7 германских подводных лодок различных типов, которые были специально подобраны японскими морскими специалистами. В 20-х годах в Японию были приглашены германские корабельные инженеры, работавшие на верфях Курэ и Йокосука. В результате японский военно-морской флот пополнился подводными лодками дальнего действия Г-1, Г-8 (стандартное водоизмещение — 1970 т,

скорость хода — до 17,5 узла); подводными лодками большого типа (стандартное водоизмещение — 1500 т, скорость хода — 21 узел); подводными заградителями; подводными лодками среднего типа и возимыми подводными лодками-малютками [130, с. 24—27; 142, т. 31, Прил. 2].

Японские крейсерские подводные лодки уступали американским в водоизмещении (например, американская лодка «Наутилус» имела стандартное водоизмещение 2730 т), а также в качестве. Японские лодки были перегружены большим числом водонепроницаемых переборок, что создавало тесноту внутренних помещений.

В целом японские боевые корабли основных классов по своим техническим данным находились на уровне передовых капиталистических стран, в первую очередь США, как вероятного противника Японии.

В области вооружения сухопутных войск Японии к началу первой мировой войны достигла уровня Англии и Франции и приближалась к Германии, опередив США. В 1912—1916 гг. в японской армии были введены на вооружение карабины «Арисака» образца «44», станковый пулемет образца «3», новые горные 75-мм орудия, усовершенствованные полевые 75-мм орудия. Однако в 1917—1925 гг. вооружение сухопутных войск практически совершенствовалось мало, поэтому Япония в этом отношении отстала от развитых капиталистических стран: она не имела танков, зенитной артиллерии, химического оружия [37, с. 3]. В 1925—1930 гг. сухопутные войска получили новые образцы оружия: ручной пулемет, батальонную артиллерию, 105-мм пушку, зенитное орудие японской конструкции. Но к 1931 г. японская армия в отношении как количества, так и качества вооружения значительно уступала армиям крупнейших империалистических держав. К началу 1937 г. японскому командованию не удалось полностью перевооружить свою армию [37, с. 3], хотя ее огневая мощь и техническое оснащение возросли (табл. 4).

Таблица 4

Вооружение японской армии,
1930 и 1936 гг. *

Год	Пулеметы			Орудия					Танки	Самолеты
	ручные	станковые	батальонные (крупнокалиберные)	противотанковые	75-мм	105-мм	тяжелые	зенитные		
1930	3650	1800	500	—	450	—	192	42	720	600
1936	5250	2234	524	498	816	170	212	288	1000	1900

* [99, с. 119].

Данные табл. 4 свидетельствуют, что в 1930—1936 гг. японское командование уделяло главное внимание вооружению армии 75-мм, 105-мм, противотанковыми и зенитными орудиями.

В 1937—1939 гг. вместо устаревших 72-мм мортир и 37-мм пушек образца 1922 г. на вооружение армии поступили 70-мм пушки-гаубицы. В пехотные полки были включены батареи противотанковой артиллерии, оснащенные новыми 37-мм скорострельными пушками. Артиллерийские полки пехотных дивизий имели на вооружении модернизированные 75-мм пушки образца «38» и 105-мм гаубицы образца «91» [32, с. 4—17].

Если тактико-технические данные японских винтовок, пулеметов и орудий в основном соответствовали подобным образцам артиллерийско-стрелкового вооружения развитых капиталистических стран, а также СССР, то данные самолетов и особенно танков были значительно ниже.

Средний танк модели «2594» (1934 г.) имел скорость до 45 км/час, однако толщину брони всего лишь 11—17 мм. В модели «2597» (1937 г.) толщина брони была увеличена до 22—25 мм, однако скорость снизилась до 25 км/час [240, с. 24—27]. Поэтому танк по своим тактико-техническим данным стоял ниже аналогичных танков СССР. Слаба была моторизация армии [99, с. 127—132]. На вооружении пехоты не имелось автоматов, что в значительной степени снижало ее огневую мощь.

На вооружении войск ПВО были современные 75- и 105-мм зенитные орудия стационарного и подвижного типов, истребители-перехватчики, 13-мм крупнокалиберные зенитные пулеметы, аэростаты заграждения. Это вооружение позволило к концу 30-х годов завершить создание кольцевой системы противовоздушной обороны, имевшей трехзонное построение [105, с. 18].

Таким образом, вооружение армии в целом удовлетворяло по своему качеству выполнению в активной форме внешней функции милитаризма лишь по отношению к странам со слабой военно-промышленной базой, например к Китаю. Японские сухопутные силы могли быть с успехом использованы лишь против слабо вооруженных войск.

Недостатки в техническом оснащении вооруженных сил, особенно армии, японское командование стремилось восполнить путем повышения эффективности обучения и воспитания личного состава.

Сухопутные войска обучались в основном ведению боевых действий в сложных условиях: ночью, в горах, в пустыне, в лесу, джунглях, населенных пунктах [127, с. 6—60, 90—123, 124—140].

Согласно Полевому уставу 1938 г. главное внимание уделялось обучению войск ведению наступательных боевых действий. Главный удар рекомендовалось наносить во фланги, стыки, по незащищенным участкам, районам расположения слабых войсковых частей противника и там, где он не ожидает нападения

[97, с. 168]. При отработке вопросов организации обороны уделялось внимание противотанковой обороне: организовывались тренировки противотанковых штурмовых групп, вооруженных связками гранат, минами, шестами со взрывными зарядами, противотанковых подразделений, создавались минные поля, ямы-ловушки и т. д. [32, с. 13].

При подготовке летчиков широко практиковались длительные групповые, ночные и высотные полеты, а также слепые полеты в сложных метеорологических условиях. Каждый летчик имел в год в среднем по 150 часов налета [99, с. 129].

Военно-морской флот Японии перед началом второй мировой войны особенно интенсивно отрабатывал вопросы ведения боевых действий против флота США в районе Филиппинских и Гавайских о-вов, о-ва Гуам, а также против советского Тихоокеанского флота [58, т. 2, с. 388].

В конце 30-х годов началась подготовка к нападению на Перл-Харбор: японский о-в Сиоку был превращен в точную копию о-ва Оаху. На нем был создан макет Перл-Харбора со всеми постройками. Остров был превращен в полигон для авианосной авиации, где происходили интенсивные тренировки летчиков [137, с. 10].

С началом второго этапа агрессии против Китая личный состав сухопутных войск, значительная часть армейской и морской авиации приобретали опыт ведения боевых действий.

Многие военные специалисты отмечали интенсивность боевой подготовки вооруженных сил Японии, высокий уровень физической, огневой и тактической подготовки их личного состава.

Командование японских вооруженных сил, придавая большое значение идеологической обработке военнослужащих, вменяло в обязанность командирам и специально созданному пропагандистскому аппарату воспитание солдат, унтер-офицеров и офицеров в духе монархистско-милитаристской идеологии, в духе безграничной преданности императору и беспрекословного подчинения старшим [145, с. 40]. Одной из главных форм шовинистической пропаганды являлся паназиатизм. В армии и флоте пропагандировалась «великая миссия» Японии по освобождению «цветных народов» от гнета белых, по установлению на Востоке «рая и благоденствия», «вечного мира» и т. д. [59, с. 4—7].

Вся пропаганда, проводимая в вооруженных силах, как правило, окрашивалась в религиозные тона. Догмат о божественном происхождении Японии и ее императора, догматы, проповедовавшие почитание предков и обожествление героев, считались незыблемыми.

Японское командование сумело путем интенсивного обучения и идеологической обработки подготовить умелых, выносивших и преданных правящим кругам страны военнослужащих,

что в определенной степени компенсировало отставание японских вооруженных сил в количестве и качестве вооружения по сравнению с передовыми капиталистическими странами Европы и США. Что касается СССР, то бойцы и командиры Красной Армии имели высокий уровень обученности и моральной подготовки, что признавали представители японского командования после поражения на Халхин-Голе.

У руководящего состава вооруженных сил Японии к концу 30-х годов были выработаны современные по тому времени военно-теоретические взгляды. Японские офицеры и генералы тщательно изучали опыт войн, новые виды вооружения, что было необходимо для обоснованного прогнозирования характера будущих войн и наиболее эффективных способов ведения военных операций.

Основополагающие цели войны определялись материальными интересами буржуазно-помещичьего блока Японии, и прежде всего дзайбацу. Военно-политическое руководство, исходя из общих установок и интересов монополий, разрабатывало более конкретные цели войны, направления военного строительства, формы и методы подготовки и ведения боевых действий, согласовывая наиболее важные мероприятия с представителями монополий, которые постоянно занимали высокие посты в государственном аппарате [58, т. 2, с. 370—373].

На основе опыта войн, учета возможностей экономики, науки и техники в создании новых образцов вооружения, их количества, людских и материальных ресурсов страны, характера ожидаемой войны военно-политическое руководство определяло: структуру, численность, вооружение и техническое оснащение вооруженных сил; задачи в развитии военной науки, военного искусства; методы обучения военнослужащих и их идеологической обработки; способы боевых действий; функционирование органов обеспечения и пополнения войск в период вооруженной борьбы.

Японская военная доктрина и вооруженные силы Японии носили ярко выраженный агрессивный характер. Это было обусловлено рядом экономических, политических и идеологических причин.

Основными *экономическими* причинами агрессивности военной доктрины и вооруженных сил Японии являлись: быстрый рост монополий, в основном на базе военной промышленности и связанных с ней отраслей производства [187, с. 146—147], «особое удобство грабить Китай», на которое указывал В. И. Ленин [2, т. 30, с. 174], и узость внутреннего рынка.

Переходный период к монополистическому капитализму наступил в Японии еще в конце прошлого столетия, что было вызвано в значительной мере стремлением японских капиталистов выдержать конкуренцию иностранных товаров, наводнявших японский рынок из-за низких таможенных тарифов [79, с. 26].

Уже в начале XX в. Япония вступила в эпоху империализма. В. И. Ленин отмечал в 1916 г.: «Быстрее всего растет капитализм в колониях и в заокеанских странах. Среди них появляются *новые* империалистические державы (Япония)» [2, т. 27, с. 395].

Япония, по мере развития монополий, проводила все более активную захватническую политику, она участвовала в интервенции против Советской России, а затем оккупировала Маньчжурию, подтверждая характеристику монополистического капитализма, который, как писал В. И. Ленин, «стремится захватить как можно больше земель» [2, т. 27, с. 381].

Японским капиталистам было трудно конкурировать с американскими, английскими, германскими и французскими капиталистами, поэтому правящие круги Японии стремились захватить рынки сбыта путем политического давления на Китай, оккупации ряда районов, организации «движения за автономию», создания марионеточных государств.

Монополии были заинтересованы в агрессивной направленности японской военной доктрины. Так, видный представитель концерна Мицуи Фудзивара Гиндзиро³ писал: «Теперь величайшей силой является военная готовность, опирающаяся на армию и флот. Если у нас есть уверенность в защите, мы можем спокойно распространять свою деятельность вне наших границ, создавая там различные предприятия» [208, с. 134].

Важными *политическими* причинами агрессивного характера военной доктрины и вооруженных сил Японии были: господство в стране монархо-фашистской клики, отражавшей интересы буржуазно-помещичьего блока, и в первую очередь дзайбацу; тесная связь военщины с монополиями; попустительство японской агрессии в Китае со стороны США, Великобритании и Франции, которые считали Японию «восточным бастионом» в борьбе против СССР и революционного движения китайского народа.

В период оккупации японскими войсками Маньчжурии президент Соединенных Штатов Гувер в меморандуме американским послам писал: «В пользу Японии надо сказать, что если бы японцы прямо заявили», что агрессия направлена против Советского Союза и революционных сил Китая, то «мы не могли бы выдвинуть возражений» [232, с. 416]. И японские государственные деятели не скупились на такие заверения.

Идеологическими причинами агрессивного характера военной доктрины и вооруженных сил Японии являлось распространение в стране милитаристско-фашистской идеологии, представляющей собой сочетание идей крайнего шовинизма и расизма с приспособленными к новым условиям принципами морального кодекса самураев «бусидо», идей «хакко ити у» («Восемь углов под одной крышей»), «кодо» («императорский путь») и панasiatизма в форме лозунга, призывавшего к созданию «сферы сопроцве-

тания» под эгидой Японии. Эта идеология обосновывала «право» Японии на захват стран Восточной Азии и бассейна Тихого океана, она имела антисоветскую направленность, так как в СССР милитаристские круги Японии видели главное препятствие в осуществлении своих агрессивных замыслов [58, т. 2, с. 371].

Общие цели дзайбацу и помещичьей верхушки, являющиеся основой для формирования японской военной доктрины, в наиболее наглядном и концентрированном виде были выражены в принятых 11 августа 1936 г. узким составом правительства Японии «Основных принципах государственной политики».

Основным принципом политики определялось внутреннее и внешнее укрепление Японии с тем, чтобы она «превратилась, номинально и фактически, в стабилизирующую силу в Восточной Азии» [26, д. 482, л. 134]. Проведение «национальной» политики должно было представлять собой «обеспечение прочного положения (японской) империи на азиатском континенте, а также освоение районов Южных морей путем дипломатических мер и национальной обороны» [26, д. 482, л. 134]. Причем под «национальной обороной» понималось «завоевание других стран путем применения вооруженной силы» [26, д. 482, л. 118].

Для осуществления планов создания колониальной империи кабинет министров решил обеспечить «развитие» империи (т. е. милитаризацию страны.— А. С.), чтобы «завершить наше вооружение, необходимое для обороны» [26, д. 482, л. 135].

Милитаризация Японии должна была обеспечить усиление армии и флота в такой мере, чтобы они могли «противостоять любым вооруженным силам, которые Россия сможет выставить и использовать на Дальнем Востоке». Особое внимание уделялось наращиванию военной мощи в Корее и Маньчжурии с тем, чтобы Япония могла «нанести решающий удар русским с самого начала войны» [26, д. 482, л. 136].

«Военно-морские вооружения должны быть усилены до такой степени, чтобы в западной части Тихого океана было обеспечено превосходство над флотом Соединенных Штатов» [26, д. 482, л. 136].

Таким образом, японским правительством была поставлена общая цель достижения господства в Восточной Азии и бассейне Тихого океана, а для ее осуществления определены планы милитаризации страны, усиления вооруженных сил.

В основу военной доктрины Японии легли теория «всеобщей войны согласно императорскому пути» («кодо сорёкусэн»), которая по существу была разновидностью теории «тотальной войны» фашистской Германии, а также теория «молниеносной войны». В исследованиях генерального штаба японской армии указывалось, что «всеобщая война» — это неограниченные боевые действия вооруженных сил, проводимые в сочетании с подчиненной интересам войны деятельностью экономики, органов

внутренней и внешней политики, науки и пропаганды [175, с. 51]. «Всеобщая война» предусматривала агрессивные военные действия без объявления войны, бомбардировку городов и сел, массовое уничтожение мирного населения, использование химического и бактериологического оружия [58, т. 2, с. 372].

Высшее военно-политическое руководство считало, что предстоящая война будет мировой, в ней будут использованы многомиллионные армии, новейшее вооружение и техника. В связи с механизацией войск и развитием авиации территории всех воюющих стран станут полем боя [175, с. 61—62]. Поэтому достижение победы потребует напряжения сил всей страны, особенно вооруженных сил, во время войны и всесторонней их подготовки в мирное время.

В доктрине было определено, что «политическое и стратегическое руководство в войне имеет исключительно большое значение. Без правильного и полного использования этого руководства нельзя добиться победы».

Доктрина предусматривала контроль со стороны военного руководства над экономикой, внешней и внутренней политикой, идеологией для мобилизации всех ресурсов страны на ведение войны. Это положение особенно активно отстаивала «группа контроля», возглавлявшаяся генералом Тодзио и пользовавшаяся поддержкой крупнейших монополий и императорского двора [92, с. 186]. В соответствии с военной доктриной экономическая мощь Японии в ходе войны должна будет увеличиться после захвата районов Советского Дальнего Востока, Китая, Юго-Восточной Азии, Голландской Индии, Филиппин и других территорий [58, т. 2, с. 372].

Военная доктрина предусматривала строительство вооруженных сил двух видов: сухопутных войск и военно-морского флота. Авиация входила в состав каждого из видов в качестве рода войск [58, т. 2, с. 372].

Учитывая превосходство военно-морских сил США и Великобритании, доктрина указывала на необходимость поочередного разгрома их флотов путем внезапных ударов авианосной и базовой авиации с последующим вводом в сражение главных сил Объединенного флота Японии [58, т. 2, с. 372]. Считалось, что японский линейный флот в генеральном сражении решит исход войны на море, поэтому на верфях страны спешно строились сверхмощные линкоры водоизмещением около 70 тыс. т с орудиями калибра 460 мм [151, с. 168].

Подводный флот предусматривалось использовать главным образом для боевых действий совместно с надводным флотом, поэтому его действиям на морских и океанских коммуникациях противника не придавалось большого значения [58, т. 2, с. 372].

Доктрина отводила значительное место в войне авиации сухопутных войск и военно-морских сил. Авиация должна была нанести первые мощные удары по военным объектам противни-

ка в качестве предпосылки завоевания господства в воздухе, необходимого для успешных боевых действий на суше и на море [58, т. 2, с. 372].

Несмотря на соперничество, командование сухопутных войск и военно-морских сил стремилось к организации тесного взаимодействия между армией и флотом [58, т. 2, с. 372].

Сухопутные войска проходили обучение и вели военные действия на основе Полевого устава японской армии, составленного с учетом опыта войны в Китае, в Испании и боев у оз. Хасан. Устав рекомендовал главное внимание уделять взаимодействию между родами войск. Основным видом военных действий японской армии считалось наступление, проводившееся с решительными целями «окружить и уничтожить противника на поле боя». Обороне не придавалось должного значения [97, с. 168, 219—236].

Во второй половине 30-х годов японская военщина предприняла первые попытки проверить действенность своей военной доктрины на практике. Предпринимая оккупацию Маньчжурии, японский штаб сухопутных войск и командование Квантунской армии разработали оперативно-стратегические планы военных действий против Китая (кодовое название «Хэй») и против СССР (кодовое название «Оцу»). В соответствии с планом «Хэй» Япония развязала агрессивную войну против Китая в 1937 г.

Военно-политическое руководство Японии, руководствуясь положениями военной доктрины о «молниеносной войне», рассчитывало завершить войну в течение трех месяцев. План молниеносной войны против Китая состоял в том, чтобы, используя инцидент в районе моста Лугоуцзяо, на первом этапе войны, в июле — августе 1937 г., захватить Пекин и Шанхай, образовать два изолированных фронта (Северный и Центральный), затем ударами по сходящимся направлениям объединить их. На втором этапе — после захвата в Южном Китае городов Гуанчжоу (Кантон), Шаньтоу (Сватоу), Сямынь (Амой) — образовать Южный фронт и встречными ударами Южного и Центрального фронтов соединить их и овладеть южной частью Китая. Японское командование планировало ударом из района Гуанчжоу и Нанкина на запад прервать пути сообщения, связывающие Китай с Французским Индокитаем и Бирмой. Кроме того, предусматривались бомбардировки городов западной части Китая. Все это, по мнению японских милитаристов, должно было обеспечить быструю капитуляцию Китая [142, т. 8, с. 412—414; т. 18, с. 52—68, 99—114, 154—175].

Однако японские стратеги просчитались. Они не учли способности китайского народа противостоять агрессии, возможности создания антияпонского фронта и эффективности советской помощи Китаю. Сосредоточив в Северном Китае до 300 тыс. солдат и офицеров, а в Центральном — более 100 тыс., япон-

ское командование потратило пять месяцев на захват Пекина и Шанхая с прилегающими районами и еще столько же на объединение Северного и Центрального фронтов [58, т. 2, с. 36—37].

Лишь осенью 1938 г. японское командование приступило к операциям на юге Китая, захватив 22 октября Гуанчжоу. Одновременно 240-тысячная группировка японцев, наступавшая от Нанкина вверх по Янцзы, при поддержке 180 танков и 150 самолетов заняла Ухань и перерезала связь между военными районами гоминьдановской армии [58, т. 2, с. 39].

Ведя военные действия в Китае, японская военщина в ответствии со своей теорией «тотальной войны» подвергала обстрелам и бомбардировкам гражданское население. С июля 1937 г. по июнь 1938 г. 275 уездов шестнадцати провинций Китая 2472 раза подвергались налетам авиации, в результате чего было убито и ранено 38 000 человек, большинство из которых составляли женщины и дети [126, с. 47].

Основной способ проведения оперативно-стратегических операций японским командованием состоял в том, что подвижные группировки японских войск при поддержке авиации прорывали фронт на сравнительно узком участке в направлении основных железнодорожных и шоссейных магистралей и стремились окружить противника. Однако китайским войскам, как правило, удавалось выйти из окружения. Упорство вооруженных сил Китая возрастало. С помощью советских военных советников командный состав гоминьдановской армии совершенствовал навыки управления войсками в бою. Китайские соединения и части создавали на направлениях наступления японских войск оборонительные рубежи, выводили из строя железнодорожные и шоссейные дороги, затопляли участки территории. Китайские войска все чаще контратаковали врага, замедляя его наступление. Если в начале войны тактические темпы продвижения японских частей составляли 10—20 км в сутки, то в Уханьской операции они не превышали 1—3 км. Темп продвижения японцев в оперативном масштабе был еще ниже. В первый год войны японцы продвинулись на 1100 км, а в первую половину второго года — менее чем на 300 км [65, с. 257]. Японские войска несли в боях всё большие потери. Если в Шанхай-Нанкинской операции потери японцев по отношению к китайским составляли 1 : 5, то в Уханьской операции они уравнились; войска агрессора потеряли до 120 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными [65, с. 257].

Таким образом, план «молниеносной войны» Японии против Китая провалился благодаря стойкости вооруженных сил Китая и возрастающей помощи СССР китайскому народу.

Одновременно с агрессией против Китая Япония сделала попытку осуществить свои агрессивные планы в отношении СССР. Упомянутый выше план «Оцу» предусматривал оккупацию Советского Приморья. В дальнейшем этот план неоднократно пере-

смаатривался и уточнялся. На 1938—1939 гг. намечалась концентрация основных японских сил в Восточной Маньчжурии. На первом этапе боевых действий против СССР предусматривался захват Никольска-Уссурийского, Владивостока, Имана, а затем — Хабаровска, Благовещенска и Куйбышевки-Восточной [102, с. 248—249].

В 1938 г. японское высшее военно-политическое руководство решило начать реализацию агрессивных планов относительно СССР. В июле правительство Японии обвинило СССР в нарушении границ с Маньчжоу-Го и развернуло широкую пропагандистскую и дипломатическую кампанию. Одновременно командование Квантунской армии готовило открытую вооруженную провокацию в районе оз. Хасан. 15 июля Япония потребовала от Советского правительства вывести пограничные войска с высот Заозерная и Безымянная, якобы принадлежащих Маньчжоу-Го, хотя текст Хунчуньского протокола, подписанного Китаем в 1886 г., и соответствующие карты свидетельствовали о том, что претензии японской стороны незаконны [58, т. 2, с. 38].

29 июля японское командование, подтянув к границе несколько частей, отдало им приказ о переходе советской границы. После двухнедельных ожесточенных боев японские войска были наголову разбиты и отброшены за пределы советской территории [58, т. 2, с. 387].

После стабилизации фронта в Китае генеральный штаб армии Японии осенью 1938 г. приступил к разработке нового плана агрессии против Советского Союза, получившего наименование «План операции № 8». В рамках этого плана разрабатывалось два варианта: вариант «А» предусматривал нанесение главного удара в направлении Советского Приморья, вариант «Б» — в направлении Забайкалья. Военное министерство настаивало на проведении плана «А», генеральный штаб вместе с командованием Квантунской армии — плана «Б». С весны 1939 г. развернулась подготовка к осуществлению агрессии против МНР и СССР согласно плану «Б» [142, т. 8, с. 585].

Для создания «правовой основы» для агрессивных действий японские милитаристы пошли на подлог. На своих топографических картах они обозначили границу Маньчжоу-Го по Халхин-Голу, хотя граница проходила восточнее реки [58, т. 2, с. 42].

В начале 1939 г. Советское правительство официально заявило, что «границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную» [цит. по 58, т. 2, с. 42].

Однако японское командование продолжало переброску войск к границам МНР. 12 мая японцы начали боевые действия. Силами до полка пехоты, поддержанного авиацией, они оттеснили пограничные заставы монгольской Народно-революционной армии и вышли к Халхин-Голу [58, т. 2, с. 42].

Бои в районе Халхин-Гола продолжались четыре месяца и закончились полным разгромом японских войск.

Таким образом, военная доктрина Японии и ее вооруженные силы носили агрессивный характер, который нашел свое проявление в принятом правящими кругами этой страны курсе на развязывание войны с целью установления своего господства в Восточной Азии и в бассейне Тихого океана. Начало реализации этого курса выразилось в тотальной войне против Китая и неспровоцированных нападениях против СССР и МНР.

Важное место в системе вооруженного насилия Японии принадлежало жандармерии, полиции и милитаристским организациям.

Основные обязанности жандармерии, или военной полиции (кэмпэй, или гундзин кэйсацу), были определены при ее создании в 1881 г. Они ограничивались, как указывается в «Истории министерства внутренних дел», вопросами поддержания порядка и дисциплины военнослужащих. Однако в 1920 г. на военную полицию были возложены задачи борьбы с социалистическим движением и проникновением коммунистических идей в вооруженные силы. Затем функции жандармерии расширились за пределы армии и флота и распространились фактически на всю страну и оккупированные территории. После оккупации Маньчжурии на жандармерию были возложены обязанности по «поддержанию спокойствия» внутри страны, борьбе с антивоенным и рабочим движением. Жандармерия следила также за членами парламента и государственными деятелями. О ее значении свидетельствует тот факт, что начальник военной полиции Квантунской армии генерал Тодзио, в руках которого была реальная власть в Маньчжурии, стал вскоре военным министром. На этом посту он расширил аппарат военной полиции, создав главный штаб жандармерии (кэмпэй сирэйбу хомбу) при военном министерстве [173, т. 4, с. 250—251].

Жандармерия, действуя в тесном контакте с военной разведкой, контрразведкой и полицией особого назначения, являлась одним из основных орудий подавления движений трудящихся внутри страны и на оккупированных территориях.

Важным подсобным элементом японского милитаризма являлась полиция. В главном полицейском управлении министерства внутренних дел Японии была создана полиция особого назначения (токубэцу кото кэйсацу), так называемая токко, которая вела активную борьбу с коммунистическим и рабочим движением в метрополии, Корее, на Тайване, в Маньчжурии и оккупированных районах Китая. С 1932 г. агентам «токко» удалось проникнуть в ряды японской компартии, образовать там «группу большинства», которая осуществляла развал партии и левого профсоюзного движения, способствовала аресту почти всех членов ЦК КПЯ и к началу 1935 г. объявила о самороспуске компартии [265, 1947, № 20, с. 58—59].

Значительную роль в системе средств вооруженного насилия, а также в распространении милитаристско-фашистских идей играли милитаристские и полумилитаристские организации.

К. Либкнехт, который одним из первых дал марксистское определение милитаризма, писал, что «милитаризм выступает как сама армия, а за пределами армии — как система, охватывающая все общество посредством сети милитаристских и полумилитаристских учреждений» [8, с. 58].

Первые милитаристские организации в Японии были созданы под покровительством правительства в конце XIX — начале XX в. В 1879 г. было организовано Общество черного океана (Гэнёса), впоследствии — Общество черного дракона (Кокурю кай) [116, с. 10—20]. В 1895 г. в Киото было организовано Общество почитателей военной доблести великой Японии, которое к 1939 г. насчитывало 2,7 млн. человек [99, с. 47].

В 30-х годах массовой основой для роста милитаристских организаций стала мелкая буржуазия, попавшая под влияние милитаристско-фашистских идей. К началу 1933 г. в стране насчитывалось несколько сотен таких организаций, в том числе 82 крупные [49, с. 85—87].

Большую роль в системе милитаристских организаций играла милитаристская организация военнослужащих резерва (их насчитывалось 4 млн. человек) — Союз резервистов империи (Тэйкоку дзайго гундзин кай), которым фактически руководило командование армии и военно-морского флота. В задачу Союза резервистов империи входило военное обучение молодежи, распространение милитаристской идеологии, охрана различных объектов в стране, борьба с «внутренним врагом». В 30-х годах в Союзе резервистов империи и в ряде других милитаристских организаций все более росло влияние фашистских элементов [40, т. 9, с. 185; 173, т. 1, с. 196].

Своего рода резервом милитаристских организаций являлись такие организации, как Японский союз молодежи, Общество молодых девушек, Общество борьбы дзюдо, Общество стрельбы из лука и многие другие.

Командный состав и специальные органы вооруженных сил, полиции, милитаристских и полумилитаристских организаций проводили активную военно-идеологическую обработку личного состава своих частей, органов и членов организаций, а также населения страны. Для этой цели выпускались газеты, журналы и книги, использовались радио, кино, публичные выступления с лекциями, беседами и докладами, переписка командиров и начальников с родственниками подчиненных и другие методы.

Таким образом, накануне второй мировой войны японские правящие круги принимали меры по увеличению материально-технической базы милитаризма, по усилению армии и военно-морского флота, созданию внутри- и внешнеполитических условий для расширения агрессии.

Глава вторая

ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ В ПЕРИОД НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКИ К ВСТУПЛЕНИЮ ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ (СЕНТЯБРЬ 1939 г.— НОЯБРЬ 1941 г.)

Дальнейшая фашизация страны и ее влияние на процесс милитаризации экономики, политики и идеологии

Вторая мировая война, начавшаяся нападением Германии на Польшу в сентябре 1939 г., обострила противоречия между японскими монополиями, с одной стороны, и американскими, английскими, французскими и голландскими — с другой, что явилось важным фактором, обусловившим рост стремления правящих кругов Японии принять участие в переделе мира.

Главным противником Японии в борьбе за колонии и рынки сбыта на Тихом океане были Соединенные Штаты. В. И. Ленин указывал, что «экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем» [2, т. 36, с. 330].

По мере того как страны «оси» в Европе добивались все новых военных успехов и японскому военно-политическому руководству становились известными намерения Германии напасть на СССР, в правящих кругах Японии усиливались требования ускорить подготовку к вступлению в войну для захвата Советского Дальнего Востока, Индокитая, Малайи, Бирмы, Голландской Индии, Филиппин и других территорий. Важным условием подготовки к войне они считали создание так называемой новой политической структуры, что по сути дела означало формирование в стране военно-фашистского режима.

Идейной основой японского фашизма была теория об избранности японской нации.

Идейным знаменем военно-фашистской системы считался император — «тэнно». 124-й японский император Хирохито и его двор отражали интересы реакционных сил страны в силу исторически сложившихся условий.

Во-первых, Хирохито был сам крупным капиталистом. Им-

ператорская семья владела акциями 29 японских банков и компаний, а личный капитал «тэнно» в золотых и серебряных слитках и ценных бумагах определялся в 1,6 млрд. иен [264, с. 386]. Семья императора и императорский двор были тесно связаны с дзайбацу, в частности с крупнейшим концерном Мицуи. Эти связи установились еще в период незавершенной буржуазной революции 1868 г., когда дом Мицуи оказал значительную финансовую поддержку ее участникам, а впоследствии и императору и стал вести его финансовые дела. Концерн Мицубиси пользовался поддержкой министра двора Икки, хранителя печати Макино и др. С концерном Сумитомо были связаны последний гэнро, принц Сайондзи, и принц Коноэ. Дзайбацу, так же как другие группы буржуазии, рассматривали императора в качестве гаранта сохранения и приумножения своих богатств.

Во-вторых, император являлся крупнейшим в стране землевладельцем, владевшим земельными угодьями площадью 1,5 млн. га.

Считаясь главнокомандующим вооруженных сил, император поддерживал (так же как и основные монополии) «группу контроля», возглавлявшуюся генералом Тодзио и его единомышленниками генералами Анами и Мута, которая ратовала за создание на базе существовавших буржуазных партий единой монархо-фашистской политической партии под контролем военных. Члены императорской фамилии по традиции занимали посты начальников генеральных штабов армии и флота (генералы Каная, Китохито, адмирал Хироэсу) и пользовались большим влиянием в военных кругах [142, т. 8, Прил. 2].

В апреле 1940 г., после вторжения немецких войск в Данию и Норвегию, видные политические деятели и придворные — князь Коноэ, министр двора Кидо и граф Арима — приступили к конкретному обсуждению вопроса о создании «новой политической структуры» государства [149, с. 61—62].

Коноэ предложил самороспуск всех политических партий и создание единой партии, в которую вошли бы их представители [173, т. 3, с. 307—308]. Эту идею немедленно подхватили военные круги, представители так называемых новых монополий, больше всех наживавшихся на военном бизнесе и грабеже захваченных Японией территорий, и тесно связанные с ними крайние правые парламентские группировки. В конце апреля 1940 г. за роспуск всех партий и создание единой монархо-фашистской организации высказался глава одной из фракций партии Сэйюкай — Кухара Фусаносукэ, связанный родственными узами с руководителем маньчжурского концерна «Мангё» Аюкава Гисукэ. Его сразу же поддержал Накадзима Тихухэй, глава крупнейшего в Японии авиационного концерна «Накадзима» [75, с. 114].

26 мая состоялось совещание князя Коноэ с графом Арима и министром двора Кидо. Участники совещания пришли к решению добиваться санкции императора на создание единой пра-

вающей партии, а также внести предложение о создании Высшего совета обороны в составе премьер-министра, начальников генеральных штабов армии и флота, военного и военно-морского министров [173, т. 3, с. 309].

В начале июня граф Арима призвал политические партии к созданию единой политической организации по типу партии национал-социалистов [275, 11.VI.1940]. Вслед за этим лидеры крайне правых парламентских групп заявили о своем самороспуске и желании влиться в новую партию.

6 июня советник правительства Кухара, глава одной из крайне правых фашистских группировок, посетил премьер-министра Ионаи и потребовал от него: отказа от политики «следования» за Англией и Америкой; проведения решительных мероприятий в отношении третьих государств, оказывающих помощь Чан Кай-ши; создания структуры государства «наипрочнейшей обороны». На следующий день, когда стало известно, что Ионаи ответил отказом на требования Кухара, последний подал в отставку со своего поста. Этот шаг Кухара явился выражением недоверия кабинету Ионаи со стороны влиятельных сил, взявших курс на дальнейшую фашизацию страны. Влиятельные группировки в буржуазно-помещичьих партиях, в том числе в Минсэйто, присоединились к заявлению Кухара. В это время стало известно о капитуляции Франции, что привело к усилению требований изменения внешнеполитического курса правительства [57, т. 3, с. 53—54].

Представители «новых монополий», военщины и самораспустившихся парламентских фракций, члены Лиги депутатов парламента по завершению священной войны оказали сильный нажим на профсоюзы и на еще не самораспустившиеся политические партии, требуя их роспуска. В июне 1940 г. «самораспустились» профсоюзы электриков, городских служащих и др. Вслед за этим заявили о самороспуске правая социал-демократическая партия Сякай тайсюто, профсоюзы, объединенные в крупнейшей реформистской Всеяпонской федерации труда (Нихон родо содомэй), партии Сэйюкай и Минсэйто [75, с. 99—106].

В этих условиях князь Коноэ 24 июня ушел с поста председателя Тайного совета, чтобы развязать себе руки в деле создания «новой политической структуры» государства [57, т. 3, с. 55].

В июле военщина усилила давление на проявлявшее нерешительность правительство Ионаи. Большая группа офицеров генерального штаба передала на имя высшего командования заявление, в котором говорилось, что «настоящее правительство сделало далеко не все, чтобы соответствующим образом ответить на создавшуюся в последнее время международную обстановку» [57, т. 3, с. 63].

Наиболее активным выразителем настроений военных кругов был военный министр генерал Хата. Однако он не мог от-

крыто выступать за смену кабинета Ионаи, так как при его формировании император просил Хата сотрудничать с правительством. Поэтому военные круги решили добиться отставки военного министра и таким путем вызвать падение кабинета. 8 июля один из лидеров «группы контроля», генерал Анами, посетил министра императорского двора маркиза Кидо и, выражая мнение военных кругов, заявил: «Кабинет Ионаи по своему характеру совершенно не подходит для достижения договоренности с Германией и Италией. Существует опасность, что мы можем опоздать. Чтобы должным образом действовать в такое чрезвычайно ответственное время, не остается ничего другого, как сменить правительство» [57, т. 3, с. 64].

Вслед за этим начальник генерального штаба письменно потребовал от генерала Хата покинуть пост военного министра. Хата подал в отставку, и кабинет пал. Новый кабинет возглавил руководитель движения за создание «новой политической структуры» князь Коноэ Фумимаро. Отпрыск знатного рода Фудзивара, находившегося в родственной связи с императорской фамилией, крупнейший акционер ряда компаний концерна Сумитомо, зять главы концерна, Коноэ был выразителем интересов дзайбацу, императорского двора и милитаристско-фашистских элементов Японии [33, с. 71].

17 июля князь Коноэ, получив императорский приказ сформировать новый кабинет, стал действовать вопреки традиционной практике: сначала он назначил военного и морского министров, а также министра иностранных дел. 19 июля между Коноэ и вновь назначенными министрами состоялось совещание, на котором был детально обсужден и принят согласованный курс кабинета. Лишь после этого Коноэ продолжал подбор остальных кандидатур. Основные положения курса, принятого на вышеупомянутом совещании, впоследствии были воплощены в «Основной программе национальной политики» и в «Программе мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». В сформированном таким образом кабинете Коноэ право решающего голоса обеспечивалось представителям военных кругов [57, т. 3, с. 65].

В кабинете Коноэ посты министров торговли и промышленности, финансов, путей сообщения и связи заняли представители крупнейших монополий: Кобаяси Итидзо, Кавада Исао, Мурата Сёдзо. Кобаяси представлял интересы концерна Мицуи; Кавада, член палаты пэров, президент полуправительственной компании «Тоа», был ставленником концерна Мицубиси; Мурата — председателем паровой компании «Осака сёсэн», входившей в концерн Сумитомо.

Министром иностранных дел стал Мацуока Иосукэ, бывший председатель правления Южно-Маньчжурской железной дороги, тесно связанный с концерном Мицуи. Председателем Планового бюро при кабинете министров в ранге министра стал бывший

председатель генеральной администрации Маньчжоу-Го, ставленник концерна «Мангё» Хосино Наоки [281, 1948, с. 457].

Пост военного министра был предоставлен генералу Тодзио, главе «группы контроля», шефу военной жандармерии кэмпэйтэй, бывшему начальнику штаба Квантунской армии.

Военно-морским министром остался адмирал Иосида, начальником генерального штаба армии стал генерал Сугияма, начальником генерального штаба флота — адмирал Нагано.

Второй кабинет Коноэ был олицетворением господства монополий, использовавших монархический аппарат и его важнейшую часть — военщину для подготовки Японии к участию во второй мировой войне.

Дзайбацу оказали полную поддержку князю Коноэ в создании военно-фашистской формы правления государства. Еще в период формирования кабинета 18 июля 1940 г. Особый исполнительный комитет Национальной промышленной федерации принял резолюцию о присоединении федерации к движению за создание «новой политической структуры» [75, с. 115].

Получив мощную поддержку дзайбацу, правительство и лидеры распущенных буржуазных партий приступили к разработке конкретного плана военно-фашистской системы государства.

Лидеры распустившихся буржуазных партий и группировок создали инициативный комитет «друзей новой структуры». 17 августа этот комитет опубликовал «Программу новой структуры», в основе которой лежал «принцип вождизма». Предполагалось, что воплощением «новой политической структуры» станет новая партия, которая будет играть роль «руководящей силы народа, органически объединяющей воедино правительство и военные круги». Эта партия по своему характеру должна была стать «объединением единомыслящих вождей обновления» и «отрицанием прежнего идеала выборной партии, ядром которой являлась парламентская фракция» [57, т. 3, с. 68].

Действуя в соответствии с «Основной программой национальной политики», правительство ускорило подготовку к установлению новой структуры. 23 августа был опубликован список членов комитета по подготовке новой структуры, в который вошли наиболее реакционные представители правящих кругов Японии, такие, как бывший министр внутренних дел Суэцугу Нобумаса, лидер фашистской молодежи Хасимото Кигоро, бывший посол Японии в Риме генерал Сиратори Тосио, представители финансовых кругов Исака Такаси и Хата Ёсиаки [57, т. 3, с. 69].

28 августа Коноэ изложил принципы создания новой политической партии [173, т. 3, с. 319—321]. Руководителем группы по разработке «Устава движения помощи трону» был назначен один из лидеров «группы контроля», ближайший помощник Тодзио — генерал Мурто. 27 сентября 1940 г. правительство Коноэ

утвердило Устав, согласно которому руководящим органом «движения» являлась Ассоциация помощи трону (Тайсэй ёкусанкай). Во главе Ассоциации должно было стоять лицо, занимающее пост премьер-министра [139, с. 187].

Устав предусматривал учреждение центрального штаба «движения» во главе с президентом, в состав которого входили директора и советники Ассоциации помощи трону (АПТ). Кроме центрального штаба создавался центральный секретариат, состоявший из нескольких бюро и отделов. В префектурах, уездах, городах и поселках формировались местные отделы АПТ. При центральном штабе АПТ предусматривалось функционирование Центрального совета сотрудничества (Тюо кёрёкукай), при префектуральных, уездных, городских и поселковых отделах АПТ — местных советов сотрудничества [139, с. 187].

В сентябре — октябре 1940 г. штаты АПТ и советов сотрудничества были укомплектованы наиболее реакционными политиками, чиновниками, военными, тесно связанными с дзайбацу и отражавшими интересы всего буржуазно-помещичьего лагеря. Сам президент АПТ князь Коноэ признавал, что АПТ «являлась детищем чиновников и находилась в полном отрыве от мнения нации» [179, с. 26].

Из 212 членов Центрального совета сотрудничества более 50 человек являлись представителями дзайбацу и крупных капиталистических предприятий (в частности, концерн Мицуи представлял Исида Рэйсукэ, Мицубиси — Гоко Киёси, Сумитомо — Фурита Такиносукэ [287, 8.XII.1940, с. 1—2]). Более 30 членов Совета были генералами, адмиралами и руководителями различных милитаристско-фашистских организаций [75, с. 142]. Председателем Центрального совета сотрудничества был назначен адмирал Суэцугу, который в 1937 г., будучи министром внутренних дел, руководил расправой над демократическими организациями Японии [139, с. 187].

Важным средством влияния АПТ на японское население были так называемые соседские общины (римпохан или тонари-гуми), начавшие создаваться в стране после нападения Японии на Китай.

Соседские общины формировались по указанию местных властей, состояли из 10—20 дворов или семей и возглавлялись главой одной из семей. Формально общины не были связаны с государственным аппаратом и представляли собой общественные организации. Фактически же они находились под контролем министерства внутренних дел, которое в конце 1939 г. возложило на них обязанности распределения продуктов среди населения, а в июне 1940 г. было решено, что соседские общины станут низовыми организациями «новой политической структуры» [173, т. 3, с. 326—327].

После создания АПТ соседскими общинами стали руководить ее местные отделы. Для осуществления более эффектив-

ного контроля за общинами количество семей в них было сокращено до 10—12 [217, с. 187—188].

11 сентября 1940 г. министерство внутренних дел опубликовало решение об учреждении и укреплении поселковых и городских ассоциаций, а также соседских общин в качестве низовых организаций новой структуры [57, т. 3, с. 76].

Отделы АПТ стали руководить соседскими общинами через ассоциации улиц (тёнайкай) или ассоциации поселков (буракай), объединявшие каждая по 30—40 соседских общин [173, т. 3, с. 329].

К концу 1940 г. создание уличных и поселковых ассоциаций в основном было завершено. В стране насчитывалось 206 тыс. уличных и поселковых ассоциаций и 1 333 732 соседские общины [270, 1943, с. 87]. Вначале соседские общины ведали распределением продовольственных карточек, талонов на топливо и удобрения, подпиской на военные займы, сбором металлолома [40, т. 10, с. 168]. В дальнейшем на них стали возлагаться все новые и новые обязанности, связанные с милитаризацией страны.

В конце 1940 г. и в течение 1941 г. продолжался процесс «самороспуска» профсоюзов и формирования вместо них обществ служения отечеству через производство, начавших создаваться в 1938 г. [70, с. 288].

В целом Движение за служение отечеству через производство до осени 1940 г. не выходило за рамки чисто идеологического движения. Общества служения отечеству через производство на деле не играли той роли, которую они должны были выполнять по замыслам их организаторов. Второй кабинет Коноэ приступил к созданию новой всеобъемлющей структуры, которая увязывала бы воедино идеологию агрессии и принудительный труд с целью увеличения возможностей страны в области ведения войны. Им была опубликована «Программа создания новой структуры труда», в которой говорилось: «Принимая во внимание, что завершение создания структуры государства наипрочнейшей обороны и увеличение производительных сил государства целиком зависит от трудовых усилий народа, правительство намерено создать новую структуру труда с целью повышения трудовой активности и претворения в жизнь производственных возможностей всех занятых на производстве, а также для выработки и проведения соответствующих мероприятий с целью трудового воспитания народа, иными словами, для осуществления трудовой мобилизации. Настоящая программа показывает пути утверждения трудовой идеологии, создания организации труда, которая в рамках производства органически объединила бы капитал, управление предприятиями и труд, а также пути объединения подобных организаций труда и упорядочения административного аппарата» [57, т. 3, с. 88—89].

С конца февраля 1939 г. по конец 1941 г. число рабочих, во-

влеченных в общества служения отечеству через производство, увеличилось с 3 млн. до 5 млн. [173, т. 3, с. 345; 40, т. 10, с. 168].

После принятия кабинетом Коноэ постановления от 23 ноября 1940 г. «Об учреждении Ассоциации служения отечеству через производство» («Дай Ниппон сангё хококукай») рост объединенных в ассоциацию обществ проходил особенно интенсивно¹. Об этом свидетельствуют следующие данные [57, т. 3, с. 89]:

Год	Число предприятий, на которых были соз- даны общества	Число членов	% рабочих, организо- ванных в общества
1939	26 963	2 989 976	43
1940	102 799	4 815 478	66
1941	164 377	5 465 558	70

Власти и предприниматели стремились вовлечь в общества всех рабочих и служащих, чтобы полностью подчинить их своему влиянию и создать условия для усиления эксплуатации. «Членскую массу каждой ячейки Ассоциации служения отечеству через производство,—свидетельствует журнал „Ориентал Экономист“,—составляли все занятые на данном предприятии, шахте или в мастерской, начиная с директора-распорядителя и до самого младшего рабочего, причем директор-распорядитель во всех случаях являлся председателем ассоциации» [282, с. 261—262].

Власти и предприниматели, используя ассоциацию, пытались затушевать классовое самосознание рабочих идеями о «единстве» труда и капитала в борьбе за создание «нового порядка в Великой Восточной Азии» и мобилизовать их на служение войне через производство, во имя увеличения прибылей капиталистов.

Осенью 1940 г. началось объединение в ассоциации служения отечеству и помощи трону торговцев, крестьян и интеллигенции. 21 ноября 1940 г. решением правительства был учрежден Центральный штаб обществ служения отечеству через торговлю (Сёгё хококукай тью хомбу) во главе с министром торговли и промышленности Кобаяси Итидзо. Все мелкие торговцы в каждом районе страны были объединены в общества служения отечеству через торговлю и поставлены под контроль крупных торговых фирм. В сельских районах под руководством помещиков были созданы общества служения отечеству в сельском хозяйстве (ногё хококукай), контролируемые Лигой служения отечеству в сельском хозяйстве (Ногё хококу рэммэй), созданной при министерстве лесов и земледелия [75, с. 149].

Готовя страну к участию в «большой» войне, правительство разворачивало движение за увеличение производства сельскохозяйственных продуктов на основе невиданной эксплуатации крестьян. Увеличение производства предполагалось достичь путем внедрения совместного ведения сельскохозяйственных работ

за счет привлечения к труду учащихся и детей через «отряды трудовой повинности» и «отряды служения отечеству через сельскохозяйственное производство». Движение направлялось непосредственно губернаторами префектур и начальниками экономических отделов префектуральных управлений [57, т. 3, с. 133].

Тогда же по указанию правительства началось объединение учителей, журналистов, писателей и музыкантов в соответствующие общества с целью «служения отечеству» и «помощи трону» [75, с. 149].

К концу 1940 г. «новая политическая структура» была в основном создана, в 1941 г. ее формирование было завершено.

Правящие круги Японии принимали меры, имевшие целью создание юридической основы для подавления любой оппозиции их агрессивной политике. Так, 8 марта 1941 г. по инициативе правительства парламент пересмотрел и принял в новой редакции антикоммунистический закон «Об охране общественного спокойствия» (Дзианидзихо). Теперь в нем еще шире и производнее толковалось положение о «составе преступления», под которое подводилась любая деятельность, направленная на «изменение государственной политики» [75, с. 150].

В результате создания «новой политической структуры» женщина стала политическим центром страны. Это создавало условия для ускоренной милитаризации экономики.

Одновременно с учреждением «новой политической структуры» японские монополии и монархо-фашисты приняли меры по подготовке к созданию такой экономической структуры, которая отвечала бы интересам ведения войны.

Инициаторами в создании первого варианта плана «новой экономической структуры» (так называемого плана Хосино) выступили представители «новых» монополий («Мангё», ЮМЖД и др.), уже имевшие опыт эксплуатации заморских территорий и пользовавшиеся поддержкой командования Квантунской армии и отдельных лиц из военного и военно-морского министерств. «План Хосино» был разработан осенью 1940 г. в Плановом бюро при кабинете министров, возглавляемом Хосино Наоки, бывшим начальником департамента общих дел «правительства» Маньчжоу-го. Он предусматривал укрепление картелей под государственным контролем, назначение руководителей реорганизуемых картелей правительством и создание правительственного «Высшего экономического совета» [194, с. 50].

«План Хосино» исходил из того, что в основу всей системы контроля должен быть положен принцип картелирования как метод контроля, осуществляемого монополистическим капиталом в условиях военного времени. Однако «план Хосино» содержал в себе тезис об общности интересов предпринимателей и государства и исходя из этого предусматривал назначение директоров картелей правительством [57, т. 3, с. 110].

Влиятельные круги дзайбацу выступили против принятия этого плана, так как опасались усиления вмешательства военного и военно-морского министерств в дела военно-промышленных компаний концернов. С целью дискредитации «плана Хосино» эти круги объявили, что план носит будто бы «коммунистический характер» и влечет за собой «отделение собственности от управления» [94, с. 66—67].

В конце концов был принят план, выдвинутый основными монополиями и предусматривавший самостоятельность дзайбацу в вопросах контроля над производством. 7 декабря правительство опубликовало Программу установления «новой экономической структуры», в которой подчеркивалась задача перевода экономики на военные рельсы путем поддержки частного предпринимательства и «упорядочения производства». Другими словами, в целях укрепления военной экономики монополии получали право на усиление экономического контроля и «упорядочение производства» прежде всего в отношении мелких и средних предприятий. Все мероприятия, предусмотренные Программой, преследовали цель укрепления позиции монополий в условиях милитаризации экономики, усиления господства дзайбацу путем подчинения им правительственного аппарата [57, т. 3, с. 111].

Предпосылкой для создания «новой экономической структуры» являлись закон № 55 «О всеобщей мобилизации нации» (принятый в марте 1938 г. и пересмотренный в 1939 г. и в марте 1941 г.) и закон «О контроле над важнейшими отраслями промышленности», введенный в действие в начале 30-х годов и продленный в 1936 г. на 5 лет, до августа 1941 г. [33, с. 92].

Согласно ст. 1 закона № 55 «всеобщая мобилизация нации» означает использование людских и материальных ресурсов страны и контроль над ними во время войны в целях наиболее эффективного использования всех сил нации для достижения задач национальной обороны». Закон распространялся на производство оружия, боеприпасов, военных материалов, снаряжения, военных и торговых судов, самолетов, средств связи, промышленного оборудования, электроэнергии, продуктов питания и т. д. Правительство на основании ст. 4 закона получило право по особому декрету проводить трудовую мобилизацию [79, с. 283—284].

Положения закона № 55 приобретали силу при условии их утверждения императорским указом и одобрения Комиссией по вопросам общей мобилизации нации, состоящей из влиятельных представителей монополий и военщины [70, с. 58].

29 августа 1941 г. план «новой экономической структуры» приобрел силу закона в виде императорского указа № 831 «Об ассоциациях в основных отраслях промышленности» [134, с. 140]. Этот указ лег в основу «новой экономической структуры». Он предусматривал установление полного контроля круп-

ных монополий над экономикой страны и использование для этих целей государственной власти. Согласно указу № 831 в ряде отраслей промышленности, а также в области торговли и финансов создавались ассоциации контроля (тосэйкай), осуществлявшие по согласованию с правительственными органами контроль над производством и распределением военных заказов, промышленной продукции, сырья, рабочей силы и размещением денежных средств. Ассоциации обычно возглавлялись бывшим председателем наиболее могущественной фирмы соответствующей отрасли, оставившим свою должность для занятия поста главы ассоциации контроля. Таким образом, дзайбацу захватывали в свои руки полное господство над данной отраслью [70, с. 58].

Используя право контроля, дзайбацу активно содействовали концентрации капитала, промышленности и торговли в своих руках, в результате чего «многие мелкие компании были вынуждены слиться с крупными промышленными концернами, господствовавшими в ассоциациях контроля» [134, с. 169]. Только в 1940 г. было произведено 212 слияний компаний с капиталом в сумме 2300 млн. иен [75, с. 169].

Планы правящих кругов Японии по созданию «новой экономической структуры» предусматривали также установление контроля над экономикой захваченных японскими войсками стран, которые в Токио объявили вошедшими в так называемую «сферу сопроцветания Великой Восточной Азии». Это делалось с целью их экономического закабаления и мобилизации ресурсов «сферы» на войну. Кабинет Коноэ в постановлении о «новой экономической структуре» от 7 декабря 1940 г. указал, что она распространяется на «сферу сопроцветания Великой Восточной Азии», охватывающую Японию, Маньчжурию и Китай [79, с. 299].

Кроме ассоциаций контроля, которые охватывали основные отрасли производства в масштабе всей страны, были созданы контрольные союзы (тосэй кумиай), являвшиеся районными или местными организациями. Они объединяли крупные предприятия тех отраслей, в которых не было ассоциаций, а также несколько десятков тысяч промышленных и торговых гильдий, в которые входили предприятия и компании мелких и средних предпринимателей и торговцев [94, с. 69].

Первый указ правительства Японии, определяющий отрасли, в которых должны быть созданы ассоциации контроля, был издан в октябре 1941 г., после назначения генерала Тодзио премьер-министром. Под действие указа подпадало производство чугуна, стали, угля, цемента, электрических и промышленных машин, точных инструментов, автомобилей и другого моторного транспорта, внешняя торговля, судостроение, подвижной состав железных дорог и добыча руды [70, с. 36].

Процессы концентрации производства и централизации уп-

равления промышленностью и торговлей в капиталистическом государстве еще не означают милитаризацию экономики. Однако в Японии характер этих процессов в 1939—1941 гг. не оставляет сомнения в их милитаристской сущности.

Во-первых, мероприятия по концентрации производства и централизации управления, организации государственно-монополистического контроля над экономикой проводились в период ведения войны в Китае и на основе решения правящих кругов ускорить подготовку к вступлению страны в «большую» войну.

Во-вторых, создание «новой экономической структуры», означавшее рост государственно-монополистического капитализма, проводилось вслед за созданием «новой политической структуры», т. е. в процессе фашизации страны, основная роль в которой принадлежала военщине.

В-третьих, «новая экономическая структура» создавалась с расчетом на колонизацию оккупированных территорий и тех стран, которые японские правящие круги планировали захватить.

В-четвертых, «новая экономическая структура» предусматривала преимущественное развитие военных отраслей производства и использование «мирных» отраслей промышленности для нужд войны.

В результате создания «новой экономической структуры» в Японии сложился военно-государственный монополистический капитализм, характерной чертой которого являлось наличие органов монополистов и государства — «контрольных ассоциаций», взявших на себя управление экономикой с целью ускорения ее милитаризации и использования для ведения войны.

Учитывая, что японская военщина, ставшая политическим центром страны, в значительной мере укрепила свои связи с финансовой олигархией на базе создания военно-государственного монополистического капитализма, было бы правомерно сделать вывод о появлении в Японии в период ее непосредственной подготовки и участия во второй мировой войне военно-промышленного комплекса.

Термин «военно-промышленный комплекс» был впервые употреблен Д. Эйзенхауэром 17 января 1961 г. для характеристики влиятельной политической силы, сложившейся в Соединенных Штатах в послевоенные годы на почве дальнейшего укрепления связей монополий и военщины. Исследования советских историков позволили сделать вывод, что возникновение военно-промышленных комплексов в империалистических странах связано с отмеченным еще В. И. Лениным процессом сращивания капиталистических монополий и буржуазного государства, с развитием государственно-монополистического капитализма, усилением гонки вооружений, ростом милитаризма. Военно-промышленный комплекс представляет собой агрессивный союз крупнейших монополий, производящих вооружение, военной верхушки

и их прямых ставленников в государственном аппарате капиталистических стран. Он является составной частью общей системы государственно-монополистического капитализма, ее наиболее реакционным ядром [18, с. 248].

В Японии накануне ее вступления во вторую мировую войну он представлял союз монополий, наживавшихся на военном производстве, и военно-фашистской клики, в котором главенствующее положение занимали представители дзайбацу.

В 1940—1941 гг. в Японии сложился агрессивный союз крупнейших монополий (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо), занимавшихся производством оружия, боевой техники и снаряжения, а также других крупных монополий (например, «Накадзима», заводы которой производили военные самолеты) с милитаристской кликой (гумбацу), занимавшей ключевые посты в государственном аппарате.

Создание военно-промышленного комплекса сопровождалось усилением милитаризации экономики страны.

Общее представление о процессе милитаризации экономики дают военные расходы Японии в 1939—1941 гг. (табл. 5).

Таблица 5

*Рост военных расходов Японии, 1939—1941 гг. *,
млн. иен*

Год	Национальный доход А	Общие годовые расходы В	Военные расходы			С/А, %	В/А, %
			всего С	чрезвычайные военные расходы	расходы по сметам военного и морского министерств		
1939	24 519 (150)	8 806 (386)	6 472	4844	1628	26,4	35,9
1940	32 100 (197)	10 982 (481)	7 948	5722	2226	24,8	34,2
1941	3 690 (226)	16 452 (725)	12 499	9487	3012	33,9	44,6

* [173, т. 3, с. 124].

Из табл. 5 видно, что военные расходы Японии увеличивались примерно в два раза быстрее, чем национальный доход страны. Если национальный доход в 1939—1941 гг. увеличился почти на 50%, то военные расходы увеличились почти на 100%.

Во все большей степени использовалась в военных целях продукция металлургии и машиностроения. Выплавка чугуна за этот период увеличилась с 3,3 млн. до 4,3 млн. т, алюминия — с 26,9 млн. до 71,7 млн. т [57, т. 4, с. 100—101]. Основным источником поступления стратегического сырья для военной промышленности являлись Корея, Маньчжурия и оккупированная часть Северного Китая. В 1941 г. они дали около 80% всей железной руды, потребленной японской металлургической промышленностью, а также большую часть необходимого ей коксующегося

угля, свинца, цинка, хрома, молибдена и вольфрама [40, т. 10, с. 168—169].

Развитие машиностроения шло главным образом за счет развертывания производства военных машин, самолетов и судов. Если индекс промышленного производства в целом составлял в 1941 г. 249 (1936 г.=100), то индекс машиностроительной промышленности — 530 [174, с. 257]. Ниже приводятся данные о динамике промышленного, особенно военного, производства в Японии в 1938—1941 гг. (1935—1937 гг.=100) [174, с. 259]:

	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Общее производство	131,3	164,0	161,9	169,4
Военное производство	352	486	729	1240

Таким образом, общее производство в 1938—1941 гг. увеличилось меньше чем на 30%, в то время как военное — в 3,5 раза.

Львиную долю военного производства составляло производство различных видов вооружения (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

*Производство вооружения в Японии,
1939—1941 гг. **

Вид вооружения	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Винтовки	249 619	448 940	729 391
Пулеметы армии	13 790	17 033	14 500
Пулеметы флота	2 740	3 590	10 165
Полевые орудия	613	1 448	1 200
Тяжелые орудия	673	659	896
Танки	562	1 023	1 024
Самолеты	3 303	3 462	6 174
Военные корабли	23	27	48

* [174, с. 278—279].

Из табл. 6 видно, что в 1939—1941 гг. промышленность Японии выпустила в общей сложности более 1,4 млн. винтовок, свыше 60 тыс. пулеметов, около 5,5 тыс. орудий, 2609 танков, 98 военных кораблей общим водоизмещением свыше 330 тыс. т (в том числе в 1941 г. — свыше 200 тыс. т) и около 13 тыс. самолетов.

Таким образом, были созданы материальные условия для резкого увеличения вооруженных сил. Однако военно-политическое руководство не смогло обеспечить полного выполнения планов производства вооружения: по производству винтовок и пулеметов он был выполнен на 72%, орудий — на 75, танков — на 87, самолетов — на 73% [142, т. 33, Прил. 5].

Милитаризация экономики Японии означала рост прибылей и дивидендов. С 1937 по 1941 г. прибыли всех японских предпринимательских компаний увеличились с 2,1 млрд. до 4,8 млрд. иен, а дивиденды — с 1,2 млрд. до 1,8 млрд. иен [94, с. 111].

Больше всех наживались на военных заказах дзайбацу, тесно связанные с военщиной². Прибыли «Мицубиси дзюкогё», например, в 1939—1941 гг. увеличились с 19311 тыс. до 37 774 тыс. иен, а «Нихон сэйтэпудзё» — с 4660 тыс. до 7995 тыс. иен [173, т. 4, с. 300].

Одновременно с этим милитаризация экономики сопровождалась усилением эксплуатации трудящихся.

С июля 1939 г. согласно § 4 указа «О всеобщей мобилизации нации» в Японии началась насильственная мобилизация рабочих на военное производство, где они находились на казарменном положении. К концу 1941 г. было мобилизовано в общей сложности 312 тыс. человек [70, с. 308]. В марте 1941 г. был принят закон «О рабочей книжке», согласно которому рабочие закреплялись за предприятиями и не имели права уйти с завода без рабочих книжек, которые находились в конторах предпринимателей [57, т. 3, с. 117].

В 1939—1941 гг. ухудшилось также положение трудящихся оккупированных Японией территорий. Японские войска, находившиеся в Корее, Маньчжурии, Северном Китае, Индокитае, на Тайване снабжались почти исключительно за счет местного населения [26, д. 482, л. 664].

Фашизация Японии содействовала усилению агрессивного характера внешней политики ее правящих кругов.

Сразу же после начала второй мировой войны японское правительство заявило (4 сентября 1939 г.) о невмешательстве Японии в военный конфликт в Европе [173, т. 3, с. 282]. В то же время оно с еще большей настойчивостью стало осуществлять программу, имевшую конечной целью установление японского господства в Азии и на Тихом океане и разгром Советского Союза [106, с. 6].

Результаты первой мировой войны, в период которой Япония, как отмечал В. И. Ленин, «выиграла очень много, оставаясь в стороне от европейско-американского конфликта и захватывая громадный азиатский материк» [2, т. 41, с. 218], побуждали влиятельную часть японских правящих кругов проявлять осторожность в окончательном выборе военных союзников, особенно после того как Германия (неожиданно для японцев в период их авантюры на Халхин-Голе) заключила 23 августа 1939 г. пакт о нейтралитете с СССР. Поэтому японское правительство до капитуляции Франции летом 1940 г. не решалось на военный союз с державами «оси», хотя оно и являлось членом «Антикоминтерновского пакта» и вследствие экономических, политических и военно-стратегических предпосылок склонялось к такому союзу.

После капитуляции Франции и прихода к власти в Японии кабинета Коноэ японское правительство более активно стало действовать в направлении заключения военного договора с европейскими фашистскими государствами. Помощь гитлеровской Германии, принудившей французские колониальные власти в Ханое 23 сентября 1940 г. подписать соглашение о размещении японских войск в северной части Индокитая [184, с. 33—34], ускорила решение вопроса: 27 сентября в Токио был заключен японо-германо-итальянский военный союз.

В тексте договора наиболее важными были первые четыре статьи.

Ст. 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания «нового порядка» в Европе.

Ст. 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания «нового порядка» в Восточной Азии.

Ст. 3. Германия, Италия и Япония берут на себя обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в данное время не участвует в европейской войне и японо-китайской войне.

Ст. 4. Для осуществления пакта немедленно будут созданы общие технические комиссии, члены которых будут назначены правительствами Германии, Италии и Японии [184, с. 30].

Антисоветская направленность пакта была завуалирована оговоркой, изложенной в ст. 5, которая гласила, что «приведенные выше статьи соглашения ни в коей мере не затрагивают существующих в настоящее время политических отношений между каждым и любым участником пакта и Советским Союзом» [102, с. 242]. О том, что эта оговорка была неискренней, свидетельствует выступление министра иностранных дел Японии Мацуока на заседании исследовательского комитета Тайного совета 26 сентября 1940 г. «Хотя и существует договор о ненападении,— заявил он,—однако Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны, а Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны» [102, с. 242].

К договору был приложен секретный протокол, в котором было сказано, что в случае, если одна из договаривающихся сторон вступит в войну против Советского Союза, другая сторона не должна предпринимать действий, которые могли бы облегчить его положение [189, с. 600].

Важное значение правительство Японии придавало дезориентации СССР относительно своих намерений. Мацуока, подписывая в Москве 13 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете, уже знал о готовящемся нападении Германии на СССР [156, с. 37—39]. Еще до приезда в Москву, ведя в Берлине переговоры о совместной политике Японии и Германии в отношении Советского Союза, Мацуока заявил, что в случае конфликта между Рос-

сией и Германией Япония «будет вынуждена напасть на Россию на стороне Германии» [26, д. 482, л. 862].

Пользуясь ослаблением позиции Великобритании в Азии в связи с угрозой гитлеровского вторжения на территорию метрополии, Япония стремилась добиться максимума уступок от английского правительства с целью улучшения своего стратегического положения и прекращения снабжения Китая через Бирму.

Английское правительство со своей стороны решило предотвратить или оттянуть захват своих колоний ценой поддержки японской блокады Китая.

18 июля 1940 г. посол Великобритании в Токио Р. Крейги подписал соглашение с Японией, запрещавшее провоз в Китай через Бирму военного имущества, а также (на три месяца) бензина, грузовиков и некоторых других грузов военного назначения. В августе 1940 г. Великобритания вывела свои войска из Пекина, Шанхая и Тяньцзиня [58, т. 3, с. 171].

Целью японской внешней политики в отношении США было удержание их от активного противодействия японской агрессии в Азии, сохранение с Соединенными Штатами торговых отношений, необходимых Японии для создания запасов стратегического сырья [45, с. 187]. Для достижения этой цели японские дипломаты вплоть до начала войны на Тихом океане вели переговоры с американским правительством, причем неизменно подчеркивали «мирный характер» японских агрессивных актов, якобы имевших целью предотвратить социальную революцию в Азии, и желание Японии сохранить добрососедские отношения с Соединенными Штатами.

Так, осуществляя осенью 1940 г. нажим на Голландскую Индию, добиваясь права на разработку обширных нефтеносных районов на Борнео, Целебесе и других островах и фактически требуя от голландского правительства признать все эти районы сферой господства Японии, японская дипломатия уверяла американское правительство, что она «добывается от Голландской Индии только экономических уступок» [45, с. 187].

11 марта 1941 г. во время беседы с Ф. Рузвельтом японский посол адмирал К. Номура, стремясь побудить президента к уступкам, запугивал его предстоящей революцией, в случае если война затянется и перебросится на бассейн Тихого океана. «И страны-победители,— говорил Номура,— и страны побежденные, возможно, охватит социальная революция или события, близкие к революции. Об этом достаточно ясно свидетельствует прошлая мировая война» [57, т. 3, с. 206—207].

После занятия японскими войсками южной части Французского Индокитая К. Номура в ответ на экономические санкции США и других стран 6 августа 1941 г. сделал заявление в Вашингтоне о том, что оккупация Индокитая Японией будто бы носит «исключительно мирный и оборонительный характер», и предложил государственному секретарю США К. Хэллу возобно-

вить переговоры [227, с. 548]. На следующий день Номура передал Хэллу предложение об организации секретных переговоров между премьер-министром Ф. Коноэ и президентом Ф. Рузвельтом [227, с. 633].

В то же время после нападения фашистской Германии на Советский Союз внешнеполитическая деятельность японского правительства была направлена на подготовку благоприятных условий для непосредственного вступления Японии в «большую» войну.

Поскольку реализация военно-стратегических планов Японии в значительной степени зависела от успехов на советско-германском фронте ее союзников по фашистской «оси», кабинет Коноэ главным направлением своей внешней политики считал укрепление союза с государствами фашистского блока на основе тройственного пакта.

В беседе 24 июня 1941 г. с советским послом в Токио министр иностранных дел Мацуока прямо заявил, что «основой внешней политики Японии является тройственный пакт» [26, д. 275, л. 268].

Преследуя свои собственные цели, японское правительство было заинтересовано в укреплении военно-политического союза с Германией и Италией. Оно рассчитывало использовать их нападение на СССР для легкого захвата Советского Дальнего Востока и Сибири, а затем с помощью Германии добиться капитуляции Чан Кай-ши. Кабинет Коноэ надеялся, опять-таки используя влияние гитлеровского руководства на вишистское правительство, овладеть Южным Индокитаем и осуществить дальнейшие захватнические планы в Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана.

2 июля 1941 г. императорская конференция в соответствии с духом тройственного пакта приняла принципиальное решение не останавливаться перед войной с Советским Союзом, США и Великобританией для достижения цели создания «сферы процветания Великой Восточной Азии».

Перед японской дипломатией были поставлены следующие задачи: принять меры для маскировки подготовки нападения на СССР; попытаться дипломатическим путем предотвратить вступление Соединенных Штатов в войну; содействовать включению Индокитая, Таиланда и стран Южных морей в «сферу процветания»; прилагать усилия для «разрешения конфликта» в Китае [26, д. 275, л. 234; 57, т. 3, с. 379—381].

Ведя подготовку к войне против СССР, японская дипломатия сознательно стремилась ввести Советское правительство в заблуждение. Так, 25 июня 1941 г. советский посол в Токио во время беседы с министром иностранных дел задал ему вопрос: «Будет ли Япония соблюдать нейтралитет так же, как его соблюдает СССР в соответствии с пактом о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля с. г.?» Мацуока ответил, что его

позиция по этому вопросу была изложена в свое время (22 апреля 1941 г.) в его заявлении после возвращения из Европы. В этом заявлении Мацуока заверил, что японское правительство будет строго соблюдать пакт о нейтралитете [260, 23.IV.1941]. Однако документы свидетельствуют, что Мацуока сознательно обманывал Советское правительство. Германский посол в Токио генерал Отт сообщал Риббентропу 3 июля 1941 г.: «Мацуока пояснил, что японское заявление было сделано русскому послу в такой форме с тем, чтобы обмануть русских или оставить их в неведении, так как подготовка к войне еще не закончена. Сметания в настоящий момент не подозревает, что военные приготовления против Советского Союза, о чем свидетельствует полученное нами решение правительства, ведутся со все возрастающей скоростью» [26, д. 275, л. 272—273].

Японское правительство было уверено, что в условиях, когда оно проводит широкую подготовку к войне против Советского Союза, Соединенные Штаты не вступят в войну с Японией³ и, более того, не предпримут решительных действий в ответ на оккупацию ею Южного Индокитая.

Начальник генерального штаба Сугияма заявил на императорской конференции 22 июля: «Так как военная обстановка благоприятна для Германии, я не думаю, что Соединенные Штаты вступят в войну, если Япония оккупирует Южный Индокитай» [214, с. 88]. Поэтому дипломатические переговоры Японии с Соединенными Штатами в июне — июле 1941 г., когда острие японской агрессии было нацелено против Советского Союза, а оккупация Южного Индокитая рассматривалась как операция по обеспечению тыла японских вооруженных сил, имели целью убедить американское правительство в том, что Япония, оккупируя Индокитай, не намерена нарушать интересы США.

Когда же японское руководство приняло решение отложить нападение на СССР и нанести первый удар по США и Великобритании, оно еще более активизировало свою деятельность, убеждая американское правительство в своем «миролюбии» и стремясь выторговать разного рода уступки [227, с. 608—609]. 6 сентября Номура вручил Хэллу предложения японского правительства, смысл которых сводился к попытке получить согласие США на удержание оккупированных Японией территорий и «мирный» захват колоний в юго-западной части Тихого океана [227, с. 608—609].

22 сентября 1941 г. министерство иностранных дел Японии вручило американскому послу в Токио «Основные положения» договора, который японское правительство намеревалось заключить с Китаем. Целью этого договора было превращение всего Китая в японскую колонию и вытеснение оттуда США [227, с. 633].

После прихода к власти генерала Тодзио, взявшего курс на скорейшее развязывание войны на Тихом океане, переговоры

с Соединенными Штатами не прекратились. Посол Номура получил два варианта японских предложений, которые мало чем отличались от предыдущих. Один из них, вариант «А» — для немедленного вручения американскому правительству, другой, вариант «Б» — в случае отклонения первого. 17 ноября 1941 г. в Вашингтон прибыл второй японский посол, Курусу, в качестве свидетельства «мирных» намерений Японии. Для ведения переговоров с правительством США Япония намеренно использовала деятелей, известных своими проамериканскими настроениями. Так, Гитлер впоследствии говорил своим приближенным: «Осима объяснил мне, что для обмана американцев японцы направили Номура и Курусу, так как было известно, что они всегда стояли за достижение взаимопонимания с Соединенными Штатами» [212, с. 117].

Таким образом, под прикрытием дымовой завесы дипломатической активности, якобы имевшей целью соблюдение заключенных договоров и поиски взаимоприемлемого решения спорных вопросов, вооруженные силы Японии вели интенсивную подготовку к войне против СССР, США и Великобритании.

Фашизация Японии усилила милитаризацию идеологии и распространение ее среди населения метрополии и захваченных территорий. Главное внимание уделялось обоснованию «необходимости» ведения «большой» войны якобы во имя процветания японцев и других народов Азии. Японские проповедники милитаризма использовали для целей своей агрессивной политики получившие широкое распространение идеи «хакко ити у» и «кодо».

Понятие «хакко ити у» («Восемь углов под одной крышей»), т. е. объединение всех «углов» мира в одну «семью», взято из древней японской рукописи «Нихонсёки», где оно выдавалось за высказывание мифического императора Дзимму, который, как гласит предание, правил Японией в 660 г. до н. э. В своем традиционном значении оно означало всеобщий принцип гуманности, который, как предполагалось, в конце концов распространится на весь мир [26, д. 482, л. 99]. Однако в период Токугава это изречение стало толковаться как идея господства Японии над всем миром [75, с. 212; 158, с. 122].

«Кодо» является сокращением старинной фразы, которая буквально обозначала «единство императорского пути». В эпоху феодализма считалось, что идея «хакко ити у» должна быть осуществлена в результате правления императора. Принцип «хакко ити у» в трактовке идеологов феодализма являлся целью, а преданность императору была тем путем, который вел к ней [26, д. 482, л. 99].

Эти две идеи были снова связаны с императорской династией в период незавершенной буржуазной революции 1868 г. Император Мэйдзи провозгласил их в рескрипте, обнародованном в 1871 г. Они интерпретировались вначале правящими кру-

гами как призыв к патриотизму японского народа. Однако в 20—30-х годах XX в. японские милитаристы призывали к территориальной экспансии во имя этих двух принципов, и постепенно понятия «хакко ити у» и «кодо» «в конце концов стали символами мирового господства, осуществляемого при помощи военной силы» [26, д. 482, л. 100].

Так как СССР и коммунистическое движение рассматривались японскими правящими кругами в качестве главного препятствия в деле реализации их агрессивных планов на континенте, то понятия «хакко ити у» и «кодо» имели также антисоветскую и антикоммунистическую направленность.

Понятие «кодо» часто связывалось милитаристами с термином «национальная оборона», под которой подразумевался захват чужих территорий. «Национальная оборона,— заявлял военный министр Араки,— не ограничивается обороной самой Японии, но включает также оборону, „пути, по которому идет страна“, а именно „кодо“» [26, д. 482, л. 118]. Следовательно, Араки ясно показал, что «национальная оборона» означала завоевание других стран, а «кодо» является путем агрессии. Что касается «хакко ити у», то этот принцип все более приобретал смысл господства Японии в Восточной Азии и бассейне Тихого океана.

Широкое распространение в милитаристской пропаганде получило выражение «жизненная линия» Японии. Когда японские милитаристы решались на захват какой-либо территории, они провозглашали, что именно там протекает «жизненная линия» Японии, т. е. линия, от которой зависит жизнь и смерть японского народа. «Военщина всегда стремилась оправдать свои агрессивные военные авантюры,— свидетельствует Приговор Международного военного трибунала для Дальнего Востока,— претендуя на то, что они были оборонительными. Именно в этом смысле Маньчжурия рассматривалась как „жизненная линия“ Японии» [26, д. 482, л. 820].

Большое место в милитаристской пропаганде занимали идеи паназиатизма. В метрополии и на территориях, намеченных японскими правящими кругами в качестве объекта агрессии, широко пропагандировалась «великая миссия» Японии по освобождению цветных народов от гнета белых, по установлению на Востоке благоденствия, по укреплению там «вечного мира» [50, с. 4—7]. Конкретным выражением идей паназиатизма явился лозунг о создании «сферы совместного процветания (или сопроцветания) стран Великой Восточной Азии», впервые провозглашенный японским министром иностранных дел Мацуока 1 августа 1940 г. [173, т. 3, с. 318].

Правительственные органы пропаганды изображали «сферу сопроцветания» в качестве союза «независимых» государств Восточной Азии, который будет создан после изгнания (с помощью Японии) белых колонизаторов [107, с. 207]. На самом

деле речь шла о японской колониальной империи, в состав которой, по замыслу японской военщины, должны были войти оккупированные японскими войсками территории, где власть будет принадлежать (по типу Маньчжоу-Го) марионеточным правительствам, действующим целиком в интересах и по указке дзайбацу и гумбацу.

Военные круги Японии стремились также пропагандировать в модернизированном виде кодекс самураев «бусидо». Главными принципами «бусидо» провозглашались: преданность императору и своему хозяину (командиру), храбрость, презрение к смерти, скромность в быту (умение довольствоваться малым).

В распространении милитаристских идей принимали активное участие органы государственной пропаганды, пресса, кино, многочисленные милитаристские организации, школы, высшие учебные заведения, религиозные храмы.

Правящие круги Японии в 1939—1941 гг. приняли ряд дополнительных мер с целью усиления милитаристской пропаганды.

В марте 1939 г. по указанию министерства культуры было введено военное обучение в высших учебных заведениях, а в мае того же года — в начальных школах. Пяти-шестилетние мальчики стали изучать «бусидо» [173, т. 3, с. 353].

С 1 сентября 1939 г. (в этот день началась вторая мировая война) в Японии первое число каждого месяца было объявлено «днем служения процветанию Азии». В этот день особенно широко пропагандировались идеи панasiatизма [57, т. 2, с. 25].

С апреля 1939 г. власти стали уделять первостепенное внимание военизации кино [173, т. 3, с. 354]. Правительственные органы издали целый ряд распоряжений, требовавших от кинокомпаний: не подрывать воинскую дисциплину, не высмеивать армию; не изображать в преувеличенно мрачных тонах военные действия; не притуплять боевой дух народа, не подрывать моральное состояние мобилизованных и их семей; избегать развлекательных и упадочнических фильмов [171, т. 1, с. 148].

Фильмы, поставленные в соответствии с инструкциями властей, активно пропагандировали японскую агрессию против китайского народа. Они выходили обычно с начальными титрами: «Сплотим нашу страну», «Защитим наш тыл» и т. д. [42, с. 22].

В том же году в Японии была широко развернута подготовка к празднованию 2600-летия основания государства («Кигэн-сэцу»), которое состоялось 11 февраля 1940 г. К этой дате было выпущено много верноподданических статей и книг, в которых представители официальной японской исторической науки, признавая существование нескольких сильных родов (удзи) в VII в. до н. э., давали совершенно извращенную картину присутствия наряду с ними единого «императорского дома», якобы непрерывно и безраздельно правившего Японией с 660 г. до н. э. Одновременно была развернута травля тех историков, которые

трактовали древнюю историю не в соответствии с официальной точкой зрения, например известного ученого Цуда Сокити, который в ряде своих трудов, в частности таких, как «Исследование эры богов», «Исследование древней истории Японии», «Исследование „Кодзики“ и „Нихонсёки“», «Идеология и общество древней Японии» [57, т. 3, с. 344], на основании изучения конкретного материала опровергал официальную точку зрения о существовании императорского дома с 660 г. до н. э. и показал, что все якобы «точные» данные о жизни первых императоров сочинены гораздо позднее.

Журнал монархического направления «Бэнри нихон» в специальном номере, вышедшем в декабре 1939 г., предпринял попытку полностью опровергнуть выводы профессора Цуда. Статьи историков-монархистов были снабжены кричащими заголовками: «Беспрецедентный случай в научных кругах накануне празднования 2600-летия императорского дома!», «Преступные идеи г-на Цуда Сокити!» Полиция обвинила ученого в нарушении закона о печати [57, т. 3, с. 344].

Осенью 1940 г. под руководством Ассоциации помощи трону было проведено объединение интеллигенции в различного рода общества «служения отечеству». К концу 1941 г. писатели и журналисты, художники и артисты были вынуждены вступить в общества «служения отечеству», которые строго регламентировали их творческую деятельность [217, с. 191].

В конце 1940 г. был сделан новый шаг по пути дальнейшей милитаризации духовной жизни японского народа. Было создано Управление информации при Совете министров на базе бюро информации и отделов информации министерств: армии, военно-морского флота, внутренних дел и иностранных дел. Оно было укомплектовано большим числом офицеров армии и флота и чиновников других министерств и получило большую самостоятельность [173, т. 3, с. 356], взяв в свои руки руководство идеологической обработкой населения. Ежемесячно Управление созывало совещания руководителей издательств, которые проходили в присутствии армейских и морских офицеров и чиновников службы информации. Руководители издательств информировались на этих совещаниях о военной обстановке и получали указания о направлении их деятельности. Была введена система предварительного представления рукописей, подлежащих сдаче в печать [57, т. 3, с. 233].

Заметную роль в распространении милитаристских идей сыграла так называемая репортажная литература — репортажи наиболее известных писателей, направленных на фронт Управлением информации. Эта литература на протяжении всей войны пропагандировала агрессию [57, т. 3, с. 256—257].

Военщина применяла изощренные методы в идеологической обработке японского населения, уделяя большое внимание демоagogической пропаганде, способствующей культивированию ми-

литаристских идей. Используя чувства верующих японцев, которые считали императора божеством, она сделала «тэнно» знаменем агрессии, провозгласив лозунги: «Император за народ, а народ за императора!», «Сто миллионов — одно сердце!» Буржуазная пропаганда усыпляла классовое сознание народа, называя рабочих «бойцами производства», а семьи, у которых мужчина ушел воевать, — «домами славы» [57, т. 3, с. 256—257].

Ведя подготовку к агрессии против СССР, США и Великобритании, японские правящие круги стремились убедить народ своей страны в вынужденном, справедливом характере предстоящей войны. Органы пропаганды изображали Советский Союз агрессором, стремящимся поработить народ Китая, в первую очередь Маньчжурии, и захватить Японию [241, № 3, с. 47—57; 244, 1969, № 7, с. 87]. США и Великобритания также обвинялись в подготовке агрессии против Японии, а шаги американского и английского правительств по введению некоторых ограничений на торговлю с Японией изображались как попытка задуть японскую нацию путем организации экономической блокады. После оккупации японскими войсками северной части Французского Индокитая, когда в США были установлены некоторые ограничения на экспорт в Японию стратегических материалов, японские газеты писали, что «состояние экономической войны уже имеет место на Тихом океане» [288, 27.X.1940]. Летом 1941 г., после объявления Соединенными Штатами эмбарго на экспорт нефти в Японию, «японские газеты с таким отчаянием убеждали своих читателей, что Японию „окружают“, как будто петля голода уже затягивалась на шеях редакторов», хотя эмбарго не прекращало, а лишь ограничивало американо-японскую торговлю [137, с. 112].

Осенью 1941 г. выступления японских государственных и политических деятелей приняли провокационно-истерический характер. Так, депутат Симада Тосио, выступая на 77-й сессии японского парламента, заявлял, что «Япония является объектом невидимого воздушного налета», США и Англия «не перестают издеваться над Японией», «даже над Буддой нельзя смеяться больше трех раз». Далее Симада сказал: «Раковая опухоль на Тихом океане находится в умах высокомерных американских лидеров, которые стремятся к мировому господству». Он утверждал, что для борьбы с раком необходим «большой нож», и вопрошал: «Когда же правительство разрешит нации взять скальпель?» [137, с. 112].

В конце ноября 1941 г. члены японского правительства выступили с резкими нападками на США и Англию, а пресса стала публиковать статьи об «антияпонской» политике этих стран [109, с. 523].

Таким образом, в результате фашизации Японии, в основном завершившейся после введения так называемой новой политической структуры военщина (являющаяся важнейшей частью

государственного аппарата) приобрела огромную власть, которая была использована для ускорения милитаризации всей общественной жизни страны с целью усиления средств вооруженного насилия, и в первую очередь вооруженных сил, в предвидении вступления Японии в «большую» войну.

*Подготовка к войне армии, флота
и других средств вооруженного насилия*

В 1939—1941 гг. вооруженные силы, полиция и различного рода милитаристские организации получили в соответствии с военной доктриной и стратегией Японии дальнейшее развитие.

Военно-политическое руководство Японии, планируя агрессию на континенте и Тихом океане, принимало меры по увеличению мощи армии и военно-морских сил. Численность вооруженных сил была увеличена с 1420 тыс. в 1939 г. до 2421 тыс. в 1941 г., т. е. более чем на 1 млн. человек [142, т. 31, с. 639; 184, с. 185].

Особенно интенсивно росла в эти годы численность сухопутных войск, о чем свидетельствуют следующие данные [184, с. 185; 142, т. 31, с. 185]:

	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Сухопутные войска . .	1 196 000	1 290 000	2 025 000
ВВС сухопутных войск	44 000	60 000	85 500
Всего . . .	1 240 000	1 350 000	2 110 500

Таким образом, только за 1941 г. численность сухопутных войск Японии выросла на 760 тыс. человек, или на 37,5%.

Число дивизий в составе сухопутных войск, дислоцированных как в Японии, так и за ее пределами, за те же годы выросло незначительно [184, с. 185]:

Район дислокации	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Япония, Корея	7	11	11
Маньчжурия	9	12	13
Китай	25	27	27
Всего . . .	41	50	51

Из приведенных данных видно, что с 1939 по 1941 г. количество дивизий в сухопутных войсках увеличилось всего лишь на 10 единиц. В то же время численность личного состава армии возросла на 829 тыс. человек. Это объясняется тем, что большинство призванных в сухопутные войска направлялись не вновь формируемые дивизии, а на увеличение штатов сущест-

вующих, создание усиленных дивизий типов «А» и «А-1». Ниже приводятся данные о численности и вооружении пехотных дивизий Японии усиленного и обычного состава [26, д. 275, л. 99]:

Количество	Обычная дивизия	Усиленная дивизия типа «А»	Усиленная дивизия типа «А-1»
Солдат и офицеров . . .	13 000—16 000	24 600	29 400
Орудий . . .	75	102	148
Танков	—	7	81

Таким образом, усиленные дивизии были примерно в два раза сильнее дивизий обычного состава.

Усиленные пехотные дивизии были сосредоточены в Маньчжурии [26, д. 275, л. 102], где, кроме того, были дислоцированы 24 бригады из 58 бригад, имевшихся на декабрь 1941 г. в сухопутных войсках [184, с. 194—195].

Число боевых эскадрилий в сухопутных войсках в 1939—1941 гг. увеличилось с 91 до 150 [184, с. 184].

Летом 1941 г., после нападения Германии на Советский Союз, японское командование, склоняясь к нанесению первоначального удара против СССР, особенно активно осуществляло меры по усилению Квантунской армии, а также по переброске военных грузов из Японии в Маньчжурию и Корею.

1 июля 1941 г. под видом учебных сборов для приписного состава началась дополнительная мобилизация 100 тыс. человек; 5 июля был отдан приказ о сформировании Объединенного штаба противовоздушной обороны метрополии; 7 июля император санкционировал секретную мобилизацию 500 тыс. человек и судов общим водоизмещением 800 тыс. т для перевозки военных грузов в Маньчжурию [142, т. 33, с. 460]. К 13 июля было сформировано для отправки на пополнение Квантунской армии примерно 300 частей и подразделений первой очереди [164, с. 163]. 22 июля начались переброска и сосредоточение войск у советской границы. Только через пункты на территории Кореи в день проходило до 10 тыс. солдат и офицеров [164, с. 164]. К осени численность Квантунской армии возросла вдвое и составила 700 тыс. солдат и офицеров [184, с. 85].

На вооружение армии в основном поступали новые образцы оружия: легкий пулемет типа «99» (1939 г.), 20-мм автоматическая пушка (120 выстрелов в минуту) типа «98» (1938 г.), 20-мм противотанковое ружье, 25-мм трехствольная автоматическая пушка типа «96» (1936 г.), 47-мм противотанковая пушка типа «1» (1941 г.), 75-мм полевая пушка типа «95» (1935 г.), 105-мм полевая пушка типа «92» (1932 г.), 150-мм гаубица типа «96» (1936 г.), танкетки типа «2597» (1937 г.), легкие танки типа «2595» (1935 г.), средние танки типа «2597» (1937 г.) [213, с. 64—107].

В 1939—1941 гг. происходит быстрое усиление мощи воен-

но-морских сил Японии за счет ввода в строй новых боевых кораблей, модернизации и ремонта существующих, формируются новые соединения и части флота, береговой обороны и морской пехоты. В эти годы флот получил около 100 боевых кораблей и более 5,8 тыс. самолетов [174, с. 278—279], что дало возможность 15 ноября 1940 г. развернуть 6-й подводный флот, с 15 января по 31 марта 1941 г.—11-й воздушный флот, 10 апреля—3-й флот и 1-й воздушный флот, 10 апреля—3-й флот и 1-й охранный район о-ва Хайнань, 31 июля 1941 г.—Южный экспедиционный флот, а также создать несколько сторожевых отрядов, отрядов береговой обороны, авиаотрядов и других соединений и частей флота. Кроме того, к 1 декабря 1941 г. были мобилизованы торговые суда общим водоизмещением 1810 тыс. т [184, с. 198—200].

Особое внимание обращалось на увеличение корабельного состава, предназначенного для активных боевых действий вдали от метрополии (табл. 7). Для этого помимо выпуска новых боевых судов производилась модернизация старых (увеличение мощности двигателей и скорости хода, установка орудий новой конструкции и т. д.).

Таблица 7

*Распределение японских боевых кораблей по назначению, апрель и сентябрь 1940 г. **

Класс кораблей	Апрель 1940 г.				Сентябрь 1940 г.			
	силы нападения	силы охраны	силы под-держки	всего	силы нападения	силы охраны	силы под-держки	всего
Линкоры	6	2	2	10	6	2	2	10
Авианосцы	3	3	—	6	4	2	—	6
Тяжелые крейсера	9	5	4	18	14	—	4	18
Легкие крейсера	4	7	6	17	7	6	6	19
Эсминцы	48	26	23	97	61	16	23	100
Подводные лодки	19	20	14	53	24	16	14	54
Всего	89	63	49	201	116	42	49	207

* [142, т. 31, с. 794].

Данные табл. 7 свидетельствуют, что только за пять месяцев 1940 г. японский флот пополнился шестью боевыми кораблями основных классов: двумя легкими крейсерами, тремя эсминцами и одной подводной лодкой. В то же время состав кораблей, предназначенных для использования в боевых действиях вдали от метрополии (силы нападения), увеличился еще более значительно — на 27 единиц, в том числе на 1 авианосец,

5 тяжелых крейсеров, 3 легких крейсера, 13 эсминцев и 5 подводных лодок.

Все это привело к определенному изменению соотношения сил на море между Японией и США (табл. 8).

Таблица 8

Соотношение военно-морских сил Японии и США, конец 1941 г. *

Класс кораблей	Япония		США	
	количество	водоизмещение, тыс. т	количество	водоизмещение, тыс. т
Линкоры	11	336	17	534
Авианосцы	9	149	7	155
Крейсера	35	240	37	330
Эсминцы	112	116	180	247
Подводные лодки . .	65	99	109	111
Всего . . .	232	940	350	1377

* [142, т. 31, с. 832].

Соотношение сил, приведенное в табл. 8, следует считать с учетом того, что Соединенные Штаты базировали на Тихом океане примерно половину кораблей своего флота.

Так, к декабрю 1941 г. они имели на Тихом океане 9 линкоров, 3 авианосца, 24 крейсера, 80 эсминцев и 56 подводных лодок, а всего союзный флот мог противопоставить японцам 11 линкоров, 3 авианосца, 35 крейсеров, 100 эсминцев, 69 подводных лодок [58, т. 4, с. 258].

Военно-воздушные силы Японии к декабрю 1941 г. имели 6946 военных самолетов, в том числе 3740 боевых. В первую линию, т. е. для боевых действий армии и флота, было выделено 2600 новых самолетов, из которых 2275 — для действий против вооруженных сил США, Великобритании и Голландской Индии в бассейне Тихого океана [141, т. 1, с. 204; 184, с. 201].

Таким образом, примерно половина ВВС Японии приходилась на ее военно-морские силы, что давало им заметный перевес над авиацией союзников в районе развертывания военных действий. Так, японцы имели 575 самолетов на авианосцах против 220 самолетов союзников и 1700 самолетов базовой и армейской авиации против 1300 аналогичных самолетов союзников [58, т. 4, с. 258]. Состав морской авиации к началу войны виден из следующих данных [184, с. 201]:

Истребители	519
Палубные бомбардировщики	257
Базовые разведчики	24
Базовые штурмовики	445
Разведчики (поплавковые)	415
Летающие лодки	66
Легкие транспортные самолеты	38
Учебные самолеты всех видов	928

Всего . . . 3203

Для обслуживания 3203 самолетов флота имелось 6152 членов экипажей, в том числе для действий с авианосцев и других кораблей 675 человек [142, т. 31, с. 673, 677]. Ежегодный выпуск летчиков для флота составлял в 1940—1941 гг. примерно 150 человек в год. Всего в 1939 г. было подготовлено 1430 членов экипажей, в 1940 г.—1863, в 1941 г.—2740 [142, т. 31, с. 673, 677].

Японское командование расширяло также специальные формирования различного типа, в частности предназначенные для бактериологической войны. В Маньчжурии согласно приказу командующего Квантунской армией генерала Умэдзу от 2 декабря 1940 г. было организовано четыре новых филиала так называемого отряда № 731 [81, с. 9].

Пока не выявился успех ни одной из воюющих сторон в Европе, военно-политическое руководство принимало меры для ускорения подготовки страны к войне. Ставка уделяла серьезное внимание разработке стратегических планов для дальнейшего ведения войны против Китая, предполагаемой войны против СССР, захвата колоний США, Великобритании и Голландии.

Замысел Ставки в начале осени 1939 г. на дальнейшее ведение войны против Китая состоял в том, чтобы, используя внешнеполитические маневры правительства, в результате проведения нескольких наступательных операций разгромить китайские вооруженные силы. Предусматривалось двумя ударами из Центрального Китая на юг (в направлении г. Чанша) и на юго-запад (из района г. Наньчан), а также путем встречного наступления на север из района Гуанчжоу (Кантон) соединить Центральный флот с группировкой на юге Китая и захватить Южный Китай. Кроме того, намечалось предпринять наступление в направлении столицы — Чунцина, захватив в качестве ближайшей задачи г. Учан; овладеть плацдармом на юге Китая, примыкающим к границе с Французским Индокитаем; разгромить войска Пограничного (Особого) района [58, т. 3, с. 174—176].

После поражения Франции и заключения военного союза Японии с Германией и Италией Ставка приступила к разработке наступательных стратегических планов с целью захвата территорий Советского Союза, колоний Соединенных Штатов, Великобритании и Голландии.

В конце 1940 г. был отдан приказ о составлении плана войны против СССР под кодовым названием «Кан-Току-Эн»⁴ [164, с. 153]. Этот план, так же как и планы войны против США и Великобритании, составлялся секциями армии и флота Ставки на основе ежегодных оперативно-стратегических и мобилизационных планов [142, т. 24, с. 34].

Операции против США, Великобритании и Голландской Индии были разработаны Ставкой к марту 1941 г., план войны против СССР — к июню [142, т. 24, с. 34; 164, с. 155].

14 июня 1941 г. секция армии Ставки разработала общий проект плана подготовки в случае нападения Германии на СССР под названием «Меры государственной обороны в соответствии с изменением обстановки», предусматривавший ускорение всесторонней подготовки Японии к войне в двух направлениях: против СССР — на севере и против США и Великобритании — на юге. Очередность нападения ставилась в проекте плана в зависимости от наличия благоприятных для этого обстоятельств [164, с. 155]. 20—22 июня в Ставке состоялось обсуждение проекта на заседании секций армии и флота, и 23 июня он был одобрен. На следующий день на основе данного проекта Ставка разработала Программу, принятую в конце июня Советом по координации действий Ставки и правительства [173, т. 4, с. 84].

После нападения фашистской Германии на Советский Союз ряд военных деятелей Японии предлагал нанести первоначальный удар по СССР. Например, член Высшего военного совета принц Асака, выступая на заседании Совета по координации действий Ставки и правительства, спросил: «Что первое? Север или юг?» — и сам же ответил: «Я думаю, что будет лучше пойти вначале на север» [214, с. 71—72].

В ответ на это и другие подобные заявления военный министр Тодзио, начальники генеральных штабов армии и флота Сугияма и Нагано на заседаниях 30 июня и 1 июля подчеркнули, что для подготовки к нападению на Советский Союз необходимо усилить Квантунскую армию, «решить китайский вопрос» (т. е. добиться капитуляции Китая), а также оккупировать Южный Индокитай с целью укрепления японских позиций на случай вступления в войну США и Великобритании после начала агрессии Японии против СССР [214, с. 71—76].

В результате обсуждения этого вопроса 1 июля 1941 г. Совет по координации принял решение сообщить германскому правительству, что «японская армия действительно готовится к действиям в Маньчжурии» [214, с. 75].

2 июля 1941 г. императорская конференция постановила: «Если германо-советская война будет развиваться благоприятно для нашей империи, она, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему» [26, д. 275, л. 34]. Было принято решение усилить приготовления к войне против Советского

Союза, принять меры для ускорения капитуляции Китая, оккупировать Южный Индокитай.

В первые недели агрессии Германии против СССР, когда наступление немецко-фашистских войск развивалось успешно, японское правительство и Ставка склонялись к первоочередной агрессии против Советского Союза. 5 июля 1941 г. военный министр Тодзио утвердил план «Кан-Току-Эн» [172, т. 5, с. 320]. В соответствии с этим планом была проведена секретная мобилизация, переброска войск, оружия и боевой техники в Маньчжурию. Генеральный штаб армии спланировал начать военные действия против Советского Союза 29 августа 1941 г. [172, т. 5, с. 319].

Замысел японского командования состоял в том, чтобы внезапным налетом военно-воздушных сил уничтожить советские авиационные базы на Дальнем Востоке и, завоевав господство в воздухе, нанести главный удар в районе Приморья, выйти в тыл Владивостоку, а затем во взаимодействии с флотом захватить его.

В последующем намечалось овладеть Хабаровском, Благовещенском и другими городами и районами Дальнего Востока. В это время специальные группировки армии и флота Японии должны были захватить Северный Сахалин и Камчатку [142, т. 20, с. 14—15, 155; 164, с. 3, 164].

Японское командование регулярно информировало фашистское руководство Германии о своих военных приготовлениях. 5 июля в Берлине была получена телеграмма из германского посольства в Токио:

«Военный атташе сообщает свои впечатления, которые он вынес из беседы с японским генеральным штабом. Японская армия усердно готовится, все более скрывая это:

1. К занятию Сайгона в недалеком будущем. Занятие Сайгона должно явиться предпосылкой для возможного дальнейшего наступления на юг, но для этого еще нет надежных точек опоры.

2. К неожиданному, но неопрометчивому открытию военных действий против России, первая цель которых — захват областей на побережье» [26, д. 275, л. 34].

Во второй декаде июля 1941 г., когда Квантунская армия была усилена за счет секретной мобилизации 300 тыс. резервистов, а наступление немецко-фашистских войск продолжалось, в генеральном штабе армии стали подыскивать предлог для начала военных действий против СССР [172, т. 5, с. 322]. 16 июля 1941 г. начальники отделов генерального штаба армии на совещании выразили мнение о необходимости принятия политического решения о начале войны против СССР [172, т. 5, с. 323].

Однако в связи с замедлением наступления вермахта на советско-германском фронте в военных кругах Японии стало

распространяться мнение о необходимости отложить нападение на СССР.

22 июля 1941 г. в секретном дневнике войны генерального штаба армии появляется запись: «Прошел один месяц после начала германо-советской войны. Операции германской армии протекали в благоприятных условиях, но сила и гибкость Советской власти вопреки ожиданию оказались большими. Советская дальневосточная армия не была переброшена на Запад. Похоже, что возможности завершения немцами операций и войны в ранее запланированные сроки уменьшились» [172, т. 5, с. 323]. В конце июля 1941 г. 5-й отдел генерального штаба армии, оценивая обстановку, сложившуюся после задержки наступления немецко-фашистских войск в районе Смоленска, сделал вывод: германо-советская война приняла затяжной характер [184, с. 87]. 9 августа 1941 г. императорская Ставка приняла решение «независимо от того, в какой мере германо-советская война затянется, на период 1941 г. отказаться от планов решения северной проблемы» [184, с. 87].

Главной причиной отказа японского высшего военно-политического руководства от нанесения первоначального удара против СССР явилась героическая борьба советского народа и его Вооруженных Сил, сорвавшая планы молниеносной войны гитлеровского руководства и сделавшая сомнительным успех японского нападения на Советский Союз. Существенное влияние на решение японского правительства и Ставки временно отказаться от нападения на СССР оказало и неблагоприятное для Японии соотношение вооруженных сил на Дальнем Востоке. Вопреки надеждам японского командования лишь небольшая часть советских войск была переброшена на Запад. В этом, несомненно, проявилась дальновидность советского верховного командования, которое в трудные месяцы оборонительных боев, когда враг рвался к Москве, оставило на Дальнем Востоке такие силы, которые не позволили японским милитаристам решиться на войну против СССР.

Вместе с тем существовали и другие факторы, оказавшие существенное влияние на принятие японским военно-политическим руководством решения перенести срок агрессии против Советского Союза на весну 1942 г. и начать наступление на юге.

Планируя войну против СССР, Ставка и правительство Японии рассчитывали использовать в боевых действиях против Советской Армии часть своих сил, находившихся в Северном и Центральном Китае. Имелось в виду «разрешить китайский инцидент», т. е. принудить Китай к заключению мира с Японией путем политического, дипломатического и военного давления, а высвободившиеся после этого войска использовать для пополнения Квантунской армии.

Обсуждая вопрос о первоначальном направлении агрессии, Совет по координации действий Ставки и правительства 25 ию-

ня 1941 г. постановил исходить при его решении из «обстановки в Китае, на Севере и на Юге» [214, с. 59]. 2 июля 1941 г. на императорской конференции была принята «Программа национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки», предусматривавшая «прилагать усилия к разрешению конфликта в Китае» [184, с. 83].

«Для ускорения падения режима Чан Кай-ши,— указывалось в „Программе“,— усилить давление со стороны Южных морей. В соответствии с изменением обстановки в нужный момент использовать право объявления войны чунцинскому режиму и конфисковать вражеские концессии в Китае» [184, с. 83; 214, с. 78].

Однако принятые в соответствии с этим решением меры японского правительства и Ставки не дали ожидаемых результатов. Потерпели провал карательные операции японских войск против партизанских баз Новой 4-й армии, подготовка японских войск к наступлению на г. Чанша проводилась медленно и не предвещала решающих успехов, так как летом 1941 г. основное внимание уделялось укреплению Квантунской армии и японская экспедиционная армия не получала необходимых ей подкреплений для решения поставленных перед нею задач. В таких условиях дипломатический нажим на Китай не мог принести успеха.

В июле 1941 г., концентрируя войска для этой цели, Япония оказала дипломатический нажим на вишистскую Францию. В ответ американское правительство объявило о распространении системы лицензий на экспорт нефти в Японию на штаты восточного побережья США. В ответ на оккупацию Японией южной части Индокитая правительство Рузвельта 25 июля 1941 г. ввело эмбарго на экспорт нефти в Японию и заморозило все японские активы в США. Так же поступили Великобритания и Голландия. Со своей стороны японское правительство сделало то же с активами этих стран [173, т. 4, с. 95—96].

1 августа 1941 г. вступил в силу американский запрет на вывоз в Японию всех важных стратегических материалов. Военно-политическое руководство Соединенных Штатов принимало также меры военного характера: филиппинская армия перешла в подчинение американского командования, а в Китай была направлена группа американских военных советников. Таким образом, «экономическая война» и военные меры сторон явились выражением дальнейшего обострения противоречий между Японией и США [58, т. 4, с. 244].

Важной причиной, повлиявшей на принятие решения захватить вначале колонии США, Великобритании и Голландии, было стремление японских правящих кругов овладеть богатыми природными ресурсами этих колоний. Известно, что на Голландскую Индию приходилось 78% мировой добычи каучука и 67% добычи олова. В 1940 г. здесь было добыто 9 млн. т нефти [58, т. 4, с. 242].

К началу октября 1941 г руководство сухопутных войск и военно-морского флота Японии пришло к единому мнению, которое нашло свое выражение в «Основных принципах ведения войны против США, Англии и Голландии». Этот документ, одобренный 15 ноября Советом по координации действий Ставки и правительства, состоял из следующих разделов:

1. Цели войны.
2. Политическое руководство войной.
3. Основные требования к руководству вооруженной борьбой.
4. Районы захвата силой оружия.
5. Основные принципы управления оккупированными территориями.
6. Основы ведения экономической войны.
7. Основы ведения психологической войны.
8. Основные принципы ведения дипломатической войны.
9. Перспективы завершения войны [122, с. 69—70].

Целью войны против Соединенных Штатов, Великобритании и Голландии было «обеспечение неограниченной самообороны Японии и установление нового порядка в Великой Восточной Азии», т. е. установление японского господства над колониями указанных государств [122, с. 69].

20 ноября 1941 г. на заседании Совета по координации действий Ставки и правительства были согласованы следующие мероприятия в оккупированных районах: установление военной администрации, восстановление «внутреннего порядка»; захват и удержание источников стратегического сырья; полное использование в интересах японских властей местных органов власти; строгий надзор за всеми общественными организациями; контроль со стороны оккупационных войск за важнейшими источниками стратегического сырья и обеспечение их использования; перевозка сырья в Японию под контролем армии и флота; контроль со стороны оккупационных войск за работой железнодорожного, морского и воздушного транспорта, портов, связи и т. д. [122, с. 70].

Принятый японскими правящими кругами курс на войну против Соединенных Штатов и Великобритании определил дальнейшее стратегическое планирование и развертывание вооруженных сил. Командование армии и флота Японии разрабатывало оперативные планы, создавало группировки сухопутных войск и флота для действий на избранных стратегических направлениях, вело подготовку личного состава к боевым действиям, накапливало запасы материальных средств для проведения операций [58, т. 4, с. 248].

В начальном периоде войны японское командование предусматривало завоевать господство в воздухе и на море, разгромить вооруженные силы США и Великобритании в западной части Тихого океана, в Юго-Восточной Азии и в районе Южных морей, захватить Филиппины, Малайю, Голландскую Индию,

Бирму, оккупировать Таиланд и овладеть рядом тихоокеанских островов. Продолжительность этого периода определялась ориентировочно в четыре-пять месяцев [142, т. 24, с. 35].

30 ноября 1941 г. состоялось заседание Совета по координации действий Ставки и правительства, который пришел к заключению, что для Японии формальное «объявление войны не является необходимым» [26, д. 482, л. 1022]. Окончательное решение о начале военных действий против Соединенных Штатов, Великобритании и Голландской Индии было принято 1 декабря. На следующий день Ставка отдала приказ, объявлявший 8 декабря (по токийскому времени) днем начала войны [184, с. 1032].

Готовясь к войне против СССР, США и Великобритании, японское командование уделяло большое внимание обучению вооруженных сил с учетом особенностей будущего театра военных действий.

Значительная часть сухопутных войск приобрела боевой опыт на китайском фронте и во время японских провокаций против СССР и МНР. В 1940—1941 гг. соединения армии проводили войсковые, командно-штабные и экспериментальные учения с конкретной отработкой вопросов по оперативно-тактической подготовке, соответствовавших предстоящим боевым действиям. Квантунская армия отрабатывала вопросы, связанные с предстоящим преодолением укрепленной полосы советских войск, больших рек и действий в тайге и в горах; войска Южной группы армий отрабатывали вопросы по высадке морских десантов и боевых действий на островах [122, с. 88—90].

В середине декабря 1940 г. в штабе Тайваньской армии был создан исследовательский отдел, который занимался изучением способов боевых действий различных родов войск, связанных с предстоящими операциями [122, с. 91]. В конце 1941 г. на Тайване состоялись экспериментальные учения, во время которых группа войск совершила марш на 1000 км по местности, похожей по рельефу, растительности и другим природным данным на районы, лежащие между южной частью Таиланда и Сингапуром [152, т. 1, с. 8—9].

Весной 1941 г. в районе о-ва Кюсю состоялись совместные учения армий и флота по отработке взаимодействия во время десантных операций под условным наименованием «Рёго рэнсю», в которых принимали участие 5-я пехотная дивизия, гвардия, 5-я авиагруппа и основные силы Объединенного флота [152, т. 1, с. 8—9].

Военно-морской флот с 15 ноября 1940 г. начал проведение специальных учений с учетом предстоящих боевых действий, которые завершились проведением в сентябре — октября 1941 г. командно-штабных игр, где был обобщен опыт предыдущих учений и уточнены действия флотов, в том числе удар японского ВМФ по американской базе Перл-Харбор [173, т. 4, с. 109—110].

Очень большое значение придавалось идеологической обработке военнослужащих, которые воспитывались в духе фанатичной верности императору и беспрекословного повиновения командирам. «Смерть за императора» считалась высшим проявлением патриотизма [58, т. 4, с. 247].

Японская молодежь подвергалась усиленной идеологической обработке задолго до призыва ее в армию. Школа, пресса, театры, кино, радио, многочисленные храмы и молельни (их в Японии примерно 250 тыс.) были использованы для усиленного шовинистического и милитаристского воспитания молодежи [126, с. 39—41]. Поэтому основная масса призывников поступала в вооруженные силы уже в значительной степени соответствующим образом обработанной в нужном правящим кругам Японии духе.

Идеологической обработке, полицейскому и классовому отбору в армию способствовала территориальная система комплектования. Вся страна была разделена на дивизионные округа, каждый округ — на полковые участки. Как правило, полк располагался в районе своего комплектования, что позволяло создавать тесную связь между командованием части, местными властями и милитаристскими организациями для совместного идеологического «воспитания» военнослужащих [99, с. 114—115]. Роль армии в таких условиях заключалась лишь в закреплении полученного призывником еще в гражданской жизни соответствующего идеологического «воспитания» и в приспособлении его к требованиям военной дисциплины.

Ответственность за «моральное воспитание» военнослужащих возлагалась на командиров всех степеней [145, с. 118—135].

В батальонах, полках, дивизиях, полевых армиях организаторами идеологической работы среди личного состава являлись сами командиры, при которых в качестве совещательных органов были созданы «комиссии по моральной подготовке». В их состав входили соответственно начальники штабов, офицеры нижестоящих подразделений, офицеры штаба и жандармерии [99, с. 140—141].

Основным содержанием «морального воспитания» была фанатичная тэнноистско-милитаристская идеология [30, с. 49]. Вся пропаганда, проводимая в армии, как правило, окрашивалась в религиозные тона. Догмат о божественном происхождении Японии и ее императора, догматы, культивирующие почитание предков и «обожествление» героев, являлись обязательными. Каждый религиозный культ имел свои дополнительные идеи для оправдания милитаризма, его источников и задач [139, с. 193]. Важное место в пропаганде занимали идеи паназиатизма, идеи о «великой миссии Японии по освобождению цветных народов от гнета белых колонизаторов» [50, с. 4—7].

Основной формой идеологической обработки являлись уроки по «моральному воспитанию» («сэйсин кёйку»), на которых

особое место отводилось изучению императорских указов, пропаганде монархической сущности японского государства, прославлению его внешней и внутренней политики, а также истории Японии, преподносимой как ряд военных побед. В подразделениях практиковались также ежедневные получасовые наставления командиров. В частях проводились лекции, доклады, организовывались выставки, демонстрировались кинофильмы, устраивались праздники: День армии, День флота (приуроченные к мукденской и цусимской победам), Дни частей, соединений, праздники, посвященные крупным победам. В эти дни проводились парады, богослужения, посещения частей лицами высокого официального положения [139, с. 193].

Командование требовало индивидуального подхода к солдатам. С этой целью командиры были обязаны изучать личные качества подчиненных, выявлять их взгляды, настроения, влияния, которым они подвергались со стороны [145, с. 149]. Командиры подразделений устанавливали связи с семьями своих подчиненных, как посредством переписки, так и непосредственно. По настоянию офицеров родители нередко посылали своим сыновьям реакционно-патриотические наставления, советы, наказания, а иногда и угрозы лишения наследства, прав [139, с. 194].

Наряду с усилением вооруженных сил происходило пополнение рядов полиции и военной жандармерии. После занятия генералом Тодзио поста военного министра в 1940 г. он создал главный штаб военной жандармерии. Была усилена и особая (политическая) полиция — «токко».

С осени 1940 г. начался процесс объединения под руководством Ассоциации помощи трону всех милитаристских, националистических организаций. 6 июля 1941 г. была образована Восточноазиатская лига великой Японии, в которую вошло 35 националистических организаций. 26 сентября 1941 г. все крупные женские организации Японии были слиты в Женское общество великой Японии, насчитывавшее 15 млн. человек. В течение 1941 г. крупнейшие реакционные молодежные организации, в частности Всеяпонский союз молодежи и Федерация молодежи императорского пути, также были поставлены под контроль Ассоциации, которой фактически руководило военное управление военного министерства. В конце 1941 г. был создан по образцу штурмовых отрядов нацистской Германии корпус совершеннолетних помощи трону [75, с. 151—152, 209, 211; 173, т. 4, с. 250—253].

В 1939—1941 гг. японское военно-политическое руководство принимало меры по усилению марионеточного милитаристского режима в Маньчжурии и созданию такого режима на оккупированной территории Северного и Центрального Китая. 30 марта 1940 г. японцы сформировали так называемое Центральное правительство Китая во главе с реакционным лидером гоминьдана Ван Цзин-вэем [92, с. 205].

На наш взгляд, в связи с существованием понятия «марионеточное государство» было бы уместно говорить о «марионеточном милитаризме». Еще К. Либкнехт обращал внимание на существование различных разновидностей милитаризма, в частности «колониального милитаризма» [8, с. 29—32]. Политика порабощения соседних стран, которую проводили правящие круги империалистической Японии в 30-х — первой половине 40-х годов, отличалась от традиционной колониальной политики, например британского империализма, не только еще большей жестокостью по отношению к участникам национально-освободительного движения, но и более изощренной демагогией и лицемерием. На основе реакционной панasiatской политики Японии, выразившейся в 40-х годах в создании «сферы совместного процветания Великой Восточной Азии», реализовалась идея предоставления формальной независимости странам Азии, которые на самом деле должны были являться японскими колониями. Первым таким государством было Маньчжоу-Го во главе с императором Пу И, которое рассматривалось как эталон для будущего «государственного» строительства в других странах, где создавались правительства, армии, полиция и другие органы власти и средства вооруженного насилия.

Созданный Японией марионеточный режим представлял собой систему экономических, политических и идеологических средств формально независимого государства, используемых в интересах империалистической Японии (а также эксплуататорских классов данной страны) для выполнения внутренней, а иногда и внешней функции, свойственных милитаризму.

В Маньчжурии были созданы марионеточные войска и полиция. В той части Китая, которая находилась под контролем марионеточного правительства Ван Цзин-вэя, — «национальная» армия, полиция, разведка и контрразведка, укомплектованные коллаборационистами, дезертировавшими и капитулировавшими гоминьдановскими генералами и офицерами. Вооруженные силы «правительства» Ван Цзин-вэя весной 1941 г. насчитывали уже свыше 350 тыс. человек [61, с. 382—383, 388].

В июле — сентябре 1941 г., по официальным данным, при помощи японского командования в Центральном Китае была сформирована марионеточная «национальная» армия в составе 39 пехотных дивизий (546 тыс. солдат и офицеров), имевших на вооружении помимо ручного огнестрельного оружия 736 орудий и эскадрилью учебных самолетов [106, с. 51].

С целью укрепления тыла и улучшения своего военно-стратегического положения для вступления в «большую» войну Япония начала в 1939 г. новый этап агрессии против Китая, особенность которого состояла в том, что военные действия проводились в условиях создания марионеточного государства во главе с Ван Цзин-вэем. С помощью этого «государства» японцы рассчитывали, прикрываясь расистской и антикоммунисти-

ческой демагогией, привлечь на свою сторону господствующие классы Китая и внести раскол в единый национальный фронт [61, с. 382].

В результате проведенных японцами операций им удалось захватить часть территории Южного Китая, граничащей с Французским Индокитаем, расширить плацдарм в районе Гуанчжоу (Кантон), овладеть г. Инчан и вплотную приблизиться к Пограничному (особому) району Китая [58, т. 3, карта № 11]. Весной 1941 г., используя блокаду Пограничного района гоминьдановцами, японская армия совместно с марионеточными войсками Ван Цзин-вэя развернула наступление на партизанские районы [61, с. 388].

Однако японское командование не смогло выполнить главную задачу — разгромить китайские войска и принудить Китай к капитуляции. 8-я, Новая 4-я армия и партизанские силы, находившиеся под руководством КПК, не были уничтожены, а лишь ослаблены; неудачей кончилось наступление японских войск и в Центральном Китае в направлении на г. Чанша и из района Наньчан на юго-запад [107, с. 169—183].

Японские милитаристы применяли против китайского народа варварские методы ведения войны, уничтожая мирное население. Особенно большие жертвы среди китайского населения принесли ожесточенные бомбардировки Чунцина, которые продолжались с мая по октябрь 1941 г. [58, т. 3, с. 176]. По приказу японского командования летом 1940 г. в район боевых действий в Центральный Китай была направлена специальная бактериологическая экспедиция во главе с начальником отряда № 731 генералом Исии, которая в районе Нимбо произвела с самолетов заражение китайской территории чумными блохами, в результате чего там вспыхнула эпидемия чумы. В 1941 г. была заражена чумой тем же способом китайская территория в районе г. Чандэ [81, с. 21, 23].

Выполняя свои планы окружения Китая с юга, Япония в сентябре 1940 г., используя навязанное правительству Виши с помощью Германии соглашение, фактически оккупировала северную часть Французского Индокитаю, а в конце июля 1941 г. — южную его часть [57, т. 3, с. 409—410].

Япония развернула широкую шпионско-диверсионную деятельность против Советского Союза. В течение 1939—1941 гг. пограничниками было задержано при переходе границы на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири 760 японских шпионов. Японская разведка осуществила переброску через границу Советского Союза 20 вооруженных банд для проведения диверсионно-террористической деятельности на Советском Дальнем Востоке. Японские войска 342 раза нарушали государственную границу СССР и 193 раза обстреливали советскую территорию, пограничников и суда. За это же время японские вооруженные силы и суда Японии 1124 раза нарушали границу Советского

Союза [26, д. 275, л. 173]. Заключив с Советским Союзом 13 апреля 1941 г. договор о нейтралитете, Япония продолжала обстрелы территории, переброску шпионов и диверсантов [26, д. 275, л. 173].

Японский милитаризм активно осуществлял также свою внутреннюю функцию в метрополии и на захваченных территориях.

В метрополии полиция жестоко подавляла политические и экономические движения трудящихся. Например, в период забастовки в Кобэ на верфях Кавасаки полиция подвергла допросам 20 тыс. рабочих, после чего 4 человека были расстреляны, а 24 — высланы и пропали без вести. Жестоко были подавлены также забастовки рабочих и служащих на предприятиях тяжелой промышленности в Цуруми и Йокогама осенью 1941 г. Многие забастовщики были арестованы и высланы из Японии на строительство военных укреплений в странах Азии. Аресту подвергались даже те лица, которые лишь подозревались в том, что они недовольны [75, с. 151, 175—176, 200]. В связи с наличием большого числа арестованных с 15 мая 1941 г. в Японии стали создаваться тюрьмы так называемого предварительного заключения [57, т. 3, с. 409].

«Поскольку концлагерей еще нет,— писал американский посол в Японии Грю,— полиция и жандармерия занимается избиванием всех тех, кто нарушает правила „новой структуры“, которые предусматривают экономию, порицают все виды развлечения... и, конечно, „опасные мысли“» [208, с. 327].

В Северо-Восточном Китае Квантунской армии и жандармерии совместно с марионеточными войсками удалось, хотя и с большим трудом, нанести поражение партизанским силам [61, с. 384].

Японское командование делило оккупированную территорию Китая на три категории: «спокойные районы», т. е. районы, оккупированные японскими войсками, «подготовленные районы», где имело место партизанское движение, и «неспокойные районы», контролируемые патриотическими силами, находящимися под руководством КПК.

В районах первой категории японские войска, жандармерия, марионеточная армия и полиция вели борьбу против антияпонских элементов; одновременно принимались меры по стимулированию прояпонских настроений, пропаганды идей паназиатизма. Здесь действовали также комитеты по поддержанию спокойствия, состоявшие в основном из помещиков и кулаков [57, т. 3, с. 172—173].

В отношении районов второй категории японская армия применяла политику кнута и пряника. Лицам, лояльно настроенным в отношении японцев, предоставлялась работа и выдавалось продовольствие. На население же, выступающее против японских оккупантов, обрушивались репрессии.

Против освобожденных районов японцы и марионеточные

войска применяли «политику трех лучей»: «все жги, всех убивай и все грабь» [57, т. 3, с. 173].

Начиная с 1940 г. в Северном Китае японское командование применяло в борьбе против патриотических сил тактику «железного кольца» или «тактику „тюрьмы“», о сущности которой американский журналист Джек Белден писал: «Тактика „тюрьмы“ предусматривала блокирование патриотических сил в небольшом районе; вклинивание в него перекрестными колоннами и уничтожение партизан, попавших в „камеры“» [57, т. 3, с. 171].

Во Французском Индокитае японские войска, действуя совместно с французами, подавляли начавшиеся в конце 1940 г. выступления патриотов и вспыхнувшие вслед за этим стихийные восстания в Баксоне, Намки и Дольонге, охватившие восемь провинций на севере страны [64, с. 16]. Тот факт, что освободительное движение вьетнамских трудящихся возглавляла Лига борьбы за независимость Вьетнама (Вьетмин), руководимая Коммунистической партией Индокитая, послужил причиной совместных действий японских милитаристов с западными колонизаторами, к борьбе с которыми они призывали народы Азии.

Таким образом, в 1939—1941 гг. правящие круги Японии, действуя в соответствии с положениями своей военной доктрины, укрепляли систему средств вооруженного насилия, повышали способность вооруженных сил и связанных с ними элементов выполнять внутреннюю и внешнюю функции милитаризма. Одновременно с помощью японских властей был усилен марионеточный милитаризм в Маньчжурии путем создания системы вооруженного насилия на оккупированной территории Китая. Внешняя функция японского милитаризма в этот период осуществлялась в виде продолжения войны против китайского народа, военных провокаций против СССР и фактической оккупации Французского Индокитая. Внутренняя функция — в виде подавления политических и экономических движений трудящихся Японии. Подавление движения патриотических сил стран, оккупированных японскими войсками, можно считать осуществлением внешней функции, которая по своим задачам и методам имела много общего с внутренней функцией.

ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ
В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ УСПЕХОВ
НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И В АЗИИ
(ДЕКАБРЬ 1941 г.— НОЯБРЬ 1942 г.)

7 декабря 1941 г. японские вооруженные силы вероломно, без объявления войны напали на основные базы США и Великобритании в бассейне Тихого океана и в Юго-Восточной Азии¹.

Война между Японией, с одной стороны, и США и Англией — с другой, являясь составной частью второй мировой войны, была результатом обострения империалистических противоречий между этими странами, вызванного усилением стремления японских правящих кругов к захвату колоний и установлению экономического и политического контроля над Китаем и другими странами бассейна Тихого океана. Японская агрессия была реализацией части замысла стран фашистского блока, предусматривавшего установление мирового господства [58, т. 4, с. 377].

Как уже отмечалось, японцы тщательно готовились к нападению на США и Великобританию. Еще в середине августа 1941 г., когда в Вашингтоне велись японо-американские переговоры, генеральные штабы армии и флота приняли совместный план ведения войны, в начальный период которой предусматривалось нанесение мощного удара по Перл-Харбору, военно-морской базе США на Гавайских о-вах, проведение операций по захвату Филиппин, Малайи и Сингапура, Голландской Индии и Бирмы.

Выбор Перл-Харбора в качестве объекта первого мощного удара определялся тем, что основная часть военно-морских сил Соединенных Штатов на Тихом океане была сосредоточена именно здесь (табл. 9).

Нанесение внезапного массированного удара авианосной авиацией по американским кораблям в Перл-Харборе планировалось с целью разгрома основных сил флота США на Тихом океане в первый же день войны и обеспечения японским вооруженным силам условий для быстрого наступления на всех направлениях без существенного противодействия со стороны противника [143, т. 1, с. 21—22].

Таблица 9

Сосредоточение ВМС США перед началом войны на Тихом океане *

Класс кораблей	Азия	Тихий океан			Атлан- тический океан	Всего кораб- лей
		Гавай- ские о-ва	Западное побережье США	Панам- ский канал		
Линкоры		8	1		8	17
Авианосцы	1	2	1	1	4	9
Тяжелые крейсера:						
класса «А»	1	10	2		6	19
класса «Б»		5			4	9
Легкие крейсера	1	3		2	2	8
Эсминцы	14	58	17	4	78	171
Подводные лодки	17	30	10	12	41	110
Всего . . .	34	116	31	19	143	343

* [142, т. 35, с. 118].

Планирование и отработка нападения на Перл-Харбор начались еще в 30-х годах. Для тренировок летчиков был избран один из небольших островов (Сиоку). Он был превращен в точную копию о-ва Оаху, где располагалась военно-морская база США, и на нем создан макет Перл-Харбора со всеми постройками. Во время тренировок по бомбометанию японский флот за 2 года потерял около 300 самолетов [137, с. 10]. Детальная разработка операции началась в январе 1941 г. [66, с. 18]. Для удара по Перл-Харбору было сформировано мощное авианосное соединение («отряд особого назначения»), в которое вошли 6 (из 10) наиболее быстроходных авианосцев, 2 линкора, 3 крейсера, 11 эсминцев, 3 подводные лодки [143, т. 1, с. 23]. Кроме того, был создан передовой отряд из 27 подводных лодок.

Создание соединения, предназначенного для проведения крупной операции по уничтожению главных сил флота противника, основу которого составляли авианосцы, было новым явлением в военно-морском искусстве.

Для того чтобы скрыть маршрут авианосного соединения к Гавайским о-вам, проходивший в северной части Тихого океана, японское командование провело ряд мероприятий по сохранению тайны и дезинформации, например дало указание получить для личного состава тропическое обмундирование [137, с. 29]. За месяц до начала войны командующий авианосным соединением адмирал Нагумо получил приказ сосредоточить «отряд особого назначения» в районе о-ва Итуруп (Курильские

о-ва) и пополнить запасы. 11 ноября начали развертывание к Гавайским о-вам подводные лодки передовых сил флота [142, т. 10, с. 292; 137, с. 29].

26 ноября авианосное соединение, соблюдая все меры скрытности, вышло в океан и направилось к Перл-Харбору через районы, редко посещаемые торговыми судами и расположенные за пределами радиуса действий американских патрульных самолетов. Во время перехода корабли соблюдали полное радиомолчание. Радиостанции японского флота, находившиеся во Внутреннем море, и частей базовой авиации на о-ве Кюсю вели ложный радиообмен, обозначая место нахождения авианосного соединения в водах метрополии [142, т. 10, с. 292; 137, с. 29].

Американцы не вели воздушную разведку к северу от Оаху, поэтому японское авианосное соединение смогло скрытно подойти к острову. В 6 часов 7 декабря 1941 г., когда соединение находилось от Перл-Харбора на расстоянии 230 миль, с авианосцев поднялись самолеты. В результате двух атак японская авиация уничтожила или вывела из строя 8 линкоров, 6 крейсеров, эсминец и 272 самолета [191, с. 423—424].

Вывод из строя восьми из имевшихся на Тихом океане девяти американских линкоров, а затем потопление японской базовой авиацией у берегов Малайи английского линкора «Принс оф Уэлс» и линейного крейсера «Рипалс» вызвало у американского и английского военно-политического руководства настроение, близкое к паническому, так как линейные корабли считались главной силой флота и без них не мыслилась успешная борьба с японским флотом, имевшим 10 линкоров и 10 авианосцев. Американский историк А. Хэтч следующим образом описывает встречу Ф. Рузвельта и У. Черчилля в декабре 1941 г., во время которой они обменялись мнениями о сложившейся в то время обстановке:

«Черчилль разложил перед Рузвельтом английские военные карты и заявил:

— От Сан-Франциско до Кейптауна или вокруг Индии к Адену 14 тыс. миль, а флота, способного вести борьбу с японскими военно-морскими силами, нет.

— Это правильно,— сказал мрачно президент.

— Более того,— продолжал Черчилль,— Гонконг падет в любой момент. Малайя накануне оккупации. Стремительность японского нападения превзошла все наши ожидания. Если Сингапур падет, за ним последуют голландские острова, возможно Австралия...

— Я знаю,— сказал Рузвельт,— Филиппины почти потеряны. Макартур отброшен на полуостров Батаан; Гуам и Уэйк захвачены японцами. Если они будут продолжать давить, мы не сможем удерживать Мидуэй. Сам Оаху находится под угрозой.

— Картина весьма мрачная,— продолжал Черчилль,— отчаянное положение и даже более...» [210, с. 298].

По-видимому, руководители США и Великобритании были едины во мнении, что потеря линкоров лишила союзный флот главной силы.

Впечатляющий психологический эффект первых ударов облегчил японским вооруженным силам дальнейшее выполнение активных агрессивных действий, в первую очередь проведение Филиппинской и Малайской наступательных операций.

Филиппинская операция явилась первой во второй мировой войне крупной операцией по овладению обширным архипелагом, проведенной совместно армией и флотом Японии. В ней проявилась решающая роль завоевания господства в воздухе и на море для достижения успеха высадки морских десантов и последующих действий сухопутных войск на островах. Японское командование сначала высаживало небольшие отряды для овладения аэродромами, затем перебазировало туда свои самолеты, после чего высаживало главные силы, которые вели боевые действия при поддержке авиации, действовавшей с захваченных аэродромов [58, т. 4, с. 390].

8 и 9 декабря 1941 г. японская авиация внезапными ударами вывела из строя большую часть американских самолетов на о-ве Лусон, затем передовые отряды 14-й японской армии при поддержке флота овладели районами Апарри и Виган. На располагавшиеся там аэродромы были перебазированы части 5-го авиационного соединения, имевшего 200 самолетов [184, с. 228, 241]. Одновременно на юге о-ва Лусон, в заливе Легаспи, высадился другой японский десант, а 22—24 декабря — главные силы 14-й армии, которые начали наступление на Манилу. Еще ранее японцы высадились на о-вах Минданао и Холо. Командование американского Азиатского флота (45 боевых кораблей основных классов) без поддержки авиации не решилось использовать против десантов надводные корабли. 130-тысячная американо-филиппинская группа войск [191, с. 432—433], оставшись без поддержки авиации и флота, отступила на п-ов Батаан, а затем — в крепость Коррехидор, которую японцы захватили 7 мая 1942 г., взяв в плен 12 тыс. солдат и офицеров [209, с. 108].

Ход операции показал эффективность почти одновременных действий десантов, высаженных в нескольких районах о-ва Лусон и на других островах архипелага, это вводило обороняющихся в заблуждение относительно направления главного удара. Наступление десантов с различных направлений вынуждало обороняющихся распылять свои усилия, создавало у них впечатление окружения, что отрицательно сказывалось на моральном духе американо-филиппинских войск. Задача японцев облегчалась тем, что филиппинские войска, которых насчитывалось 99 тыс. человек [191, с. 432—433], не проявляли особого желания воевать за интересы колонизаторов.

Малайская операция, проводившаяся одновременно с Филип-

пинской, характеризовалась высадкой японцами крупных морских десантов, завоеванием господства в воздухе и уничтожением флота англичан, быстрым развитием наступления сухопутных войск вдоль побережья. Уничтожение большей части английской авиации на земле, захват десантами аэродромов и перебазирование на них японских самолетов позволили агрессору закрепить свое господство в воздухе [58, т. 4, с. 392—393].

Первый десант был высажен японцами в ночь на 8 декабря 1941 г. в Малайе, в районе Кота-Бару, где три пояса укреплений обороняла 8-я бригада 9-й дивизии Британской Индии. Здесь японское командование успешно использовало солдат-добровольцев — «таи атари» («добровольно приносивших себя в жертву»). Немецкий историк Гарри Тюрк так описывает атаку японского десанта, впереди которого находились смертники: «Впереди бежали солдаты с белеющими на лбу хасимаки (белыми повязками.— А. С.). Они своими телами пролагали проходы в минных полях. То тут, то там вздымался огненный гриб взрыва, разрывая в клочья самоубийцу, но другой тут же занимал его место и бежал дальше, прокладывая путь войскам. Повсюду у амбразур, из которых вели лающий огонь пулеметы, появлялись белые хасимаки. Они бросались на амбразуры и закрывали их своими телами, а другие солдаты взрывали дзот гранатами» [118, с. 63].

На рассвете японская авиация, базировавшаяся в Индокитае, совершила налеты на британские аэродромы. Одновременно главные силы десанта высадились в Южном Таиланде — в Сингорра и Патани [184, с. 233, 239], куда сразу же перебазировалась японская авиация. В тот же день войска 25-й и 15-й армий вторглись в Таиланд с территории Индокитая и начали продвигаться на юг, к Малайе и бирманской границе [58, т. 4, с. 391].

После уничтожения японцами основных сил английской авиации, потопления линкора и линейного крейсера войска Великобритании оказались без прикрытия с воздуха и поддержки с моря. 25-я японская армия развернула наступление вдоль восточного и западного побережья п-ва Малакка, быстро продвигаясь через джунгли на юг. Командующий союзными войсками генерал Уэйвелл приказал генералу Персинвалю организовать оборону на южной части полуострова, однако англичанам не удалось задержать здесь японцев. Английские войска отошли на о-в Сингапур. 8 февраля 25-я армия, форсировав узкий Джохорский пролив, высадилась на Сингапуре, захватила аэродромы и водохранилище, а 15 февраля овладела крепостью. Английские войска капитулировали. Общие потери англичан в Малайской операции составили 140 тыс. человек, включая попавших в плен. Японцы потеряли приблизительно 10 тыс. человек убитыми и ранеными [201, с. 33—39].

Захватив Малайю и оккупировав Таиланд, японцы получи-

ли благоприятные условия для овладения Голландской Индией и Бирмой.

Операцию по захвату Голландской Индии японские вооруженные силы начали еще в декабре 1941 г.—январе 1942 г., овладев базами и аэродромами на о-вах Борнео, Целебес, Амбоина, а 6 февраля портом Макаassar, находившимся в южной оконечности о-ва Целебес. Перебазирова сюда авиацию и флот, они начали вторжение на Яву силами 16-й армии (три дивизии и отдельная бригада) под прикрытием 3-го авиационного соединения. Высадку десанта обеспечивали 3-й военно-морской флот и 11-й воздушный флот во взаимодействии с Малайским оперативным объединением флота. Им противостояли голландские войска численностью около 50 тыс. человек, до 200 самолетов и объединенная американо-англо-голландская эскадра (8 крейсеров и 12 эсминцев) [58, т. 4, с. 334].

С выходом японцев на подступы к Яве голландский адмирал Доорман, командовавший союзной эскадрой, силами 5 крейсеров и 10 эсминцев атаковал десантные отряды противника в Яванском море. В ходе морского сражения 27—28 февраля японский флот под командованием адмирала Такахаси потопил 2 крейсера и 3 эсминца и повредил 3 крейсера. В последующие дни флот союзников был почти полностью уничтожен [104, с. 29—30].

Разгромив флот союзников, японцы высадили десант на Яву, с 5 по 14 марта захватили Батавию, Сурабаю и развернули наступление в глубь острова. К 15 марта вооруженные силы Японии овладели всей Голландской Индией [58, т. 4, с. 395].

В декабре 1941 г.—апреле 1942 г. японское командование осуществило свой замысел захвата Бирмы. После уничтожения большей части английской авиации на аэродромах японская 15-я армия (2 дивизии общей численностью 35 тыс. человек) [152, т. 1, с. 26] перешла бирманскую границу через Куакарский перевал и начала наступление на Рангун.

Англо-индийские войска силами двух дивизий и нескольких отдельных частей общей численностью 35 тыс. человек (в том числе 5 английских батальонов) [219, с. 34] задержали японцев у Моулмейна, на реках Ситтанг и Билин, но японцы применили обходный маневр и вынудили их отступить [58, т. 4, с. 396].

После этого английское правительство согласилось на ввод китайских войск в Бирму. Однако последние не сумели удержать северную часть Бирмы.

Японцы, захватив Рангун и введя в сражение две новые дивизии, развернули наступление через Шанские княжества к китайской границе и 29 апреля захватили конечный пункт Бирманской железной дороги — Лашо, а затем вступили на территорию Южного Китая [58, т. 4, с. 396].

На завершающем этапе операции в сражении участвовали 81 тыс. человек англо-индийских и китайских и 60—70 тыс.

японских войск. Потери союзников намного превышали потери японцев [229, с. 148; 199, с. 26].

Одновременно с разрешением операции в Бирме японское командование провело с 1 по 10 апреля 1942 г. операцию в Индийском океане силами авианосного соединения адмирала Нагумо и соединения флота адмирала Одава.

Японский флот разрушил английские базы на Цейлоне, потопил авианосец, 2 тяжелых крейсера и 28 торговых судов [104, с. 38]. Английское командование перевело оставшиеся корабли на базу Килиндини (Момбаса), находящуюся на восточном побережье Африки.

В ходе военных операций японские милитаристы применяли крайне жестокие методы ведения войны. Так, во время операции в Юго-Восточной Азии бомбардировкам подвергались жилые кварталы крупных городов, в частности Манилы, Сингапура, Рангуна и Калькутты, в результате которых погибло много мирных жителей и значительная часть горожан бежала в сельские районы. Например, после первого же налета на Калькутту в конце 1942 г. город покинуло 1,5 млн. жителей [103, с. 624—627]. Известны многочисленные факты жестокого обращения японской военщины с военнопленными. Американская армия в боях на Филиппинах за полгода потеряла убитыми 428 человек, но многие тысячи американских пленных были забиты насмерть и заколоты конвоирами на стокилометровом пути от места капитуляции до лагерей в Сан-Фернандо. Этот трагический переход получил название «марша смерти» [138, с. 42—43].

Г. Тюрк так описывает зверства японских милитаристов в Малайе: «Японские солдаты сбросили с носилок раненых и безжалостно швырнули в бамбуковую хижину. Потом принесли канистры с бензином и облили раненых, а один из японцев, отойдя подальше, выстрелил из ракетницы. Хижина запылала. Несколько минут слышались вопли заживо сжигаемых» [118, с. 113]. После этого офицеры зарубили мечами 53 военнопленных австралийца. «Пленным велели встать на колени. Офицеры подошли к ним, по команде Нисимуры (японский генерал.— А. С.) разом подняли палаши и резким взмахом опустили их на затылки своих жертв» [118, с. 114].

К маю 1942 г. японские вооруженные силы овладели Гонконгом, Малайей, Филиппинами, Голландской Индией, Бирмой, о-вами Новая Британия, Новая Ирландия, Адмиралтейства, Гуам, Уэйк, Гилберта, частью Соломоновых о-вов, оккупировали Таиланд и вышли на подступы к Индии и Австралии [58, т. 4, с. 377]. Таким образом Япония захватила территории общей площадью 4242 тыс. кв. км с населением 204 млн. человек, а с учетом оккупированной японскими войсками части Китая — 9801 тыс. кв. км с населением около 400 млн. человек [289, с. 344].

Союзники потеряли убитыми, ранеными и пленными 300 тыс.

солдат и офицеров. Были потоплены и выведены из строя 1 авианосец, 9 линкоров, 1 линейный крейсер, 10 крейсеров, 17 эсминцев, 4 подводные лодки, сбиты 600 самолетов [58, т. 4, с. 408]. «Никогда раньше в военной истории,— писали американские исследователи,— не достигалось так много столь малой ценой» [66, с. 42].

В результате выполнения задач первого периода войны, рассчитанных на 4—5 месяцев [142, т. 24, с. 35], под контролем японских вооруженных сил оказались западная часть Тихого океана и Юго-Восточная Азия. Militarизм достиг небывалого в истории Японии влияния; еще более укрепились связи военной машины с монополистами; повысился престиж «гумбацу» и усилилась их роль в политической жизни страны; военно-фашистская идеология получила широкое распространение в стране, а идеи паназиатизма, служившие целям японского militarизма,— на захваченных территориях, а также в Индии и Китае; в ряде оккупированных стран японское командование стало создавать вспомогательные военные формирования из местного населения.

Каковы же причины столь крупных успехов японского militarизма в начальный период войны?

Секрет этих успехов прежде всего в том, что в конце 1941 г. сложилась благоприятная политическая обстановка для дальнейшего развертывания агрессии Японии на Дальнем Востоке и в Азии. США и Великобритания пожинали плоды политики «умиротворения» в отношении дальневосточного агрессора; США не были подготовлены к войне, в частности в связи с внутренними трудностями правительства Ф. Рузвельта, вызванными активизацией изоляционистов; Великобритания сосредоточила свои усилия на военных действиях против Германии и Италии; распространение идей паназиатизма облегчало японцам действия в Азии [58, т. 4, с. 167, 235, 247, 254—256].

Важной причиной успехов Японии являлся относительно высокий уровень военного искусства японских вооруженных сил, об этом свидетельствуют умелое планирование и осуществление ряда одновременных наступательных операций на разобщенных направлениях; хорошо налаженное взаимодействие между видами и родами вооруженных сил; применение нового, впервые созданного авианосного оперативного соединения; обеспечение внезапности нападения, несмотря на большие расстояния до объектов (например, до Перл-Харбора — 6300 км); четкое функционирование разведки; создание благоприятных условий для действий войск путем пропаганды среди населения колоний союзных стран.

Успехи японских militarистов в значительной степени были следствием неподготовленности вооруженных сил союзников к войне с Японией. Военно-морским флотам этих стран не хватало хорошо подготовленных баз, а имевшиеся находились на

большом удалении друг от друга и были уязвимы со стороны авиации противника; группировки союзных войск не были своевременно усилены; личный состав сухопутных войск в основном состоял из представителей местного населения, недостаточно обученных и, как было отмечено выше, не желавших поддерживать колонизаторов; союзники фактически не сумели создать единого командования; противовоздушная оборона была слабой [58, т. 4, с. 403—404].

После нападения фашистской Германии на Советский Союз американское правительство разработало основы внешней политики относительно Японии, которая исходила из вывода о скором поражении СССР, предстоящем вступлении Японии в войну против Советского Союза. 23 июня 1941 г. госдепартамент в рекомендациях, разработанных заведующим его дальневосточным отделом Гамильтоном, следующим образом изложил свою точку зрения: «С началом германо-советской войны у Японии открывается два направления агрессии: южное и северное. Однако южное направление сопряжено с опасностью войны с Соединенными Штатами. Война с Америкой страшна Японии. Поэтому имеется большая возможность для Японии порвать пакт о нейтралитете и двинуться на север» [172, т. 7, с. 394].

В Вашингтоне решили проводить такую политику, которая могла бы удержать Японию от экспансии на юг и оттянуть вступление США в войну до более благоприятного для американских правящих кругов момента. Поэтому разработанный по указанию президента Рузвельта план усиления военной мощи страны, названный впоследствии «Программа победы», представлял собой лишь общие наброски военного строительства на ближайшие два-три года и исходил из предположения, что рано или поздно США вступят в войну. План не предусматривал каких-либо конкретных мер по разгрому Японии. В кратком описании стратегических концепций США, приложенном к плану, указывалось, что цель американской политики в этом районе — осудить японскую агрессию, выразить Японии решимость Соединенных Штатов принять реальные меры, а пока избегать на Дальнем Востоке действий, требующих крупных вооруженных сил [58, т. 4, с. 255].

Как отмечалось выше, военно-политическое руководство Японии еще в августе 1941 г. приняло решение о нанесении первоначального удара против вооруженных сил США и Великобритании. Однако лидеры американского и английского правительств еще долгое время считали, что японские милитаристы вначале нападут на Советский Союз. «Я думаю,— писал 15 октября Рузвельт Черчиллю,— что они направятся на север». Президент США полагал, что тем самым Соединенным Штатам и Англии будет «обеспечена двухмесячная передышка на Дальнем Востоке». Это мнение Рузвельта разделял английский премьер-министр [58, т. 4, с. 255].

Военные деятели США считали, что проблема выигрыша времени была главной. Начальники штабов армии и флота генерал Дж. Маршалл и адмирал Г. Старк представили 5 ноября 1941 г. президенту Рузвельту меморандум, предлагавший продолжать политическое маневрирование с целью оттягивания конфликта с Японией. «Соединенные Штаты,— указывалось в меморандуме,— должны избегать войны с Японией до того момента, пока не будут созданы достаточно сильные оборонительные позиции на Дальнем Востоке, или до того времени, когда Япония будет прямо угрожать или нападет на территории, безопасность которых чрезвычайно важна для США» [цит. по 109, с. 499].

Знаменательно, что именно 5 ноября, в день представления этого меморандума президенту США, Ставкой Японии были отданы приказы о завершении непосредственной подготовки к нападению на базы США и Великобритании и захвату американских и английских колоний на Дальнем Востоке [58, т. 4, с. 255].

Таким образом, первоначальный успех японских вооруженных сил в осуществлении внешней функции милитаризма был в значительной степени обусловлен благоприятными политическими и военными условиями для агрессии Японии в данное время, а также сравнительно высоким уровнем военного искусства ее армии и флота.

Захват японскими вооруженными силами важных стратегических районов и военных баз, аэродромов, запасов горючего, торговых судов расширил материально-техническую базу милитаризма Японии, оказал большое влияние на последующий ход военных действий. Союзники были вынуждены длительное время обороняться, накапливая силы для перехода в контрнаступление [58, т. 4, с. 403].

Успехи японской армии и флота оказали значительное морально-психологическое влияние на союзные войска, в том числе и на китайские, среди которых усилились капитулянтские настроения. Так, с января по апрель 1942 г. только в 3-й и 5-й военных зонах (всего имелось 9 зон) к противнику ушли восемь дивизий и три отдельные бригады. Значительная часть из них была передана японцами командованию ванцинзвезвской армии и принимала участие в наступлении против Новой 4-й армии и партизанских отрядов в долине р. Янцзы [58, т. 4, с. 402]. Захват японцами участка Бирманской железной дороги привел к сокращению до минимума военных поставок союзников Китаю, что усложнило положение гоминьдановских войск [58, т. 4, с. 402].

Однако, несмотря на успехи японских милитаристов, анализ положения на советско-германском фронте, главном фронте второй мировой войны, и соотношения сил воюющих сторон на Тихом океане позволяет сделать вывод об авантюристичности

политики и стратегии Японии и бесперспективности дальнейших боевых действий ее вооруженных сил.

«Война,— писал В. И. Ленин,— есть продолжение средства-ми насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны» [2, т. 27, с. 269]. Представители господствующих классов Японии, приняв в 30-х годах авантюристический внешнеполитический курс на завоевание господства в Восточной Азии и бассейне Тихого океана, тем самым поставили перед милитаризмом своей страны непосильную задачу. Поэтому успехи японских вооруженных сил в начальный период войны против США и Великобритании могли лишь затянуть вооруженную борьбу, но не привести к победе.

Ставка японского военно-политического руководства на победу фашистской Германии над СССР, переоценка сил фашистского блока и недооценка сил его противников также свидетельствовали об авантюризме этого руководства. Японское командование, проявив близорукость, оказалось не в состоянии оценить значение того знаменательного факта, что Советский Союз сорвал гитлеровские планы молниеносной войны и начал наступление под Москвой еще до нападения Японии на США и Великобританию.

В то время, когда японские вооруженные силы, захватывая все новые территории, удалялись от метрополии на многие тысячи километров, советские войска изматывали главную силу фашистской коалиции — вермахт, делая тем самым все более бесперспективными агрессивные планы Японии.

Создание антигитлеровской коалиции, в которую к весне 1942 г. входило 29 государств с населением 1,2 млрд. человек, свидетельствовало об изменении обстановки в мире не в пользу фашистского блока, в состав которого входило 10 стран с населением несколько более 300 млн. человек [68, т. 4, с. 474].

Противники Японии в войне на Тихом океане, увеличивая производство вооружения и боевых кораблей, создавали условия для перехода в контрнаступление. В первой половине 1942 г. промышленность Соединенных Штатов выпустила 7,6 тыс. танков, 20,7 тыс. самолетов, 67,9 тыс. орудий, 47 боевых кораблей основных классов [224, с. 1, 3, 82, 137, 144, 147, 149, 153, 155—156, 226]; Англии — 4,3 тыс. танков, 11,5 тыс. самолетов, 45 тыс. орудий и 51 боевой корабль основных классов [234, с. 133—134, 140, 148, 152]. Сопоставление данных показывает, что США и Великобритания в сумме произвели танков в 20 раз больше, чем Япония, самолетов — в 5 раз, орудий — в 50 раз, боевых кораблей основных классов — более чем в 2 раза. Большая часть выпущенного в этот период вооружения, особенно американского, поступала в войска, действовавшие против японских вооруженных сил.

Потопленные и поврежденные японцами союзные линейные корабли, как показал опыт войны, не являлись главной силой

флота, поэтому потери военно-морских сил союзников оказались не такими значительными, как считало японское командование.

Как уже отмечалось, наступление японских войск в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане происходило в обстановке разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Зимой 1942 г. Советская Армия захватила инициативу на главном стратегическом направлении и удерживала ее около полугода [58, т. 4, с. 483]. Неудачи фашистского блока на главном фронте второй мировой войны привели к серьезным разногласиям в военно-политическом руководстве Японии относительно дальнейших планов ведения боевых действий. Морской генеральный штаб и военно-морское министерство настаивали на активных действиях против Австралии с целью ее захвата. Армейское командование, в частности генеральный штаб сухопутных войск, упорно возражало против этого плана, так как он требовал выделения дополнительно для этих целей до 12 пехотных дивизий, что привело бы к сокращению военных приготовлений против СССР.

В послевоенные годы в буржуазной историографии наблюдается тенденция представить агрессивные планы японского военно-политического руководства в отношении СССР «оборонительными». В роли защитников японских милитаристов выступают многие японские и американские буржуазные деятели и историки. В своих мемуарах и исторических исследованиях они стремятся представить Японию в качестве невинной жертвы «агрессивных» устремлений СССР [184; 196 и др.].

Однако факты свидетельствуют, что милитаристская Япония, начав наступление в южном направлении, не отказалась от планов агрессии против СССР и активно готовилась к их осуществлению.

Еще 3 декабря 1941 г. в приказе Ставки № 578 генералу Умэдзу было указано: «Командующему Квантунской армией оборонять Маньчжоу-Го и Квантунскую область. И вместе с тем в соответствии с § 2 приказа по сухопутным войскам осуществлять подготовку к войне против СССР» [142, т. 35, с. 68].

В соответствии с этим приказом в тот же день было дано указание Ставки № 1048 «усилить подготовку к войне против СССР с расчетом начать боевые действия весной 1942 г.» [142, т. 35, с. 69].

4 декабря 1941 г. в Ставку был вызван заместитель начальника штаба Квантунской армии генерал-майор Аябэ, который доложил военному руководству мнение генерала Умэдзу. Командующий Квантунской армией считал, что после захвата южных районов необходимо начать войну против СССР. После доклада генерала Аябэ Ставка приняла решение «в целом усилить подготовку к операции против Советского Союза», «уконплектовать штаты командования 1-го фронта», «утвердить план

действий руководства Маньчжоу-Го (объявление войны Советскому Союзу)», «усилить Квантунскую армию, особенно артиллерией и инженерными войсками» [142, т. 35, с. 71].

Ставка планировала усилить войска в Маньчжурии 24 артиллерийскими и 40 инженерно-саперными, понтонными, автомобильными и другими полками [142, т. 35, с. 72—73].

Начальник штаба Квантунской армии на совещании командиров соединений в начале декабря 1941 г. дал следующие указания: «Для завершения проводимой подготовки к операциям против Советского Союза каждая армия и соединение первой линии должны прилагать все усилия к тому, чтобы, наблюдая за постоянно происходящими изменениями военного положения Советского Союза и Монголии, иметь возможность в любой момент установить истинное положение. Это особенно относится к настоящим условиям, когда все более и более возникает необходимость установить признаки переломного момента в обстановке» [26, д. 275, л. 58; д. 482, л. 853].

И перелом наступил. Это было наступление советских войск под Москвой. Такой оборот событий заставил японское командование быть более осторожным. Однако японские милитаристы не оставили агрессивных планов против СССР. В программе, разработанной Институтом тотальной войны Японии и представленной правительству 18 февраля 1942 г., указывалось: «В случае войны с Советским Союзом использовать стратегическую обстановку на главных театрах войны противника и отдаленность от основных оперативных баз, нанести максимально сильным первый удар, быстро уничтожить наличные силы и части усиления противника, стремиться к разрешению военного конфликта в короткий срок и затем, захватив важные районы, вести затяжную войну» [26, д. 275, л. 84].

Весною 1942 г., ведя подготовку к войне с СССР, японское командование внимательно наблюдало за развитием событий на советско-германском фронте. Вот почему оно не было склонно отвлекать значительные силы сухопутных войск для военных действий на островах Тихого океана на подступах к Австралии. После спора, продолжавшегося целый месяц, было принято решение уделять основное внимание операциям в бассейне Тихого океана. Армейское и военно-морское командование пришли к согласию в отношении проведения ряда операций по захвату о-вов Самоа, Фиджи, Новой Каледонии, а также Порт-Морсби, не требовавших привлечения значительного количества сухопутных войск. Все эти операции преследовали одну и ту же цель — нарушить коммуникации между США и Австралией [184, с. 293]. После того как 18 апреля в японские воды вторглось американское авиасоединение и самолеты США подвергли бомбардировке Токио и другие крупные города Японии, секция флота Ставки с согласия секции армии приняла решение провести операцию против о-ва Мидуэй [184, с. 303—304].

В начале мая 1942 г. 4-й японский флот под командованием адмирала Иноуэ, базировавшийся в Рабауле, приступил к захвату о-ва Тулаги, лежащего напротив о-ва Гуадалканал в группе Соломоновых о-вов, и Порт-Морсби на юго-восточной оконечности Новой Гвинеи. 3 мая Тулаги был взят. Затем 7 и 8 мая в Коралловом море произошло морское сражение между авианосными силами Японии и США, в результате которого японцы потеряли один авианосец, другой был поврежден, а третий понес потери в составе авиагруппы. У американцев был потоплен авианосец «Лексингтон» и сильно поврежден авианосец «Йорктаун». После боя силы японского и американского флотов покинули Коралловое море. Захват Порт-Морсби был отложен [58, т. 5, с. 388—390].

В сражении в Коралловом море впервые в истории войн в качестве главной силы с обеих сторон участвовала авианосная авиация, которая действовала вне пределов видимости соединений кораблей, находившихся друг от друга на расстоянии 200 миль [58, т. 5, с. 390—391].

5 мая 1942 г. японская Ставка издала директиву, предписывающую Объединенному флоту во взаимодействии с сухопутными войсками захватить о-в Мидуэй и важнейшие районы в западной части Алеутских о-вов [184, с. 307].

Японское командование выделило для проведения операции основной состав Объединенного флота, а также 620 самолетов и создало численное превосходство в линкорах и крейсерах. Однако последние не сыграли значительной роли в сражении. Превосходство же японцев в авианосных силах было в значительной степени сведено на нет действиями американской авиации берегового базирования. В сражении за Мидуэй, развернувшемся 3—6 июня 1942 г., американская сторона смогла упредить противника в нанесении удара, поскольку, раскрыв японский шифр и читая перехваченные радиogramмы, американцы знали его планы и примерные силы. Японское же командование находилось в неведении относительно силы и планов противной стороны [58, т. 5, с. 393].

Сражение у о-ва Мидуэй принесло успех американским вооруженным силам: японцы потеряли 4 авианосца и 1 крейсер, американцы — 1 авианосец и 1 эсминец [152, т. 1, с. 247]. Союзный флот впервые добился успеха, в результате которого создавалось более благоприятное для него соотношение авианосных сил [244, № 9, 1970, с. 50]. Однако после сражения у Мидуэя союзные силы в 1942 г. не смогли перейти в наступление, ведя оборонительные бои. «В период застоя,— писал американский адмирал Шерман,— который начался после сражения за остров Мидуэй, основной целью нашей стратегии была защита коммуникаций, связывающих нас с Австралией и Новой Зеландией. Наша слабость в авианосцах препятствовала наступлению в более или менее значительном масштабе» [132, с. 122].

7—8 июня японские войска высадились на о-вах Кыска и Атту (Алеутские о-ва). Американцы узнали об этом лишь через четверо суток. Значение захвата японцами этих островов резко снижалось из-за того, что Мидуэй остался в руках вооруженных сил США [58, т. 5, с. 393, 396].

7 августа 1942 г. американское командование высадило на о-ве Гуадалканал, захваченном японскими войсками, 1-ю дивизию морской пехоты. Бои за остров между вооруженными силами Японии и США происходили несколько месяцев.

Многие буржуазные государственные деятели и историки склонны преувеличивать значение этого события. Например, бывший премьер-министр Англии Г. Макмиллан, неправомерно сравнивая Сталинградскую битву с некоторыми операциями союзных войск, пишет: «Это первое большое поражение Гитлера означало такой же явный поворот событий на Восточном фронте, каким на Западе были до этого битва за Аламейн и операция „Торч“ (высадка союзных войск в Северной Африке.— А. С.), а также захват американцами Гуадалканала в августе, ознаменовавший начало контрнаступления на Дальнем Востоке» [218, с. 362].

Однако высадку американского морского десанта на принадлежавший Великобритании о-в Гуадалканал вряд ли можно назвать контрнаступлением. «Господство на море позволило японцам,— пишет Ф. Шерман,— доставить пополнение небольшой группе своих войск и постепенно накопить на острове значительные силы. Оно растянуло борьбу за Гуадалканал на многие месяцы и на долгое время сделало сомнительным ее исход» [132, с. 144].

Стратегический замысел японского командования до начала наступления советских войск под Сталинградом состоял в том, чтобы завершить захват Соломоновых о-вов и Новой Гвинеи с целью укрепления внешней линии японской обороны в юго-западной части Тихого океана и создания выгодного плацдарма для вторжения в Австралию. Японское командование стремилось быстрее завершить операцию севернее Австралии для того, чтобы иметь возможность осуществлять маневр в зависимости от обстановки на Тихоокеанском театре и советско-германском фронте. В случае успеха наступления немецко-фашистских войск на южном участке советско-германского фронта в Токио предполагали осуществить нападение на СССР, наступление в Индии или вторжение в Австралию [58, т. 8, с. 254]. Поэтому японское командование прилагало все усилия для ускорения захвата Гуадалканала (Соломоновы о-ва) и Новой Гвинеи. С этой целью 16 ноября 1942 г. приказом Ставки на островах юго-западной части Тихого океана был создан 8-й фронт в составе 17-й и 18-й армий, которые были усилены четырьмя дивизиями и спецчастями для строительства аэродромов [184, с. 343—349]. Японский флот все еще обладал превосходством

над военно-морскими силами США. К декабрю 1942 г. японцы потеряли в водах, омывающих Соломоновы о-ва и Новую Гвинею, 11 боевых кораблей (авианосец, 2 линкора, 2 крейсера, 6 эсминцев), американцы — 16 кораблей (авианосец, 6 крейсеров, 9 эсминцев) [141, с. 201]. В конце 1942 г. соотношение сил в юго-западной части Тихого океана по-прежнему было в пользу Японии (табл. 10).

Таблица 10

*Соотношение сил флотов воюющих сторон на Тихом океане к началу 1943 г.**

Тип кораблей	Вооруженные силы союзников		Вооруженные силы Японии		Соотношение сил
	неповрежденные	находящиеся в ремонте	неповрежденные	находящиеся в ремонте	
Линкоры	1	5	9	—	1:9 (1:1,5)**
Авианосцы	1	2	8	2	1:8 (1:3,3)
Крейсера	12	13	21	13	1:1,7(1:3,3)
Подводные лодки .	71	10	79	19	1:1,1(1:1,2)

* [244, № 9, 1970, с. 52].

** В скобках указано соотношение сил с учетом кораблей, находившихся в ремонте.

Что касается сухопутных войск и авиации (включая авиацию наземного базирования), то соотношение сил было тоже не в пользу союзников. У союзников в центральной и юго-западной части Тихого океана было 13 дивизий и 2 дивизии неполного состава, у японцев — 17 дивизий (1:1,3), самолетов — соответственно 870 и 4660 (1:5,5).

Наличие крупных сил Объединенного флота и авиации в юго-западной части Тихого океана, концентрация в районе военно-морской базы Рабаул сухопутных войск, предназначенных для десантирования, создавали реальную угрозу японского вторжения в Австралию. Американское командование сознавало всю серьезность положения: согласно оперативно-стратегическим планам командующего силами союзников в юго-западной зоне Тихого океана генерала Д. Макарутура большую часть Австралии предполагалось уступить японцам [206, с. 24—25].

Однако после того как в Токио получили известие о начале наступления советских войск под Сталинградом, японское командование стало понимать бесперспективность дальнейшего наступления в юго-западной части Тихого океана в связи с отвлечением больших сил армии и флота, а также торговых судов, необходимых для перевозки сырья в метрополию. 31 декабря 1942 г. Совет по координации действий Ставки и правительства в присутствии императора принял решение об эвакуации японских войск с Гуадалканала. В период с 1 по

7 февраля 1943 г. японские войска под прикрытием значительных сил авиации и флота эвакуировались, не встретив серьезного противодействия союзных вооруженных сил [173, т. 5, с. 362].

Буржуазные фальсификаторы истории, в частности Г. Макмиллан, стремясь принизить роль советско-германского фронта в борьбе союзных держав против фашистского блока, ставят сражение за Гуадалканал в один ряд со Сталинградской битвой [218, с. 362]. Многие из них объясняют эвакуацию японских войск с о-ва Гуадалканал в основном большими потерями Японии в торговых судах, которые в течение ноября и декабря будто бы начали катастрофически возрастать. Однако факты не подтверждают этот тезис. Если во время войны в целом Япония теряла за месяц в среднем 69 судов (водоизмещением свыше 500 бр.-рег. т каждое), то в ноябре 1942 г. потери равнялись 28, а в декабре — 18 судам [152, т. 2, с. 7]. За 6 месяцев, в период боев за Гуадалканал, Япония потеряла на Тихом океане 130 транспортных судов общим водоизмещением 560 тыс. бр.-рег. т. С начала войны до конца 1942 г. общий тоннаж потерянных Японией транспортных судов составил 825 тыс. бр.-рег. т, а тоннаж действовавших судов составил 5,17 млн. бр.-рег. т [152, т. 2, с. 7].

Так как плановое бюро правительства Японии в декабре 1941 г. рассчитывало на потерю за первый год войны торговых судов общим водоизмещением от 800 тыс. до 1,1 млн. бр.-рег. т [70, с. 259], то можно считать, что действительные потери Японии в торговых судах в 1942 г. не превышали ожидаемых и не могли явиться основной причиной внезапного изменения оперативно-стратегических планов японского командования.

По данным японского экономиста Кадзиниси Мицухая, Япония в начале войны на Тихом океане имела торговые суда общим водоизмещением 6384 тыс. бр.-рег. т, в 1942 г. были спущены на воду суда водоизмещением 661,8 тыс. бр.-рег. т, потоплены и выведены из строя — 1095,8 тыс. бр.-рег. т, т. е. в конце 1942 г. общее водоизмещение судов японского торгового флота составляло (без учета захваченных) 5,95 млн. бр.-рег. т [244, № 9, 1970, с. 53].

Конечно, значительные потери в живой силе и технике и трудность их восполнения, болезни и нехватка продовольствия оказали определенное влияние на ход боевых действий японских войск на Гуадалканале и в Новой Гвинее и соответственно на планы командования. Однако имелись и более значительные причины, которые обусловили принятие решения об отступлении. В этот период военно-политическое руководство Японии уже представляло себе масштабы поражения немецко-фашистских войск под Сталинградом, которое явилось «тяжелым ударом не только для Германии, но и для Японии и Ита-

лии». У него «впервые по-настоящему пошатнулась вера... в силу германской армии» [57, т. 3, с. 16].

Об оборонительном характере боевых действий союзных войск летом и осенью 1942 г. свидетельствует выступление президента США Ф. Рузвельта на заседании конгресса 7 января 1943 г., в котором он указал, что успехи союзных сил в боях за о-ва Мидуэй и Гуадалканал «были по существу оборонительными. Они являлись частью стратегии сдерживания, которая характеризовала эту фазу войны» [236, с. 61]. Более того, в ноябре 1942 г. японцы перешли в наступление. У. Черчилль так описывает события того периода: «Адмирал Хэлси, сменивший адмирала Гормли, в тот момент оказался вообще без авианосцев и запросил через адмирала Нимица один или несколько английских авианосцев. Хотя мы были мало знакомы с американскими планами на Тихом океане, мы понимали, что на Соломоновых о-вах назрел серьезный кризис» [198, т. 5, с. 345].

Японские войска, начавшие наступление на Гуадалканале 18 ноября 1942 г. и потеснившие американские соединения, 26 ноября, т. е. вскоре после того, как японскому командованию стало известно о расширении контрнаступления советских войск под Сталинградом, перешли к обороне [143, т. 1, с. 129, 133].

В течение декабря 1942 г. японское командование пришло к выводу, что в связи с ухудшением общего положения страны наступление в юго-западном районе Тихого океана необходимо прекратить. После секретного обмена мнениями в узком составе Ставки, а также переговоров между представителями армии и флота по вопросу уточнения стратегических планов, в «Дневнике войны» Ставки 11 декабря появляется вывод о необходимости в самое ближайшее время принять коренные решения по дальнейшему ведению войны. 23 декабря дается рекомендация об эвакуации войск из района Буна (Новая Гвинея), а 25—27-го — принимается решение оставить Гуадалканал [142, т. 28, с. 423; 173, т. 5, с. 47].

Таким образом, переход японских войск к обороне на Гуадалканале в конце 1942 г., а затем их эвакуация явились в значительной мере следствием перелома во второй мировой войне, происшедшего в результате резкого ухудшения военно-политического положения фашистской коалиции в связи с победой Советской Армии под Сталинградом.

Это еще раз подтверждает тот факт, что политика и стратегия Японии в своей основе определялась ходом войны Германии и ее европейских союзников против СССР. Правительство Тодзио понимало, что, «если Германия когда-нибудь ослабнет, Япония в самый короткий срок окажется перед всемирной коалицией». Именно поэтому Ставка, отложив планы завоеваний на будущее, принимала срочные меры к укреплению обороны захваченных территорий [58, т. 5, с. 406].

Командование японских вооруженных сил принимало меры по увеличению численности армии и флота, их обучению, оснащению оружием и боевой техникой. Призывные контингенты в этот период постоянно увеличивались за счет повышения предельного возраста и понижения медицинских требований. В 1942 г. были призваны мужчины в возрасте от 20 до 40 лет. Мобилизация дала возможность японскому командованию восполнить потери и сформировать несколько частей и соединений, в основном для участия в боевых действиях в юго-западной части Тихого океана.

Численность вооруженных сил Японии в 1942 г. выросла по сравнению с 1941 г. на 430 тыс. и составила 2850 тыс. человек [173, т. 5, с. 70], в том числе сухопутных войск — 2400 тыс. человек [70, с. 290—291]. Сухопутные войска пополнились 7 пехотными, 3 танковыми и авиационными дивизиями и насчитывали 62 пехотные, 3 танковые и 5 авиационных дивизий (ранее танки и авиация не были сведены в дивизии, а существовали как танковые бригады и авиационные группы) [161, с. 402, 403].

Особое внимание командование сухопутных войск по-прежнему уделяло укреплению Квантунской армии. К концу 1942 г. ее численность достигла 700 тыс. человек [173, т. 5, с. 70; 26, д. 230, л. 136]. По техническому оснащению и численности дивизия Квантунской армии в два раза превосходила обычную дивизию (25—30 тыс. человек вместо обычных 13—16 тыс. [26, д. 275, л. 99]). На вооружении Квантунской армии в начале 1942 г. было 1000 танков (впервые в составе Квантунской армии была сформирована танковая армия), 5000 орудий, 1500 боевых самолетов [43, с. 74]. Несмотря на ухудшение военно-стратегического положения Японии в конце 1942 г., японское командование продолжало готовить Квантунскую армию и маньчжурско-корейский военно-промышленный плацдарм к нападению на Советский Союз.

В Китае в 1942 г. действовали японские войска численностью более 600 тыс. человек [184, с. 363]. Для действий в зоне Тихого океана было выделено около 300 тыс. солдат и офицеров [58, т. 6, с. 22].

Вооруженные силы в 1942 г. получили большое количество оружия и боевой техники для оснащения вновь создаваемых частей и соединений. Особенно значительным был рост поступления самолетов. В 1942 г. было выпущено 9500 самолетов, в том числе для армии — 5330 и для флота — 4170 [142, т. 33, с. 584]. Для сухопутных войск было произведено 1314 истребителей, 594 бомбардировщика, 452 штурмовика, 291 разведывательный, 44 транспортных и 1165 учебных самолетов. Для военно-морского флота было выпущено 1000 истребителей, 450 бомбардировщиков, 1000 штурмовиков, 1100 учебных самолетов и 70 летающих лодок [142, т. 33, с. 584; т. 13, с. 78, 79]. Кроме того, армия получила 650 средних и 800 легких танков, 1880 ар-

гиллерийских тягачей, свыше 2,5 тыс. полевых и более 500 зепитных орудий [142, т. 33, табл. 6].

Высшее военно-политическое руководство Японии учитывало, что война на Тихом океане требует быстрого наращивания мощности военно-морского флота. Учитывая опыт первых морских сражений, японское командование с 1942 г. отказалось от строительства линкоров и резко сократило строительство крейсеров, а основное внимание уделило вводу в строй авианосцев, эсминцев, подводных лодок и мелких судов специального назначения. В середине ноября 1942 г. военно-морской флот Японии имел в своем составе 10 линейных кораблей, 8 авианосцев, 31 крейсер, 100 эсминцев, 61 подводную лодку [181, с. 312—318].

Авиация военно-морского флота пополнялась истребителями «Зэро-21», истребителями-перехватчиками «Зэро-52», палубными истребителями типа «Зэро», истребителями-бомбардировщиками «Суйсэй» («Джуди»), торпедоносцами-бомбардировщиками «Тэнзан» («Джилл»), авианосными торпедоносцами типа «97» («Кэйт») ², поплавковыми разведчиками «Ойодо». Наиболее устойчивой оказалась модель истребителя типа «Зэро», в различных модификациях производимая концерном Мицубиси [192, с. 41].

Командование японских вооруженных сил большое внимание уделяло идеологической обработке личного состава, умело используя для этой цели успехи японской армии и военно-морского флота в военных действиях против сил США и Англии в конце 1941 г.— первой половине 1942 г. Победы японских вооруженных сил представлялись военными пропагандистами не только как доказательство «непобедимости» императорской армии, но и как подтверждение божественного происхождения императора, государственного строя Японии и всей японской нации, как торжество идей паназиатизма [50, с. 7—8].

Об успехе идеологической обработки личного состава японских вооруженных сил свидетельствует относительно высокий боевой дух японских военнослужащих, стойкость солдат, унтер-офицеров и офицеров в боях с американскими и английскими войсками.

Правящие круги Японии продолжали свою политику развития «марионеточного милитаризма». Используя обещания предоставить независимость некоторым оккупированным странам, они приняли в 1942 г. дополнительные меры с целью мобилизации их людских ресурсов для ведения войны. Усилилась вербовка корейцев и китайцев с Тайваня в японские вооруженные силы. На оккупированных территориях создавались армии из местного населения под командованием японских генералов и их ставленников. В Индонезии создавался «Добровольческий корпус обороны» и «Полицейский корпус», по указанию японских военных властей начала создаваться «Добровольческая

армия». Из индийцев, проживавших в Юго-Восточной Азии, стала формироваться «Индийская национальная армия» («Азад хинду фаудж») [139, с. 214]. В Бирме под руководством японских властей организовывалась «Армия обороны Бирмы». На Филиппинах японцы приступили к подготовке создания «Лиги бывших солдат». В Северном и Западном Китае японцы укрепляли марионеточную армию Ван Цзин-вэя, в Маньчжурии в этот период была усилена армия государства Маньчжоу-Го, находившаяся в распоряжении командующего Квантунской армией. Военизированная организация «Сэхэхой», созданная японцами в Маньчжурии, формировала боевые группы «Сэмподан». Однако сформированные под руководством японского командования марионеточные армии были слабо вооружены, имели сравнительно низкий уровень боевой выучки. Большая часть личного состава с точки зрения японского командования была «неблагонадежна», и поэтому их использовали в основном для несения внутренней полицейской службы [139, с. 214].

После нападения на США и Великобританию японский милитаризм, осуществляя внутреннюю функцию, усилил действия, направленные на подавление любого сопротивления политике правящих кругов. 9 декабря японская полиция, выявив наиболее активных противников войны, арестовала в метрополии 3 тыс. человек [182, с. 265]. 19 декабря был опубликован закон «О чрезвычайном контроле за словом, печатью, собраниями и организациями», еще более ограничивавший возможности антивоенных выступлений прогрессивных сил Японии. Закон вводил систему специальных разрешений не только на организацию собраний и обществ, но и на существование уже созданных обществ. Из более чем 500 обществ, подавших заявления с просьбой разрешить им продолжать деятельность, почти половине было в этом отказано под предлогом того, что этого требуют задачи ведения войны [57, т. 3, с. 288—289].

В феврале 1942 г. на 81-й сессии японского парламента был изменен специальный уголовный кодекс для военного времени. Была расширена статья, гласившая: «Лица, совершившие убийство с целью внесения беспорядка, мешающего осуществлению государственной политики в условиях военного времени, подлежат смертной казни или приговариваются к пожизненным каторжным работам». В нее было внесено дополнение, предусматривавшее применение этой меры наказания к лицам, «серьезно нарушающим общественное спокойствие с целью внесения беспорядка в осуществление государственной политики, или прибегающим к насильственным действиям и угрозам, или подстрекающим к совершению преступных действий, направленных на вызов беспорядков или какое-либо нарушение общественного спокойствия» [57, т. 3, с. 303]. Это дополнение к статье давало право полиции арестовывать всех тех, кто выражал несогласие с политикой правительства, а судебному аппарату — чинить

расправу над противниками агрессивной войны, развязанной Японией.

Японские милитаристы, стремясь укрепить свой тыл, усилили репрессии против движений трудящихся в Корее, на оккупированных территориях Китая и других стран.

В Корее полиция стала осуществлять еще более жесткий контроль за деятельностью местного населения. «Нельзя собираться более двух человек,— писала газета „Кэйдзё ниппо“ 2 августа 1942 г.,— и вести разговоры о современном положении... Запрещено создание без разрешения властей религиозных и других групп. Свадьбы, похороны, обрядовые шествия допустимы только с разрешения полиции» [63, с. 139]. Японские власти создали полицейские участки на каждые 1—2 деревни и управления со штатом до 30 полицейских на 5—7 деревень или одно большое село [89, с. 232]. Для оказания помощи полиции создавались соответствующие «общественные организации». Наиболее активно действовало общество «Любовь к родине», ведя слежку за корейскими патриотами [89, с. 234].

Японские милитаристы осуществляли жестокое подавление национально-освободительного движения на всей оккупированной территории Китая. В Маньчжурии кроме жандармерии и полиции в операциях против партизанских баз и районов принимали участие части Квантунской армии и марионеточные войска. Им содействовало военизированное общество «Сэхэхой», имевшее штабы во всех провинциях и городах Маньчжурии [139, с. 130].

Японские оккупационные власти совместно с марионеточной администрацией создавали различного рода антикоммунистические организации, которые были призваны участвовать в осуществлении внутренней функции марионеточного милитаризма. В мае 1942 г. этим организациям было разрешено открыть свои клубы, физкультурные центры и создать группы пропаганды [106, с. 100].

В 1942 г. командование японских войск в Китае получило приказ «активизировать» карательные действия против партизанских районов, добиться еще более плотной их блокады. В связи с переброской части сил экспедиционной армии для действий против США и Великобритании японцы усиливали строительство различного рода оборонительных сооружений: дерево-земляных и каменных блоков, специально спроектированных инженерно-саперной службой, рассчитанных на небольшие гарнизоны (отделение — взвод). Блоки использовались для борьбы против партизан, а также контроля за местным населением. Гарнизон блока в несколько солдат мог перекрыть огнем дороги и подступы к населенным пунктам. Начальник гарнизона наделялся по существу неограниченной властью в районе действий. В его обязанности, в частности, входила вербовка из местного населения полицейских [106, с. 106, 115].

Во Вьетнаме карательные действия японских милитаристов, вишистских войск и полиции направлялись против партизанских отрядов Лиги независимости Вьетнама, действовавших наиболее активно в горных джунглях [59, с. 189].

В Малайе японские войска и жандармерия вели борьбу с партизанскими отрядами Антияпонской армии, сформированными коммунистами главным образом из рабочих-китайцев. В августе — сентябре 1942 г. японская жандармерия нанесла удары по находящимся в подполье руководящим органам компартии Малайи в Сингапуре и Куала-Лумпуре, что на некоторое время затормозило развитие вооруженной борьбы против оккупантов [222, с. 39].

Карательные действия в Бирме проводились японскими войсками против партизанских отрядов в дельте р. Иравади и на севере страны [58, т. 5, с. 421].

После захвата Голландской Индии (Индонезии) японская жандармерия обрушила репрессии в первую очередь против Коммунистической партии и других демократических организаций. Она применяла по отношению к заключенным самые изощренные пытки [85, с. 39—40].

На Филиппинах еще шли бои с оборонявшимися на п-ове Батаан американско-филиппинскими войсками, а на захваченных территориях уже повсюду было расклеено «предупреждение» японского командующего генерала Хомма, угрожавшее расстрелом десяти заложников за каждый случай «попытки причинить вред японским солдатам или частным лицам». Хомма издал прокламацию, перечислявшую 17 «проступков», наказуемых смертной казнью. Эта прокламация открыто устанавливала полный произвол японской военной полиции. Однако, несмотря на эти меры, в стране стала разгораться борьба против японских оккупантов, которую возглавляли коммунисты. В начале сентября 1942 г. японские войска и полиция предприняли против Антияпонской партизанской армии (Хукбалахап) первую крупную карательную операцию в районе Араят, а в декабре — вторую, в районе Масантол. В каждой из них участвовало по 3—4 тыс. японских солдат. Отряды Хукбалахап были подвергнуты артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха. В этих операциях японские войска потеряли не менее 1,5 тыс. человек убитыми [76, с. 283].

*Использование экономики, политики и идеологии
в интересах агрессивной войны*

Победы на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, одержанные сухопутными войсками и военно-морскими силами Японии над вооруженными силами Соединенных Штатов и Великобритании, содействовали росту националистических настроений в

Японии, укрепляли веру в «непобедимость императорских армий и флота». Этот подъем шовинизма способствовал дальнейшей мобилизации сил и средств страны на войну, усилению эксплуатации трудящихся масс как самой Японии, так и оккупированных территорий.

После начала агрессии Японии на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии в соответствии с первым распоряжением правительства на основании закона «Об организации в основных отраслях промышленности» в декабре 1941 г. были созданы контрольные ассоциации: горной промышленности (председатель — президент компании «Нихон когё» Ито Бункити), цементной промышленности (председатель — президент компании «Асано сементо» Асано Соитиро), паровозо- и вагоностроительной промышленности (председатель — президент компании «Кися кайся» Сима Едзиро), автомобильной промышленности (председатель — президент компании «Дизэру дзидося» Судзуки Сигэясу). В январе 1942 г. были организованы контрольные ассоциации: электротехнической промышленности (председатель — президент компании «Ясукава дэнки» Ясукава Дайгоро), промышленного машиностроения (председатель — президент компании «Рикюкай» Омоти Масатоси), промышленности точного машиностроения (председатель — президент компании «Осака кико» Хара Сёмэй), металлургической промышленности (председатель — управляющий компанией «Фурукава дэнко» Судзуки Мота), внешней торговли (председатель — президент компании «Нихон мэнка» Минами Годзабуро), судостроительной промышленности (председатель — президент компании «Мицубиси дзюкогё» Сима Косиро) [57, т. 3, с. 317].

В августе 1942 г. правительство Японии издало второе распоряжение о контрольных ассоциациях, в соответствии с которым ассоциации были созданы в химической промышленности, промышленности цветных металлов, а также в отраслях легкой промышленности: хлопчатобумажной, шерстяной и др. Председателями контрольных ассоциаций были назначены представители монополистического капитала соответствующих отраслей промышленности [57, т. 3, с. 317].

Контрольные ассоциации отличались от существовавших концернов тремя основными чертами: во-первых, они контролировали все стадии производства и сбыт готовой продукции в данной отрасли промышленности, или почти всю деятельность данной области хозяйства (финансы, торговля и др.); во-вторых, через контрольные ассоциации крупнейшие монополии подчинили себе при прямом содействии государства уже не отдельные предприятия, а целые объединения предпринимателей, устраняя крупных конкурентов; в-третьих, контрольные ассоциации были наделены правами государственных органов, подчиняясь непосредственно соответствующему министерству (торговли или промышленности).

Большинство контрольных ассоциаций было тесно связано с четырьмя главными монополиями: Мицуи, Ясуда, Мицубиси и Сумитомо. В их правления входили представители этих крупнейших концернов и государственных органов. Так, первым президентом контрольной ассоциации угледобывающей промышленности стал Мацумото Кэндзио — президент бывшего угольного картеля, председатель правления двух крупнейших компаний концерна Мицуи: «Японской ассоциации горной промышленности» и «Кредитной компании», имевшей крупные интересы в горной и тяжелой промышленности в Северном Китае. Мацумото являлся также советником кабинета министров. Контрольную ассоциацию черных металлов возглавил один из руководителей концерна Мицубиси, Харио Хатисабуро, в течение многих лет управлявший страховым обществом этого концерна, бывший президент Японской горнодобывающей корпорации и Японского металлургического картеля. Впоследствии этот пост перешел к зятю барона Ивасаки, владельца концерна Мицубиси, — адмиралу Тоёда Тэйдзио, председателю правления полугосударственного Японского металлургического треста. Тоёда занимал одновременно посты министра торговли и промышленности, советника кабинета министров, а в дальнейшем — министра вооружения [79, с. 309—310]. Таким образом, контрольные ассоциации представляли собой переплетение частных монополий и государственных органов — новую форму подчинения не только хозяйства, но и отдельных звеньев государственного аппарата монополиям [79, с. 296].

К концу 1942 г. была создана 21 контрольная ассоциация, председателями которых назначены директора крупных промышленных и торговых фирм. Они объединяли более 2,6 тыс. компаний [173, т. 4, с. 277].

Создание в 1941—1942 гг. контрольных ассоциаций — органов государственной власти и дзайбацу, занимавшихся военным производством, свидетельствовало о быстром росте государственно-монополистического капитала в Японии. «Войной и разрухой, — писал В. И. Ленин, — все страны вынуждены идти от монополистического капитализма к государственно-монополистическому капитализму» [2, т. 34, с. 373].

Характерной особенностью сформировавшегося государственно-монополистического капитализма Японии являлся его милитаристский характер. Создание контрольных ассоциаций и другие меры правительства в области экономики в период войны принимались для увеличения военно-экономического потенциала страны, однако при одном обязательном условии: выгоды тех или иных мер для дзайбацу. «Правительство, — писал Т. Биссон, — не налагало своего контроля против воли монополистов, но действовало на условиях, установленных дзайбацу, и в желаемом для последних направлении» [33, с. 296].

Укрепление системы контроля усилило ограбление монопо-

листическим капиталом мелких и средних предпринимателей. Это ограбление приняло особенно беззастенчивые формы, так как в Японии военное производство быстро росло при отсутствии возможностей для сколько-нибудь существенного увеличения всего национального производства. Реорганизация мелких предприятий и концентрация производства в руках монополистического капитала, перевод невоенных отраслей промышленности на военные рельсы, т. е. «рационализация» производства, по мере развития войны усиливались. Проведение рационализации было возложено на контрольные ассоциации. В мае 1942 г. на основании закона «О всеобщей мобилизации нации» был издан указ «О рационализации производства», официально предоставивший правительству право на проведение принудительных мероприятий по «рационализации» производства. Затем было опубликовано постановление «О слиянии и рационализации производства». Согласно этому постановлению «рационализации» подлежала широкая сфера производства. В результате, как видно из приводимых ниже данных, число случаев слияния компаний выросло [57, т. 3, с. 326]:

Отрасль	1941 г.	1942 г.
Обрабатывающая	185	204
Текстильная	51	36
Металлургическая	22	14
Машиностроительная и инструментальная	52	55
Химическая	26	30
Пищевая	6	15
Гончарная	6	5
Смешанная	22	49
Горная и другие	193	207
Всего . . .	378	411

Капитал ликвидированных компаний, млн. иен. 1774 3223

Таким образом, дзайбацу, заняв влиятельные посты в контрольных ассоциациях, использовали законы военного времени с целью укрепления своих позиций в промышленности и торговле страны, поглощения средних и мелких фирм, подчинения их своему влиянию. В отчете миссии госдепартамента США отмечалось: «Контрольные ассоциации и контрольные компании, служившие в значительной степени исполнительными органами ассоциаций, широко использовались в качестве орудий осуществления поглощений крупными компаниями меньших. От них зависела жизнь и смерть компаний» [228, с. 33].

При подобной рационализации производства монополистический капитал невоенных отраслей промышленности, проводя концентрацию производства этих отраслей, излишки капитала вкладывал в военную промышленность.

Военно-фашистская клика, стоявшая у власти, выделяла большие средства на развитие военных отраслей промышленности. Во второй половине 1942 г., когда высшее военно-политическое руководство пришло к выводу, что война приобретает затяжной характер, самолетостроительным концернам были предоставлены значительные ассигнования. Так, ассигнования крупнейшего самолетостроительного концерна Кавасаки Дзюко на производство возросли во второй половине 1942 г. по сравнению с первой половиной этого года с 824 475 тыс. до 1 231 915 тыс. иен, а доля государства в его ассигнованиях выросла с 54,5 до 63,5% [подсчитано по 173, т. 4, с. 303].

Монополии получали большие прибыли от производства оружия. Например, головная компания концерна Мицуи в 1942 г. получила чистой прибыли 199 971 тыс. иен (в 1941 г. — 23 785 тыс. иен). В результате усиления эксплуатации рабочих и применения системы оплаты заказов, разработанной контрольными ассоциациями в интересах монополий, владельцы наиболее крупных концернов получали все увеличивавшийся процент прибыли. У концерна «Мицубиси дзюкогё» прибыль на вложенный капитал возросла с 18% в 1941 г. до 24% в 1943 г. (соответственно с 37 774 тыс. до 88 768 тыс. иен) [173, т. 4, с. 300].

Крупные компании указывали в отчетах заниженные цифры прибылей, не превышавшие 15—20%. В действительности владельцам контрольных пакетов акций военных компаний удавалось ежегодно увеличивать объявленный и оплаченный капитал в полтора — два раза. Объявленный капитал Мицубиси, например, в начале войны составлял 240 млн. иен, а в 1942 г. — уже 480 млн. иен [33, с. 247].

Общая прибыль японских акционерных компаний в 1942 г. составила 5,3 млрд. иен, что на 10,4% больше, чем в 1941 г., и в 4,5 раза больше, чем в довоенном 1936 г. [79, с. 338].

После захвата японскими войсками обширных территорий Юго-Восточной Азии и стран Южных морей перед дзайбацу открылись еще более широкие возможности обогащения. В ноябре 1942 г. было создано министерство по делам «Великой Восточной Азии», которое предоставило монополиям гарантии, значительные субсидии и передало в их распоряжение судоверфи, склады и рудники на оккупированных территориях. Так, судоверфи Сингапура перешли во владение «Мицубиси дзюкогё», судоверфи и склады Гонконга достались концернам Мицуи и Мицубиси. Мицуи стал владельцем медных рудников и месторождений фосфора в Лаокае (Индокитай). На Филиппинах к октябрю 1942 г. действовало 50 японских компаний [190, с. 80].

В 1942 г. японское правительство уделяло большое внимание выработке принципов колониальной политики на захваченных территориях. Японские военные власти на основании «Плана управления территориями, входящими в сферу процветания

Великой Восточной Азии», разработанного военным министерством и министерством колоний в декабре 1941 г., создавали здесь новую систему управления [102, с. 251].

Главный смысл колониальной политики состоял в том, чтобы создать видимость национальной самостоятельности и азиатской солидарности местной буржуазии и помещиков с японскими военными властями и использовать национальные ресурсы народов колоний в интересах дзайбацу, для ведения войны.

Так, после захвата Голландской Индии японские военные власти издали приказ о ликвидации голландских органов управления и создании вместо них «национальных» индонезийских департаментов (финансов, юстиции, общественных работ, экономики и др.), руководство которыми фактически стали осуществлять японские оккупационные власти [215, с. 351].

Из оккупированных Японией стран стали немедленно вывозиться в значительных количествах нефть, бокситы, железная руда, уголь и другие виды сырья, необходимые для японской промышленности.

Нефть являлась для Японии наиболее дефицитным сырьем, так как запасы ее в стране были крайне ограниченными. В 1941 г. в стране было добыто около 2 млн. т нефти, или менее 0,1% мировой добычи. В 1941 г. Япония за счет скважин и заводов синтетического горючего удовлетворяла менее 12% своей потребности мирного времени. Она зависела почти полностью от импортной нефти, 80% которой ввозилось из США, 10% поступало из Голландской Индии, а остальные — из Мексики, Бахрейнских о-вов, Румынии и некоторых других стран. Готовясь к войне, японское правительство создало к 7 декабря 1941 г. запас нефти в 43 млн. баррелей. Крупнейшей составной частью нефтяного резерва к началу войны являлся запас горючего для флота, равный 21,7 млн. баррелей, или 75% всех запасов очищенных нефтепродуктов. Запасы авиационного бензина составляли 4,2 млн. баррелей. Под контролем флота находилось 60% авиационного бензина. Наличного резерва в 43 млн. баррелей должно было хватить по намеченной норме потребления на два года, в течение которых японское правительство надеялось обеспечить свободный доступ к нефтяным ресурсам Голландской Индии, а также значительно развить свое производство синтетического горючего [70, с. 132—134].

В 1942 г. в Голландской Индии и других захваченных странах было добыто 25,9 млн. баррелей нефти, а ввезено в Японию нефти и очищенных нефтепродуктов из южной зоны всего лишь 10,5 млн. баррелей, 15,4 млн. баррелей нефти или очищенных нефтепродуктов было потреблено японскими вооруженными силами в районах добычи и переработки, а также утрачено в ходе военных действий [70, с. 140].

Производство алюминия в Японии также находилось в полной зависимости от импорта бокситов. В 1942 г. в страну было

ввезено 450 174 т бокситов (в 1941 г. — 14 674 т), в том числе из Палау — 103 907 т, из Бинтана — 274 449 т, из Джохора и Малакки (Малайя) — 55 831 т, из Индокитая — 15 947 т [70, с. 149].

Японское военно-политическое руководство, готовясь к нападению на Советский Союз, которое предполагалось осуществить летом 1942 г., вело подготовку к эксплуатации ресурсов Советского Дальнего Востока и Сибири. Зимой 1941/42 г. были уточнены планы колонизации советских территорий. Разработанная Японским институтом тотальной войны программа колонизации предусматривала введение военной администрации, принудительное использование советских людей на шахтах и рудниках для добычи сырья, необходимого для японской военной промышленности, переселение в Сибирь японских колонистов [139, с. 196].

Весной 1942 г. по указанию премьер-министра генерала Тодзио и командующего Квантунской армией генерала Умэдзу в район Южных морей выехала группа офицеров во главе с начальником 5-го отдела штаба Квантунской армии (разрабатывавшего планы колонизации восточной части СССР) генерал-майором Икэда Сумихася для изучения и обобщения опыта колонизации оккупированных японскими войсками территорий и возможности использования этого опыта на территории Советского Дальнего Востока и Сибири [139, с. 196].

Японское правительство выделяло из государственного бюджета львиную долю средств на военные расходы. В 1941 г. на военные нужды было ассигновано 16 542 млн. иен, или 75,6% расходной части бюджета, в 1942 г. — 24 406 млн. иен, или 80,3% расходной части бюджета [173, т. 4, с. 266].

Продолжительность рабочего дня в 1942 г., по официальным данным, составляла 12—13 часов [260, 21.V.1944]. В марте 1942 г. по настоянию дзайбацу был введен в действие новый закон о трудовой повинности мужчин и женщин с 12 до 70 лет, создающей для рабочих в условиях капиталистического государства, используя выражение В. И. Ленина, «военную каторгу или военное рабство» [2, т. 34, с. 188]. Количество рабочих, мобилизованных в военную промышленность, стало быстро расти и к концу 1942 г. составило 623,3 тыс. (в 1941 г. — 311,7 тыс.) [57, т. 3, с. 324].

Для рабочих, мобилизованных в промышленность, были созданы каторжные условия труда, равносильные условиям военной тюрьмы. Они жили в общежитиях под контролем жандармов и полицейских. Над ними постоянно висела угроза наказания и лишения пайка. Продолжительность рабочего дня и размер заработной платы устанавливались в значительной степени произвольно самими предпринимателями [57, т. 3, с. 324].

В наиболее жестокой форме осуществлялась принудительная эксплуатация рабочих, вывезенных из колоний, и военно-

пленных. Эта категория рабочих использовалась главным образом на работах в шахтах и рудниках. Они жили за железными решетками под надзором жандармов и полицейских, им всегда угрожала плеть надсмотрщика. По мере расширения войны труд колониальных рабочих использовался во все больших масштабах. Так, в 1942 г. число корейских рабочих в Японии достигло 112 тыс. (в 1941 г. — 53,4 тыс.) [57, т. 3, с. 324].

С помощью всех этих мер правящие круги Японии добились значительного увеличения выпуска промышленной продукции: добычи железной руды, выплавки чугуна, стали, алюминия и меди, производства станков и судов.

В 1942 г. в Японии было добыто 2532 тыс. т железной руды (в 1941 г. — 1614 тыс. т), кроме того, было ввезено 4880 тыс. т (в 1941 г. — 5058 тыс. т), в целом же японская промышленность получила 7412 тыс. т железной руды [70, с. 116]. Динамика показателей по основным видам сырья для военного производства приводится в табл. 11.

Таблица 11

*Производство чугуна и стали в Японии и на захваченных ею территориях континентальной Азии, 1941—1942 гг. *, тыс. т*

Год	Чугун			Сталь в слитках			Сортовая сталь		
	метрополия	континент	итого	метрополия	континент	итого	метрополия	континент	итого
1941	4198	1759	5957	6837	730	7567	5120	445	5565
1942	4306	2070	6376	7009	995	8004	5166	508	5674

* [70, с. 127].

Однако в стране ощущалась нехватка стратегического сырья для промышленности вследствие трудностей ввоза его с захваченных на юге территорий. Так, в 1942 г. было ввезено в общей сложности 1514 тыс. т вместо запланированных 2512 тыс. т [142, т. 33, с. 559].

Тем не менее рост выплавки стали и других металлов и сокращение отпуска их для гражданских отраслей промышленности позволили обеспечить в основном потребности военной промышленности и увеличить производство оружия и боевой техники (табл. 12).

Военным производством в 1942 г. было занято 534 завода, в том числе 63 самолетостроительных, 17 танковых, 34 автомобильных, 29 артиллерийских, на которых работало 1 020 061 человек [142, т. 9, с. 587].

Как видно из табл. 12, наиболее значительно увеличился

Таблица 12

*Производство основных видов вооружения,
боеприпасов и боевых кораблей,
1941—1942 гг. **

	1941 г.	1942 г.
Танки, тыс.	1,02	1,16
Самолеты, тыс.	6,17	10,18
Орудия**, тыс.	2,93	4,63
Винтовки, тыс.	729,39	440,00
Пулеметы, тыс.	24,66	36,92
Боеприпасы, тыс. т	52,33	67,46
Боевые корабли***.	48 (200 860)	59 (230 724)

* [174, с. 278—279].

** В том числе полевые, зенитные и корабельные.

*** В таблицу не включены корабли вспомогательного назначения, десантные баржи и суда, построенные в Маньчжурии и Корее. В скобках — общий тоннаж построенных судов.

выпуск боевых кораблей, самолетов, полевых орудий и пулеметов. Сравнительно небольшое производство танков объясняется особенностями театров военных действий и слабой промышленной базой. В связи с преимущественно морским характером войны особое внимание уделялось строительству военных кораблей. В 1942 г. было построено 38 боевых кораблей основных классов, в том числе линкор, 4 авианосца, 2 эскортных авианосца, легкий крейсер, 10 тяжелых эсминцев, 14 подводных лодок класса «И» и 6 класса «Ро» и «Ха» (в 1940 г. было построено 14, а в 1941 г. — 23 боевых корабля основных классов). Кроме того, вышел из капитального ремонта 1 крейсер («О») [181, с. 312—318].

Строительство военных кораблей осуществлялось на четырех главных военных верфях: в Иокосука, Курэ, Сасэбо и Майдзуру (пятой военной верфью в Оминато пользовались только для ремонтных работ), которые выполняли значительную кораблестроительную программу. Кроме того, использовались 49 коммерческих верфей. Наибольшей производительностью обладала военная верфь в Курэ и коммерческая верфь фирмы Мицубиси в Нагасаки, на долю которых приходилось свыше 30% тоннажа новых военных кораблей [70, с. 258].

Военно-политическое руководство Японии прилагало значительные усилия для увеличения строительства торговых судов. Несмотря на рост их выпуска, судостроительная промышленность не смогла обеспечить потребности страны в связи с большими потерями торгового флота. С декабря 1941 г. по декабрь 1942 г. тоннаж японского торгового флота сократился с 5472 тыс. до 4585 тыс. бр.-рег. т [184, с. 643—644]. С учетом

захваченных и поднятых затонувших судов тоннаж торгового флота Японии составил свыше 6 млн. бр.-рег. т [70, с. 272]. Стремясь компенсировать потери, японское правительство направляло в судостроение ассигнования, рабочую силу и металл за счет «мирных» отраслей промышленности, в первую очередь текстильной, которая в период войны из года в год сокращала выпуск продукции, а также химической, пищевой и некоторых других отраслей [174, с. 263]. Изменение соотношения общего промышленного производства и военного производства в 1941—1942 гг. видно из следующих данных (средний уровень производства 1935—1937 гг. = 100) [174, с. 259]:

Год	Общее промышленное производство	Военное производство
1941	169,4	1240
1942	142,7	1355

Таким образом, индекс общего уровня промышленного производства в 1942 г. по сравнению с 1941 г. сократился на 26,7 пункта, в то время как индекс военного производства возрос на 115 пунктов.

Сельское хозяйство Японии с самого начала не могло удовлетворить потребности страны в продовольствии. Низкая производительность сельского хозяйства была обусловлена социальным характером японского землевладения. Переплетение феодальных форм и методов эксплуатации японских крестьян с развитыми капиталистическими отношениями в значительной мере сдерживало развитие производительных сил сельского хозяйства. Во время войны усилился процесс концентрации земель в руках помещиков и кулаков, возросла арендная плата. Помещики и японские монополии стремились увеличить вложения в доходные предприятия, выпускающие военную продукцию, поэтому особенно усилили эксплуатацию арендаторов. Японское крестьянство все более нищало, страдая как от помещичьего гнета, так и от дальнейшего усиления налогового бремени и ростовщической задолженности [100, с. 525]. В этих условиях организованное в стране движение за увеличение сельскохозяйственного производства и вступившая в действие система снабжения не могли решить проблему.

Один из путей решения продовольственной проблемы правящие круги видели во ввозе риса из оккупированных стран. Для увеличения площадей под продовольственными культурами японские оккупационные власти ввели принудительную разверстку рисовых посевов за счет других культур: уничтожались сады и парки в Таиланде и на Филиппинах, сокращались размеры каучуковых плантаций в Малайе, кофейных — на Яве и сахарного тростника — на Филиппинах. Широко практиковалось уничтожение целых лесных массивов для создания новых полевых участков [100, с. 524]. После сбора урожая рис скупался

японскими властями по ценам в несколько раз меньшим, чем рыночные [94, с. 319].

Однако выкачка риса из оккупированных территорий не давала больших результатов вследствие трудностей с транспортировкой продовольствия в Японию, все возраставших по мере развертывания военных действий. Так, в 1942 г., по предварительным подсчетам, правительство рассчитывало получить 73 367 тыс. коку риса (коку — 150 кг), включая 9 млн. коку, которые Япония должна была вывезти из Кореи и с Тайваня. Потребность же риса исчислялась в 80 849 тыс. коку, т. е. уже в первый год войны нехватка составляла 7500 тыс. коку [57, т. 3, с. 329].

В результате продовольственное положение трудящихся масс Японии ухудшалось. Уже к февралю 1942 г. система нормированного распределения риса была распространена на всю страну. Лица, отнесенные к общей категории, получали по карточкам продукты, по калорийности удовлетворявшие лишь 55% потребности. Уже в 1942 г. была введена частичная замена риса в пайке пшеницей, ячменем [70, с. 342—346].

В еще более тяжелом положении оказалось население оккупированных Японией стран. Японские власти проводили массовые мобилизации рабочих и крестьян захваченных территорий на военное строительство, шахты и рудники. Насильственно мобилизованные рабочие и крестьяне трудились без оплаты, с выдачей мизерного пайка. Например, паек мобилизованного рабочего в Индонезии составлял в день не более 50 г неочищенного риса [40, т. 10, с. 516].

Налоги, принудительные военные займы отнимали у трудящихся более половины их заработка. Так, в Корее (в г. Сеуле) налоги выросли с 1934 по 1943 г. почти в 40 раз. На месячную заработную плату служащий мог купить лишь 4—5 кг риса [40, т. 10, с. 507].

Характерными чертами милитаризации внутрисполитической жизни Японии в этот период являлось использование военной и дзайбацу побед японских вооруженных сил для укрепления своих политических позиций.

Как уже отмечалось, победы японской армии и флота над войсками Соединенных Штатов и Англии породили в Японии бурный рост милитаристских и шовинистических настроений среди населения и создали условия для дальнейшего укрепления позиций фашистской военщины в общественно-политической жизни страны. В конце января 1942 г. кабинет Тодзио решил, что настал благоприятный момент для создания нового парламента, еще более послушного воле правительства. Подготовка к новым парламентским выборам, назначенным на 30 апреля, проходила под руководством Ассоциации помощи трону, выдвинувшей подавляющее большинство кандидатов в депутаты и обеспечившей их избрание. Фактическое руководство избира-

тельной кампанией принадлежало военному управлению военного министерства, возглавлявшемуся ближайшим помощником Тодзио генералом Муго.

Во время выборов кабинет Тодзио взял в свои руки контроль за выдвижением кандидатов. Пригласив представителей от обеих палат парламента, от Ассоциации помощи трону, Союза резервистов и других, им подобных организаций, а также от финансовых и журналистских кругов, правительство поручило им создать орган для выдвижения кандидатов. Этот орган — Совет политической структуры помощи трону, председателем которого стал бывший премьер-министр генерал Абэ Нобуюки, выдвинул 466 кандидатов [57, т. 3, с. 290].

Новый состав парламента стал еще более милитаристским и реакционным. Примерно 82% депутатов нижней палаты (381 человек) было избрано по рекомендации Ассоциации помощи трону [154, с. 425].

20 мая 1942 г. правящие круги Японии создали Политическую ассоциацию помощи трону (ПАПТ), в которую вошли как ряд депутатов парламента, так и значительное число деятелей, не являвшихся депутатами. Во главе ПАПТ был поставлен генерал Абэ. В числе учредителей ПАПТ главную роль играли представители дзайбацу и военщины. Из 187 учредителей ПАПТ, не являвшихся депутатами парламента, было 10 генералов и адмиралов и 63 человека — прямые представители дзайбацу [272, 20.V.1942]. Руководящим органом ПАПТ являлся комитет в составе 29 человек: по 12 представителей от каждой палаты парламента и 5 не являвшихся членами парламента [173, т. 3, с. 207].

В июне 1942 г. военно-политическое руководство Японии провело реорганизацию Ассоциации помощи трону. Все массовые движения, руководимые до этого министерствами внутренних дел, просвещения, сельского хозяйства и лесоводства, промышленности и торговли и др., были объединены и поставлены под контроль Ассоциации. Так Ассоциация стала осуществлять руководство обществами служения отечеству через производство, обществами служения отечеству через торговлю, лигами служения отечеству через сельское хозяйство, обществами служения отечеству через морской транспорт, Патриотическим женским союзом великой Японии, Молодежной партией великой Японии, ассоциациями городов и поселков. Ассоциация взяла в свои руки организацию различных массовых кампаний, в частности таких, как кампании за реформу системы выборов, за увеличение денежных вкладов, за сбор металлолома и бережливость в использовании материальных ценностей, за покупку облигаций займов. Под руководством Ассоциации поселковые и сельские ассоциации, а также соседские группы установили свой контроль над населением, руководя распределением жизненно важных продуктов потребления [57, т. 3, с. 294—295].

С целью усиления своего политического влияния среди трудящихся Ассоциация создавала на предприятиях организации зубатовского типа — «общества промышленного служения отечеству».

В то же время происходит процесс более полного приспособления государственного аппарата в центре и на местах, а также созданных всякого рода ассоциаций «помощи трону» к нуждам войны. Все шире используются для этой цели «соседские общины». Кроме распределения предметов первой необходимости, принудительной подписки на военный заем, принудительных вкладов, сбора металлолома на «соседские общины» стали возлагать всё новые и новые обязанности — такие, как разверстка трудовой повинности, посещение храмов, митингов, проводы солдат на фронт, обеспечение участия жителей «общин» в учениях по противовоздушной обороне, обучение военному делу и т. п. [70, с. 289].

Происходило дальнейшее приспособление внешней политики Японии к нуждам ведения войны. Усилия дипломатии Токіо были направлены на укрепление союзнических отношений с Германией и Италией и расширение блока марионеточных государств под эгидой Японии, названного «сферой сопроцветания Великой Восточной Азии».

11 декабря 1941 г. правительство Тодзио заключило с Германией и Италией пакт, согласно которому три страны обязались совместно вести войну против США и Великобритании до конца, не заключая сепаратного мира, а после победы осуществлять тесное сотрудничество [169, с. 140—141]. Премьер-министр Японии, выступая в связи с подписанием пакта, выразил уверенность в неизбежности победы японо-германо-итальянской коалиции [260, 13.XII.1941].

Заключение пакта от 11 декабря 1941 г. свидетельствовало о единстве внешнеполитических целей агрессивного блока, о стремлении милитаристско-фашистских стран установить реальную координацию всех своих сил в новых условиях войны и организовать действия участников пакта по единому плану [43, с. 88].

Вслед за этим, 18 января 1942 г., было подписано военное соглашение между тремя странами, предусматривавшее раздел сфер действий их вооруженных сил. По этому соглашению в сферу действий Японии отошли все территории и воды к востоку от 70° в. д., включая бассейн Тихого океана, Австралию, часть Американского континента, а также Западную Сибирь, Забайкалье и другие восточные территории СССР [26, д. 119/3, л. 41].

В разделе соглашения, названном «Генеральный оперативный план», было указано, что Япония, действуя одновременно с Германией и Италией против Англии и США, будет проводить операции в районе Южных морей и на Тихом океане. В случае,

если американский и английский флоты будут в больших масштабах концентрироваться в Атлантическом океане, японское правительство обязалось активизировать действия своего флота на Тихом океане и послать часть военно-морских сил в Атлантику для действий там непосредственно совместно с германским и итальянским флотами [26, д. 119/3, л. 42].

Соглашение предусматривало также военное сотрудничество в области планирования военного производства, взаимной информации, установления воздушных коммуникаций, открытие морских линий и морских перевозок через Индийский океан, а также в области ведения психологической войны [26, д. 119/3, л. 43—44].

Так как военное соглашение от 18 января 1942 г. включало в сферу действий Японии восточную часть СССР, фашистская Германия предпринимала настойчивые попытки побудить Японию напасть на Советский Союз летом 1942 г., что, по ее мнению, в значительной мере смогло бы облегчить наступление на советско-германском фронте. 15 мая 1942 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп телеграфировал японскому правительству: «Без сомнения, для захвата сибирских приморских провинций и Владивостока, так жизненно необходимых для безопасности Японии, никогда не будет настолько благоприятного случая, как в настоящий момент, когда комбинированные силы России предельно напряжены на европейском фронте» [26, д. 275, л. 284].

Отдавая должное позиции Японии, сковывавшей советские Вооруженные Силы на востоке, Риббентроп указывал, что тем самым она облегчает «бремя» Германии, поскольку «Россия во всяком случае должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского конфликта». В качестве альтернативы министр иностранных дел Германии предлагал японскому правительству предпринять наступление «на Индию или Австралию, чтобы действительно участвовать в совместном ведении войны» [73, с. 378].

Предложения немецко-фашистского руководства о вступлении Японии в войну с Советским Союзом и совместном наступлении на Индию встретили в Токио благоприятный отклик. Несмотря на неудачи немецко-фашистских войск на советско-германском фронте зимой 1941/42 г., правительство Тодзио продолжало делать ставку на победу Германии, рассчитывая использовать ее в своих собственных интересах. В Токио надеялись, что решающая победа Германии летом 1942 г. откроет Квантунской армии дорогу на Советский Дальний Восток и Сибирь, а в случае успеха наступления немецко-фашистских войск на юге и прорыва их на Кавказ, в Иран и далее на восток создадутся благоприятные условия для захвата Индии. Однако высшее военно-политическое руководство Японии не желало рисковать и воздерживалось от принятия решения до получения

данных о результатах германского наступления на советско-германском фронте.

Императорская Ставка внимательно наблюдала за ходом германского наступления. Тот факт, что наступление началось на фронте в 500 км и лишь на юге, не вызвал энтузиазма у японского командования. Оно понимало, что германское наступление носит ограниченный характер и вряд ли достигнет решающих целей, а следовательно, война может принять затяжной характер. «Квантунская группа» в высшем военно-политическом руководстве именно поэтому настаивала на войне против Советского Союза. Но, по японским данным, на Советском Дальнем Востоке было сосредоточено 23 дивизии, около 1200 самолетов и 1300 танков [26, д. 229, л. 318], и поэтому Ставка, помня уроки Халхин-Гола и учитывая степень сопротивления Советской Армии на Западе, опасалась неудачи. В то же время японскому командованию казался заманчивым захват Индии, представлявшийся не столь трудным. Поэтому в Токио выжидали, наблюдая за ходом событий и взвешивая все «за» и «против».

В этот период немецкие войска вели ожесточенные бои на правом берегу Дона. 25—27 июля 1942 г. советские войска нанесли контрудары по 6-й немецкой армии, пытавшейся прорваться к Сталинграду, и остановили наступление врага. В полосе Сталинградского фронта наступило временное затишье [58, т. 5, с. 162]. Этот факт произвел соответствующее впечатление на Токио. 27 июля Осима получил от министра иностранных дел Японии Того телеграмму, в которой говорилось: «В настоящее время признается нецелесообразным ослабить давление на Англию и Америку и открыть военный фронт на Севере» [184, с. 393—394].

В августе 1942 г., когда в Токио получили информацию о наступлении немецко-фашистских войск в горах Кавказа, Тодзио посетил германского посла Отта и военного атташе Кречмера, чтобы прозондировать, сумеет ли вермахт прорваться через Кавказ в направлении Индии. Он высказал пожелание, чтобы германская армия продвинулась до Адена и Басры, а японская — через Бирму в Индию и на Цейлон с таким расчетом, чтобы граница сфер интересов двух стран в соответствии с соглашением от 18 января 1942 г. пролегла по 70° в. д. [58, т. 5, с. 103]. Таким образом, к Японии отошла бы почти вся территория Индии по линии западнее Карачи и восточнее Ахмадабада. Касаясь японо-советских отношений, японский премьер-министр подчеркнул, что Япония является «смертельным врагом СССР», а Владивосток представляет для нее угрозу с фланга, устранить которую будет возможно в ходе советско-германской войны [58, т. 5, с. 103].

Однако японские планы были сорваны Советской Армией. Остановив немецко-фашистские войска у Волги и в предгорьях

Кавказа, она заставила японское командование отказаться от нападения на СССР и наступления на Индию.

Весною и летом 1942 г. в Токио предпринимали также шаги по укреплению военно-экономического сотрудничества с Германией. К 9 мая японский посол в Берлине совместно с Риббентропом подготовил текст соглашения, определивший основу экономических отношений между двумя странами на базе Тройственного пакта. Япония предоставляла Германии ценное сырье. Отдельные немецкие суда, прорывая блокаду, доставляли из Японии и оккупированных ею территорий олово, каучук. Между двумя странами осуществлялся обмен военными изобретениями. Летом 1942 г. в Токио прибыли немецкие военные специалисты, оказавшие помощь японским инженерам в усовершенствовании производства вооружения, в монтаже радарных установок и в организации противовоздушной обороны Японии [43, с. 94].

Активно сотрудничали японские и германские разведывательные органы, обмениваясь важной информацией о Советском Союзе и его Вооруженных Силах. Так, в июне 1942 г. японцы передали в Берлин сведения о концентрации советских войск в районе западнее Тамбова и около Волги, в октябре немцы получили информацию о передвижении советских войск и о резервах в районе Кавказа, в августе — данные о ежемесячном производстве бронеснаряжения [73, с. 381].

Все это время японская военщина организовывала различные провокации в отношении СССР, чтобы создать предлоги для вступления в войну против него, если правящие круги Японии примут такое решение. В 1942 г. японские самолеты 82 раза нарушали советскую границу [26, д. 275, л. 172—173]. Японцы устраивали провокационные инсценировки с вылавливанием советских мид, которые якобы приносят убытки японским рыбопромышленникам [73, с. 382]. Весной 1942 г. японское правительство инспирировало антисоветскую кампанию в прессе в связи с вынужденной посадкой на советской территории 18 апреля американского самолета. Токио стал требовать от СССР мер для предотвращения подобных случаев [170, с. 32]. Это лишь некоторые факты, свидетельствующие о намерениях японцев в отношении Советского Союза.

Важным направлением внешнеполитической деятельности японского правительства являлись попытки создания военно-политического блока путем включения в него марионеточных государств, создаваемых японцами в Юго-Восточной Азии в районе Южных морей по типу Маньчжоу-Го. Таким путем Япония рассчитывала дезорганизовать и ослабить народное сопротивление в этих «государствах», создать для себя социальную опору в них, главным образом за счет феодально-помещичьей и буржуазно-компрадорской верхушки, и использовать их ресурсы для ведения войны.

В качестве примера можно привести Таиланд, который Япо-

ния всемерно стремилась привязать к военной колеснице фашистского блока. 21 декабря 1941 г. Япония заключила с Таиландом договор «о дружбе», предусматривавший оказание военной, экономической и политической помощи в случае конфликта с третьим государством, отказ от заключения сепаратного перемирия или мира в случае вступления в войну. 25 января 1942 г. правительство Таиланда объявило войну Соединенным Штатам и Великобритании [43, с. 35—36; 173, т. 4, с. 239]. В апреле 1942 г. в Токио была приглашена тайландская миссия, с которой велись переговоры относительно участия тайландской армии в военных действиях на стороне Японии. Летом того же года в Бангкок прибыла японская делегация во главе с Хирота Коки с целью установления более тесного сотрудничества с Таиландом. Укрепление отношений между Японией и Таиландом проявилось в назначении в конце июня посла Таиланда в Маньчжоу-Го, в признании правительством Пибунсонграма ванцинвэевского режима, в заключении 11 июля 1942 г. в Сайгоне соглашения о демаркации тайландо-индокитайской границы. Тайландские вооруженные силы были фактически подчинены командованию японской армии, в этой стране начал создаваться «национальный корпус обороны» для оказания военной помощи Японии [43, с. 56].

В Токио принимали меры для укрепления отношений с вишистскими властями Индокитая, стремясь привлечь их войска для «обороны» и обеспечить увеличение вывоза оттуда военно-стратегического сырья и продовольствия. С этой целью 9 декабря 1941 г. было подписано соглашение «О совместной обороне», а 18 июля 1942 г. — торговое соглашение [278, VIII, с. 1266].

С целью координации усилий стран индокитайского полуострова в интересах японских милитаристов правительство Тодзио организовало 7 августа 1942 г. в Бангкоке совещание представителей Японии, Таиланда и Индокитая [43, с. 54].

В Бирме, Малайе, Голландской Индии и на Филиппинах японское правительство создало органы местного самоуправления, в которые включились представители помещичье-буржуазных кругов этих стран, проводившие в жизнь указания японских военных властей. Оккупированным японскими властями странам, сотрудничавшим с Японией в построении «сферы процветания», премьер-министр Тодзио обещал «независимость по типу Маньчжоу-Го» [204, с. 28—29].

В Бирме во главе местного самоуправления японцы поставили известного буржуазного деятеля Ба Мо, на Филиппинах — бывшего секретаря президента Кэсона — Варгаса, опиравшегося на видных деятелей партии «Националист». На о-ве Ява японские военные власти использовали для организации местного самоуправления созданную ими организацию «Культурное движение Явы» [43, с. 53].

Мероприятия по созданию блока марионеточных государств

проводились в жизнь в основном военными властями Японии с участием министерства иностранных дел. 1 ноября 1942 г. по инициативе Тодзио, невзирая на возражения министра иностранных дел Того, в составе правительства было создано министерство по делам Восточной Азии. Новое министерство было призвано ускорить превращение оккупированных японцами стран в колониальные владения Японии [57, т. 3, с. 298—299].

Правящие круги Японии широко использовали начало войны и первые победы японских вооруженных сил на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии для разжигания шовинистических настроений и пропаганды паназиатизма среди населения метрополии и народов захваченных стран. Пропагандистский аппарат Японии держал в постоянном напряжении население страны, сообщая под звуки фанфар о победах японских войск, передавая обращения императора и правительства к японскому населению, а также к народам азиатских стран с призывом «объединиться во имя создания сферы сопроцветания в Великой Восточной Азии».

Уже в первый день войны Ставка в 6 часов утра сообщила о ее начале, в 11.40 — об атаке Гонконга, в 11.50 — о высадке десанта в Малайе, в 13.00 — о бомбардировке Сингапура, в 17.00 — о большом воздушном налете на Филиппины, в 20.45 — о потрясающем успехе нападения на Перл-Харбор. Под звуки марша военно-морского флота сообщения передавала военная радиостанция. В кинотеатрах и в театрах после 19.00 в середине каждого часа прерывался просмотр и сообщались новости и указания генерала Тодзио. Для восхваления побед японских вооруженных сил использовались все синтоистские, буддийские, а также христианские храмы [173, т. 4, с. 166].

По мере развертывания военных действий основные усилия органов идеологической обработки населения Японии были направлены на пропаганду успехов ее вооруженных сил в войне против США и Англии и доказательство на этой основе «превосходства» японской расы, императорского строя и «непобедимости» императорской армии. Для прославления агрессивной войны широко использовались писатели и работники культуры. 24 декабря 1941 г. начал функционировать патриотический союз литераторов. Правительство и руководство реакционных организаций принимали меры для популяризации среди населения Японии новых книг, восхвалявших «непобедимое японское воинство». Информационное управление, например, рекомендовало широко распространить среди читателей повесть Ивата Томио «Морской флот» (о жизни личного состава ударного соединения, совершившего нападение на Перл-Харбор), поощряло постановку пьес на «патриотические» темы таких писателей, как Кикиути Кан, Кумэ Масао, Сато Харуо, писавших свои произведения на материалах, предоставленных им военным и морским министерствами [57, т. 3, с. 343, 349]. В начале 1942 г. была вве-

дена система регистрации режиссеров и артистов, организована единая японская кинопрокатная компания «Синкэйся дайэй», принявшая активное участие в восхвалении войны. Фирмы, занимавшиеся экспортом фильмов, были объединены в одну — «Тайкоку эйга». На экранах появилось много документальных фильмов, прославлявших победы японских вооруженных сил на юге, например «Божественные солдаты небес» (о захвате Индонезии), «Хроника боев в Малайе», «Хроника боев в Бирме» и др. [42, с. 26]. Одновременно по рекомендации министерства просвещения демонстрировались художественные фильмы, призванные воспитывать у населения «патриотизм», в частности такие, как «Морские сражения у Гавайских островов и Малайского архипелага», признанный лучшим военно-пропагандистским фильмом года [171, т. 2, с. 90].

Этот фильм является наиболее характерным среди кинопроизведений периода войны, пропагандирующих милитаризм. Он начинается титрами: «Создан при поддержке министерства военно-морского флота по проекту информационного отдела главного штаба военно-морского флота», «Продюсеры посвящают фильм тем, кто защитит отечество от англосаксонского духа».

Содержание фильма — пропаганда успехов японского флота; воспевание солдат, матросов и офицеров, ставящих превыше всего свой долг перед императором; распространение идей патернализма путем показа офицеров не только как строгих и требовательных командиров, но и как заботливых отцов солдат.

Кинематограф выпускал также фильмы, призванные вызывать ненависть к американцам и англичанам. К ним относится, например, кинолента «За вами охотятся!», показывающая, как американские агенты якобы пытаются распространить в Японии смертоносные бактерии [42, с. 39].

Одновременно с этим принимались меры по установлению строгого контроля властей над печатью, кино и устными выступлениями. 9 декабря 1941 г. отдел печати Управления безопасности довел до сведения издателей директиву, определявшую «вопросы, не подлежащие освещению в печати». В директиве строго предписывалось воздерживаться от опубликования материалов, «искажающих истинные цели войны и клеветующих на справедливые действия империи, извращающих обстоятельства, при которых началась война, возбуждающих в народе антивоенные настроения», материалов, которые «культивируют мирные настроения», и «любых утверждений, ведущих к нарушению общественного спокойствия в тылу». В то же время директива предписывала органам печати «настойчиво подчеркивать, что настоящую войну против США и Англии Япония была вынуждена начать с целью сохранения империи и обеспечения ее авторитета, усиленно распространять не только тезис о том, что военная обстановка складывается в пользу нашего государства, но и о том, что мы обладаем абсолютным превосход-

ством над противником, воспитывать готовность выдержать длительную войну» [57, т. 3, с. 339—340].

На 78-й сессии парламента был принят закон «О чрезвычайном контроле за словом, печатью, собраниями, организациями», еще более способствовавший идеологической обработке населения в угодном японским милитаристам духе.

Несмотря на существование пакта о нейтралитете с Советским Союзом, правящие круги Японии развернули антисоветскую пропаганду. В печати и по радио раздавались призывы включить восточную часть СССР в «сферу процветания». Так, например, в газете «Джэпэн Таймс энд Адвертайзер» была опубликована статья с заголовком «Марш Великой Восточной Азии», в которой содержались призывы присоединить Восточную Сибирь к «сфере процветания» [43, с. 62], а в книге генерала Иноуэ Итидзи «Управление северным районом сферы процветания Великой Восточной Азии», изданной в 1942 г., автор утверждал, что Советский Союз якобы издавна угрожал Японии, и призывал побыстрее установить «новый порядок» в северном районе Азии [146, с. 3].

Японские пропагандисты, изображая войну как необходимый акт самозащиты Японии, стремились в то же время доказать выгоду войны для всего населения страны, в том числе и для рабочего класса. Так, профессор Сакимура в книге «Новый порядок японской экономики» писал: «Дешевизна рабочей силы в Японии была обусловлена нехваткой сырья. С захватом территорий, богатых сырьем, что является справедливым актом со стороны Японии, можно будет полнее удовлетворять потребности рабочих» [231, с. 13]. Для милитаристского воспитания рабочих — членов Ассоциации промышленного слушания отечеству использовались часто организуемые собрания на предприятиях. Рабочих заставляли выслушивать на собраниях пропагандистские речи членов «патриотических» обществ и правительственных чиновников. Наградой за посещение собраний являлась порция пива или сакэ [70, с. 289].

В идеологической обработке населения правящие круги Японии особое внимание уделяли молодежи. Милитаристская пропаганда велась в молодежных клубах, в школах [145, с. 35—36], колледжах и университетах. Ею занималась под руководством министерства просвещения многотысячная армия учителей, а также профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений [281, 1948, с. 474].

На захваченных территориях наряду с пропагандой успехов вооруженных сил японское командование и администрация распространяли идеи панasiatизма, стремясь убедить население в якобы освободительном, гуманном характере войны. Народы оккупированных территорий призывались участвовать в создании «сферы процветания Великой Восточной Азии», несущей будто бы народам благополучие, счастье и свободу. В Корее

и Маньчжурии японская пропаганда подчеркивала, что эти страны наряду с Японией будут основой «сферы».

Специалисты по идеологической обработке населения оккупированных территорий из Информационного управления и их коллеги из Общества служения отечеству через литературу прилагали большие усилия для привлечения к активной пропаганде писателей стран «сферы сопроцветания». 3 ноября 1942 г. в Токио был созван «съезд писателей Великой Восточной Азии», который три дня обсуждал «проблемы формирования духа Великой Восточной Азии», «способы распространения идеологии и культуры через литературу», «способы мобилизации сил на завершение войны в Великой Восточной Азии через литературу» и другие подобные вопросы.

Правящим кругам и органам пропаганды Японии вначале удалось посеять иллюзии у некоторой части населения оккупированных районов относительно действительных целей японской политики и добиться поддержки ею деятельности оккупационных властей. Однако военно-каторжный режим, установленный командованием японских войск на оккупированных территориях, разоблачал пропагандистские тезисы милитаристской Японии. Победы Советской Армии на советско-германском фронте развеяли миф о непобедимости фашистского блока. Военно-стратегическое положение Японии усложнялось. Поэтому, учитывая рост антияпонского освободительного движения, командование японских войск стало делать главный упор на пропаганду предоставления «независимости» по типу Маньчжоу-Го «освобожденным от западных колонизаторов странам» и создание восточноазиатского блока таких стран. Пропаганда «решения» правительства о предстоящем предоставлении «независимости» оккупированным странам обманула часть населения этих стран и задержала в определенной степени развитие национально-освободительной борьбы народов оккупированных стран, однако остановить ее правящие круги Японии были не в состоянии.

К концу 1942 г. наблюдается усиление недоверия японских народных масс и населения оккупированных стран к органам пропаганды Японии [139, с. 208].

НАЧАЛО КРИЗИСА ЯПОНСКОГО МИЛИТАРИЗМА
В ОБСТАНОВКЕ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
(НОЯБРЬ 1942 г.— 1943 г.)

Милитаризация страны, увеличение выпуска вооружения и удлинение рабочего дня, расширение использования женского и детского труда позволили правящим кругам Японии в 1943 г. увеличить численность сухопутных войск с 2400 тыс. до 3100 тыс. человек и военно-морского флота с 429 тыс. до 708 тыс. человек [167, с. 259]. Командование армии сформировало 11 пехотных и 2 авиационные дивизии. К концу года Япония имела 73 пехотные, 3 танковые и 8 авиационных дивизий. В течение года были созданы: Бирманский фронт (28-я и 38-я армии), 3-й фронт в составе 30-й и 44-й армий (Маньчжурия) и 4-я воздушная армия (о-в Тайвань) [161, с. 403—407].

Командование ВМФ, несмотря на ввод в строй 55 боевых кораблей основных классов, не восполнило потери. Состав флота в 1943 г. сократился с 211 до 208 боевых кораблей основных классов [181, с. 312—318]. В этих условиях значительная часть призванных во флот была направлена в морскую пехоту, базовую авиацию и в части обслуживания военно-морских сил.

С осени 1943 г. японское командование стало уделять серьезное внимание вовлечению корейцев в японские вооруженные силы. В Корее было введено обязательное военное обучение для юношей в возрасте от 17 до 21 года. Мужчины от 22 до 30 лет должны были проходить военное обучение «добровольно». Кроме того, в Корее стали создаваться «студенческие военные формирования» и была введена система «добровольного поступления в военно-морской флот» [93, с. 284].

Увеличились армии и военные формирования марионеточных правительств на оккупированных Японией территориях. Так, в оккупированной части Китая армия нанкинского «правительства» в декабре 1942 г. насчитывала около 500 тыс. человек [58, т. 6, с. 253]. Ванцинзвэевские войска пополнялись в основном за счет перешедших на сторону японцев гоминьдановских войск. Например, в Шаньдуне в апреле — июне на службу к японскому командованию перешло 18 генералов и полковников гоминь-

дановской армии, «сдавших» японцам примерно 22 тыс. солдат и офицеров [107, с. 144].

В Бирме японцы распустили помогавшую им во время захвата страны «Армию обороны» и создали «Национальную армию», которая превратилась, как заявил ее командующий 1 августа 1943 г., в «достаточно хорошо вооруженные силы» [67, с. 113].

Японское командование сформировало из индийцев, проживавших в странах Юго-Восточной Азии, «Индийскую национальную армию» из трех дивизий по четыре бригады в каждой, насчитывавшую к октябрю 40 тыс. человек [58, т. 7, с. 468].

В Индонезии в октябре 1943 г. японцы начали создавать «Добровольческую армию защитников отечества» [26, д. 204, л. 60].

Весной 1943 г. оккупанты приступили к формированию филиппинской армии. В марте 3,5 тыс. филиппинцев дали «клятву верности» японской императорской армии. В конце апреля в Маниле была создана «Лига бывших солдат» численностью 6 тыс., которая приняла решение сотрудничать с японской военной администрацией [43, с. 120].

Создавая и усиливая армии марионеточных государств, японское военно-политическое руководство планировало использовать их для осуществления внешней и внутренней функции милитаризма. Однако в 1943 г. внешнюю функцию милитаризма выполняли вооруженные силы Японии без существенной помощи армий марионеточных государств.

Коренной перелом во второй мировой войне в пользу антигитлеровской коалиции, достигнутый в основном под влиянием побед Советской Армии на советско-германском фронте, особенно в результате выигранных ею сражений под Сталинградом и Курском, резко ухудшил военно-политическое положение Японии.

По мере того как выявлялись масштабы поражения немецко-фашистских армий на советско-германском фронте и усиливалось сопротивление союзных войск на Тихом океане, японская Ставка изменяла оценку военно-политической обстановки и вносила изменения в планы дальнейшего ведения войны. Новые планы ведения войны, принятые в начале 1943 г., предусматривали переход к стратегической обороне. Они включали усиление позиций на Азиатском континенте, укрепление обороны на Тихом океане, особенно на внешних рубежах, а также сохранение готовности к войне против Советского Союза [58, т. 6, с. 274].

Стратегические планы Японии в 1943 г. менялись в значительной степени под влиянием событий, происходивших на советско-германском фронте. Именно поэтому японское военно-политическое руководство так внимательно изучало положение на этом фронте. 1 марта 1943 г. оно послало в Берлин специ-

альную миссию во главе с начальником 2-го отдела генерального штаба армии генералом Окамото Кёфуку для изучения способности Германии к сопротивлению [184, с. 396—398]. Первые донесения этой миссии были неутешительными, что наряду с другими причинами побудило японское командование весной 1943 г. ввести в действие новые планы под условным обозначением «Х» и «У», предусматривавшие переход к стратегической обороне на Тихом океане по линии: о-ва Алеутские, Уэйк, Маршалловы, Гилберта, Науру, Ошен, архипелаг Бисмарка, о-ва Тимор, Ява, Суматра, Никобарские и Андаманские. Особое внимание уделялось удержанию зоны Южных морей, а также Курильских, Марианских и Каролинских о-вов [66, с. 9—11]. Для Квантунской армии был оставлен в силе план «Кан-Току-Эн» [26, д. 196, л. 296], предусматривавший захват Советского Приморья. Флот также был ориентирован на боевые действия в Приморье и на Камчатке, о чем свидетельствовала директива начальника генерального штаба военно-морских сил адмирала Нагано № 209 от 25 марта 1943 г., адресованная командующему Объединенным флотом адмиралу Ямамото. В директиве ставились задачи Объединенному флоту в самом начале войны подавить советскую авиацию в районе Камчатки и южной части Сихотэ-Алиня, затем во взаимодействии с армией внезапным ударом захватить порты Оха, Петропавловск, а в случае благоприятной обстановки — Советскую Гавань. На втором этапе войны ставилась задача овладеть Владивостоком [26, д. 166, л. 7, 18]. Японские милитаристы совершенствовали укрепления на границе с Советским Союзом, продолжали против него враждебные акции. Однако победы Советской Армии на советско-германском фронте и наличие мощной группировки советских войск на Дальнем Востоке сдерживали даже наиболее агрессивно настроенных военных. Тем не менее 18 апреля 1943 г. японский посол в Берлине генерал Осима в беседе с Риббентропом заявил: «В течение последних 20 лет все планы генерального штаба армии разрабатывались для нападения на Россию и все еще предусматривают такое нападение. Если можно будет ожидать успеха в этом направлении, то Япония безусловно предпримет наступление» [26, д. 460/17, л. 272].

В течение весны и лета 1943 г. происходили дальнейшие изменения в соотношении сил на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. К осени военно-морские силы союзников на Тихоокеанском театре уже превосходили силы Японии, сохранившей преимущество лишь в базовой авиации (табл. 13).

После провала наступления немецких войск под Курском японское правительство признало ухудшение военно-стратегического положения Японии. Выступая на 82-й сессии японского парламента, премьер-министр генерал Тодзио заявил, что военная ситуация становится с каждым днем все серьезнее [178, № 6, 1943, с. 788—794].

Таблица 13

*Соотношение сил на Тихоокеанском театре
военных действий к осени 1943 г. **

	Союзные силы	Японские силы	Соотноше- ние сил
Личный состав, тыс.	500	450	1,1:1
Боевые самолеты	2040	2283	1:1,1
Линейные корабли	18	9	2:1
Авианосцы	19	10	1,9:1
Крейсера	40	34	1:2,1
Эсминцы	148	87	1,7:1
Подводные лодки	108	69	1,6:1

* [58, т. 7, с. 442].

Разгром немецко-фашистских войск в Курской битве и выход Италии из войны побудили японское командование внести новые изменения в стратегические планы. 15 сентября Ставка разработала новый курс боевых действий, который после утверждения на императорской конференции 30 сентября вступил в силу под названием «Основные принципы ведения войны». Новый курс предусматривал: организовать «стойкую оборону» на островах Тихого океана и в Бирме и сорвать наступление американских и английских войск; удержать фронт в Китае и усилить давление на гоминьдановские войска; продолжать военные приготовления против СССР, препятствовать укреплению американо-советского блока; предотвратить возникновение войны с Советским Союзом; «на всех направлениях проводить диверсионные действия в глубоком расположении противника» [184, с. 474].

Таким образом, в 1943 г. Япония перешла к оборонительной стратегии, стремясь удержать союзные войска на островах Тихого океана на индо-бирманской границе и укрепить свое положение в Китае. Хотя японские милитаристы окончательно не отказались от планов нападения на Советский Союз, их возможности достичь успеха быстро сокращались, а целесообразность таких акций уменьшалась, учитывая поражение вермахта, растущую мощь СССР и антифашистской коалиции.

Несмотря на неоднократные миротворческие заявления японского правительства и выявившуюся бесперспективность агрессивной политики Японии в отношении СССР, в Токио не хотели отказаться от подрывной деятельности против него. В течение всего 1943 г. японские милитаристы по существу вели необъявленную войну против Советского Союза, нарушая границу, перебрасывая шпионов, вооруженные банды и антисоветскую литературу, производя обстрелы советской территории (табл. 14) [26, д. 275, л. 172—173].

Таблица 14

*Враждебные акты Японии по отношению к СССР,
1942—1943 гг. **

Вид враждебного акта	1942 г.	1943 г.
Нарушение границы японскими военными (подразделениями, группами и в одиночку)	229	414
Нарушение территориальных вод СССР японскими судами	64	123
Задержание советских судов	36	39
Нарушение границы СССР японскими самолетами	82	119
Заброска шпионов на территорию СССР (всего задержано)	222	140
Переброска банд на территорию СССР	—	2
Обстрелы территории СССР, граждан, пограничников, судов	24	24

* [58, с. 461].

Факты, приведенные в табл. 14, свидетельствуют, что по сравнению с 1942 г. количество нарушений советской границы в 1943 г. японскими военными, судами и самолетами увеличилось.

Осуществление внешней функции японского милитаризма в Китае в 1943 г. носило ограниченный характер. Предпринятые японской армией наступление в западной части провинции Хубэй и второе наступление на чунцинском направлении западнее оз. Дунтинху имели целью подкрепить внешнеполитические акции правительства с целью вывода Китая из войны. В обоих случаях японские войска, ведя наступление силами до 100 тыс. солдат и офицеров на сравнительно узком фронте, захватывали часть территории Китая. Однако после подхода крупных соединений гоминьдановских войск и создания ими угрозы на флангах японцы вынуждены были возвращаться на исходные позиции [107, с. 116—121].

Японские вооруженные силы приобрели опыт борьбы за острова, находившиеся на большом удалении от метрополии. Для боевых действий японцев на Тихом океане было характерно сосредоточение основных усилий на юго-восточном направлении при решающей роли военно-морских сил авиации. Опыт борьбы за островные районы показал возросшее значение базовой авиации. Ей принадлежала ведущая роль в крупных столкновениях на море в районе Соломоновых о-вов и Новой Гвинеи. В ходе борьбы в юго-западной части Тихого океана выявилось первостепенное значение господства на море и в воздухе в ост-

ровных районах. Это господство давало возможность прикрывать и поддерживать свои сухопутные войска, доставлять им подкрепление, боеприпасы и продовольствие, срывать перевозки противника. Войска, действовавшие на островах без поддержки авиации и флота, без подкреплений и снабжения, были обречены на гибель [58, т. 6, с. 274—275].

Ход вооруженной борьбы за господство в океанских зонах и овладение островными районами в значительной степени зависел от того, насколько надежно каждая из воюющих сторон могла защитить свои морские коммуникации, по которым осуществлялись воинские перевозки и доставка стратегического сырья. Поэтому защита океанских и морских сообщений огромной протяженности являлась важной проблемой войны на Тихоокеанском и Азиатских театрах. Япония производила перевозки войск, военных материалов и стратегического сырья по океанским и морским линиям общей протяженностью свыше 40 тыс. км. В 1943 г. значительную роль играла защита следующих коммуникаций, связывавших порты метрополии с базами в юго-западной части Тихого океана, где велись наиболее активные боевые действия: Иокогама — Рабаул, Иокосука — о-ва Трук, Рабаул — Гуадалканал, Рабаул — Новая Гвинея. Большое значение для экономики Японии имели и линии доставки в метрополию стратегического сырья из Китая, Индокитая, Филиппин, Голландской Индии: Аньдун — Сасэбо, Шанхай — Сасэбо, Сингапур — Сайгон — Токио, Батавия — Сасэбо, Манила — Осака. Важное место отводилось действиям немецких подводных и надводных судов — блокадопрорывателей, доставлявших наиболее важное стратегическое сырье, в частности каучук, из Японии и оккупированных ею стран Азии в Европу [58, т. 6, с. 265].

В отличие от военно-морского руководства США и Великобритании, которое, учитывая опыт борьбы в Атлантике, считало необходимым создать систему конвоирования своих транспортов и принять специальные меры по нарушению перевозок противника, командование ВМФ Японии полагало, что уничтожение флота противника и достижение господства на море в сочетании с захватом портов явится лучшей формой обеспечения своих коммуникаций и нарушения перевозок противника. Поэтому оно использовало силы флота и авиации, как правило, лишь для конвоирования транспорта при перевозке войск и грузов непосредственно в районах боевых действий [58, т. 6, с. 265—266].

Опыт первого года войны, казалось, подтверждал правильность взглядов японского командования: сосредоточение всех сил для проведения боевых операций позволило ему временно завоевать господство на море и нанести серьезный ущерб судоходству союзных и нейтральных стран. За первые 13 месяцев войны японцы потопили 665 судов общим водоизмещением свыше 1,7 млн. бр.-рег. т и потеряли 214 судов водоизмещением

свыше 1 млн. бр.-рег. т. Захватив и подняв со дна суда общим водоизмещением 560 тыс. бр.-рег. т и введя в строй новые торговые корабли водоизмещением приблизительно 312 тыс. бр.-рег. т, Япония фактически стала располагать бóльшим тоннажем, чем в начале войны. Если 7 декабря 1941 г. на плаву имелось торговых судов водоизмещением около 6 млн. бр.-рег. т, то в конце 1942 г. — свыше 6 млн. бр.-рег. т. Это создавало впечатление внешнего благополучия, если учитывать расчет японского военно-политического руководства на кратковременную войну [58, т. 6, с. 266; 142, т. 46, Прил. 1].

Однако уже осенью 1942 г. стал очевиден его просчет. В условиях затяжной войны и перехода Японии к стратегической обороне возникла необходимость охраны ее растянутых коммуникаций и нарушения перевозок готовящихся к наступлению союзных вооруженных сил, мощь которых быстро возрастала. Между тем японская кораблестроительная программа не предусматривала постройки необходимого количества торговых судов, эсминцев и конвойных авианосцев [58, т. 6, с. 266].

В конце 1942 г. Ставка вынуждена была принять решение о переходе к системе конвоирования, но выделенные для этого силы флота смогли обеспечить охрану лишь 20—25% судов, используемых для военных и хозяйственных перевозок. Для транспортировки войск и вооружения непосредственно в районах боевых действий, особенно в период боев за Гуадалканал, японцы практиковали использование эсминцев. В тех случаях, когда доставка военных материалов надводными кораблями была затруднена, применялись подводные лодки. Учитывая опыт их использования для перевозки грузов на Гуадалканал и Новую Гвинею, Ставка весной 1943 г. приняла решение об ускорении строительства транспортных подводных лодок. Японское командование широко использовало подводные лодки для боевых, разведывательных и транспортных целей, но ограничивало их применение для ударов по морским и океанским коммуникациям союзных стран с целью пресечения перевозок [58, т. 6, с. 266—267].

Таким образом, несмотря на рост численности армии и ВМФ Японии и создание марионеточных армий в ряде захваченных ею стран, японские военные операции носили в основном оборонительный характер, что обуславливалось влиянием поражения немецко-фашистских войск на советско-германском фронте и в Италии, а также возросшим сопротивлением союзных вооруженных сил на Тихом океане.

Японские милитаристы продолжали нарушать международные нормы обращения с военнопленными и мирным населением захваченных территорий. На строительстве железной дороги в Бирме, например, в результате жестокого обращения погибло 16 тыс. военнопленных (из 40 тыс. привлеченных к строительству) и 100 тыс. человек из числа мобилизованных и завербо-

ванных бирманцев, тамильцев, индийцев и китайцев [58, г. 7, с. 457].

На захваченных Японией территориях военно-политическим руководством Японии был взят курс на привлечение армии, полиции и других средств вооруженного насилия марионеточных государств для подавления освободительного антияпонского движения.

Принятие этого «нового курса» было продиктовано, с одной стороны, стремлением японского командования высвободить часть своих войск для ведения боевых действий против англо-американских войск, а с другой — желанием смягчить враждебность населения захваченных территорий к японцам. В первую очередь «новый курс» стал проводиться на оккупированной территории Китая, где усиливалось партизанское движение против оккупантов и их марионеток. После принятия в конце декабря 1942 г. императорской конференцией программы урегулирования «китайского вопроса» японские власти стремились усилить политическое влияние правительства Ван Цзин-вэя «путем отказа по мере возможности от вмешательства в его дела, возвращения селтльментов, отмены права экстерриториальности и т. д. ... что лишало бы чунцинское правительство главнейших доводов в пользу продолжения сопротивления» [57, т. 3 с. 300].

Программа предусматривала использование против партизанских районов, находившихся под влиянием КПК, марионеточной армии, а также по возможности вовлечение в боевые действия гоминьдановских войск. Японские части должны были находиться «во втором, обеспечивающем эшелоне», вмешиваясь активно лишь в критические моменты карательных операций. Для борьбы с партизанским движением было решено шире привлекать части «национального» правительства, создавать китайские военные трибуналы. Изъятие продовольствия, одежды и другого имущества у населения также должно было производиться преимущественно отрядами марионеточной армии. Японское командование в случае поступления жалоб от жителей должно было «демонстрировать свое внимание к нуждам китайского населения» и за счет награбленного в Китае продовольствия «оказывать помощь» голодающим [107, с. 126—127].

Марионеточные власти усилили репрессии против партизан и всех тех, кто оказывал им помощь. 19 марта 1943 г. «национальное» правительство приняло новые законы и распоряжения, предусматривавшие применение жестоких наказаний за укрытие партизан и пособничество их действиям, за хранение оружия, за убийство японских солдат или солдат «национальной» армии, за укрывательство зерна и других видов продовольствия от «национальных» властей, за уклонение от трудовой повинности. Карательные акции против населения в сельской местности носили название «мероприятия по очищению деревень. В мае 1943 г. под руководством Ван Цзин-вэя была

проведена реорганизация так называемого «Комитета по очищению деревень»; органы по проведению этих репрессивных мер были непосредственно подчинены административным властям. Марионеточное правительство использовало помещиков, деклассированные и преступные элементы для подавления освободительной борьбы путем организации поджогов, убийств, произвольных арестов и пыток на основе так называемого закона «О виновных в укрывательстве оружия». Бесчеловечные расправы с населением совершали не только чиновники правительственного аппарата Ван Цзин-вэя и его войска, но и военнослужащие японской армии, которые сжигали дома, убивали жителей, насиловали женщин [57, т. 3 с. 69—70].

За 1943 г. марионеточные войска провели 150 карательных экспедиций против освобожденных районов, считая только те, в которых участвовало более тысячи солдат и офицеров [84, с. 204]. Огневое обеспечение этих операций возлагалось на японские артиллерийско-минометные группы, приданные частям марионеточной армии. Занимая позиции на расстоянии действительного выстрела от объекта атаки, они обрушивали на него огонь. Часто это были мирные китайские деревни, которые объявлялись «коммунистическими», так как находились недалеко от границ партизанского района. Такой боевой порядок в карательной экспедиции соответствовал «новому курсу» в отношении Китая. В непосредственном боевом соприкосновении с партизанами и населением оказывались солдаты ванцинвэевской армии, которые чинили грабежи и насилия над мирными жителями, и в представлении китайского крестьянина «наибольшим и напуганнейшим зверем» становился китайский офицер и солдат «национального» правительства [107, с. 127].

В Маньчжурии и Внутренней Монголии наряду с вооруженными формированиями марионеточной администрации японское командование широко использовало против растущего партизанского движения свою армию. В Корее против партизан действовали японские войска и жандармерия [96, с. 148].

Наряду с этим японские милитаристы изыскивали в Корее более гибкие формы и методы сохранения своего господства. Опираясь на представителей корейских феодально-компрадорских сил, колонизаторы создали обширную сеть милитаристских шовинистических организаций. Главной их задачей являлась борьба против антиимпериалистического антивоенного движения, дезорганизация демократических сил.

Представители крупной корейской буржуазии и помещиков, в свою очередь, основали прояпонские организации, развернувшие деятельность в пользу создания «сферы процветания» под эгидой Японии. Активную роль в этих организациях играли и многие представители средней корейской буржуазии [40, т. 10, с. 507—508].

В Индокитае японские части совместно с войсками вишист-

ского правительства вели борьбу с освободительным движением Вьетмина, особенно в провинциях Хоабинь и Хынгйен, где оно было наиболее активным [59, с. 194]. В конце 1943 г. вишисты при поддержке японцев нанесли жестокий удар по небольшим еще партизанским отрядам, вооруженным только бамбуковыми пиками и старинными кремневыми ружьями [101, с. 463].

В Бирме деятельность японских карательных органов по выявлению освободительных сил не имела успеха. Коммунисты, несмотря на свою немногочисленность и на преследования японской тайной полиции, уже к началу 1943 г. не только восстановили свои довоенные позиции, но и сильно укрепили свой авторитет, в результате чего Коммунистическая партия Бирмы стала одной из ведущих сил антияпонского сопротивления. Основной организационной силой, на которую опирались антифашисты, была Национальная армия Бирмы. Несмотря на обилие в ней японских советников, эта армия, проникнутая антияпонскими настроениями и преданная своим командирам, была надежной опорой патриотов. Японской полиции особого назначения не удалось раскрыть подготовку к вооруженному восстанию против японцев, которое планировалось силами освобождения на конец 1943 г., а затем было отложено в связи с неудачей английского наступления в Аракане [83, с. 241].

В Индонезии японские оккупационные власти с большой жестокостью подавляли освободительное движение патриотов. В начале 1943 г. японской военной полиции удалось напасть на след руководства Коммунистической партии Индонезии. Многие ее руководители были арестованы и приговорены к смертной казни. Японская жандармерия разгромила организацию «Антифашистское народное движение», а также революционную патриотическую организацию в Бандунге [40, т. 10, с. 517]. Она раскрыла также боевую подпольную организацию в Сурабае, многие члены которой были арестованы и приговорены к смертной казни. На Суматре японские части и полиция подавили вооруженное выступление патриотов. Осенью 1943 г. японцы раскрыли заговор в Понтианаке (Западный Калимантан) и произвели здесь массовые расстрелы всех подозрительных лиц. Число зарегистрированных жертв японского террора в Понтианаке достигло 1614 [85, с. 52—53]. На о-вах Биак оккупанты потопили в крови восстание папуасов, перебив 8 тыс. человек [58, т. 7, с. 465].

На Филиппинах японские милитаристы стремились уничтожить в первую очередь освободительную армию Хукбалахап, так как ее руководство выступало с прогрессивных позиций против любых форм колониализма. Хукбалахап осуществляла тактику «непрерывных атак»: подразделения этой армии безостановочно совершали рейды, налеты на японские колонны. При этом нередко командиры не считались ни с усталостью партизан, ни с соотношением сил на данном участке, и хуки несли

довольно большие потери. Используя военно-тактическую неопытность освободительной армии, японцы иногда провоцировали ее на столкновение в невыгодных условиях. Весной 1943 г. японское командование осуществило самую крупную карательную операцию против Хукбалахап. 5 тыс. японских солдат и жандармов марионеточной администрации после тщательной подготовки окружили 5 марта 1943 г. в лесу в районе Кабияо более тысячи бойцов Хукбалахап. Каратели воспользовались недостаточной предусмотрительностью партизан, сосредоточивших в одном месте столь значительные силы. В результате атаки карателей, поддержанной с воздуха авиацией, партизаны понесли тяжелые потери. Находившиеся вне кольца окружения несколько рот Хукбалахап бросились на выручку своих товарищей и самоотверженно атаковали японские войска с севера, юга и запада. Однако их сил оказалось недостаточно. В итоге 10-дневной операции карателям удалось вывести из строя 14 рот Хукбалахап — почти половину всей партизанской армии [76, с. 286—287].

Стремясь уничтожить освободительные силы Филиппин, японцы и солдаты марионеточных частей по малейшему подозрению в содействии партизанам сжигали заживо в домах целые семьи, включая детей. Часто такая участь ожидала поголовно все население деревни или городка. Японская военщина устраивала массовые проверки жителей «подозрительных районов» с помощью так называемого волшебного глаза: всех, от мала до велика, заставляли пройти перед ширмой с отверстием для глаз, за которой укрывался какой-нибудь предатель из местных богатеев; он указывал стоящему рядом японскому офицеру тех, кто, по его мнению, сочувствует партизанам, и эти люди вместе с семьями немедленно уничтожались японцами [76, с. 297].

После провозглашения 14 октября 1943 г. «Филиппинской республики» жандармерия марионеточного правительства (констабулярия) старалась перещеголять японских карателей в зверствах. Знание людей, местности и филиппинских языков солдатами констабулярии значительно облегчало японскому командованию борьбу против партизан [76, с. 299].

Таким образом, японский милитаризм в 1943 г. усилил осуществление своих функций на захваченных территориях. Главные и наиболее жестокие удары направлялись против коммунистических партий, партизанских отрядов и организаций, находящихся под руководством коммунистов. Японская военщина шире, чем прежде, использовала для подавления освободительного движения на оккупированных территориях войска и полицию марионеточных стран.

Особенность рассматриваемого периода войны на Тихом океане заключается в том, что перелом в пользу союзных держав начался не в результате генерального сражения вооружен-

ных сил Японии и союзных держав, а вследствие победы советских войск в решающей битве против Германии, наиболее мощной державы фашистской коалиции, и ее союзников в Европе.

*Дальнейшая милитаризация экономики, политики
и идеологии. Методы подчинения населения
агрессивным планам монополий*

Перейдя к стратегической обороне, правящие круги Японии продолжали милитаризацию экономической, политической и идеологической жизни страны, стремясь увеличить военную мощь государства.

Меры японского правительства в области милитаризации экономики были направлены на увеличение ассигнований на военные нужды, на дальнейший рост производства вооружения и горюче-смазочных материалов, на создание фонда продовольствия для вооруженных сил и населения страны, а также на организацию относительно автономных экономических районов.

Ассигнования и расходы на военные нужды быстрыми темпами росли. По сравнению с 1942 г. ассигнования на военные нужды в 1943 г. увеличились на 55% и составили 24,4 млрд. иен [173, т. 4, с. 266; т. 5, с. 91].

Рост военных расходов покрывался за счет увеличения налогов с японского населения, выпуска новых займов и прямого грабежа народов оккупированных территорий.

В 1941/42—1942/43 гг. налоги в Японии возросли с 6419 млн. до 8100 млн. иен [35, с. 265].

Важным источником финансирования войны являлись государственные займы, которые все в большей степени размещались среди различных категорий трудящихся в принудительном порядке. В 1942—1943 гг. займы являлись основным источником дохода в японском государственном бюджете. Если в 1936/37 г. 58% государственного бюджета состояло из налоговых поступлений, 26% — из поступлений в результате размещения займов и 16% — из прочих источников, то в 1942/43 г. 33% состояло из налоговых поступлений, 58% — в результате размещения займов и 9% — из других источников [35, с. 270—271].

Значительные средства японские правящие круги изымали у населения оккупированных территорий. В 1941 г. японские власти вывезли с захваченных территорий товаров на сумму не менее 2 млрд. иен. Из Филиппин и Индонезии был вывезен принадлежавший эмиссионным банкам этих стран золотой запас [35, с. 272].

Валютная политика японских правящих кругов в оккупированных странах была направлена на выкачивание оттуда стратегического сырья и продовольствия. Обесценивая местные валюты и внедряя в обращение военные иены и местные военные

денежные знаки, японское правительство извлекало двойную выгоду: оно закупало местные товары по значительно более низким ценам, нежели продавало товары населению этих территорий. Эта грабительская валютная политика давала японским милитаристам возможность расходовать огромные средства на содержание оккупационных войск, чиновников и «советников» [29, с. 296].

Высшее военно-политическое руководство Японии провело тотальную мобилизацию ресурсов страны, приняв ряд организационных мер, которые, с одной стороны, повышали централизацию управления военным производством, а с другой — преследовали цель повысить относительную военно-экономическую автономность экономических районов метрополии.

В начале 1943 г. по инициативе командования вооруженных сил Плановое бюро совместно с представителями различных министерств, особенно военного и военно-морского, приступило к составлению планов мобилизации ресурсов Японии и захваченных ею территорий для нужд ведения войны. С конца апреля последовательно завершается составление следующих планов: «Расширение промышленного производства», «Мобилизация транспорта», «Мобилизация народа», «Мобилизация электроэнергии», «Мобилизация товаров первой необходимости», «Мобилизация финансов государства» [142, т. 33, с. 609]. В течение года эти планы были рассмотрены и утверждены в различных правительственных инстанциях.

«План расширения промышленного производства» предусматривал развитие наиболее нужных для войны отраслей промышленности: тяжелой металлургии, производства легких металлов, авиационного, кораблестроения, добычи каменного угля. «План мобилизации транспорта» ставил фактически под контроль военных ведомств Японии весь железнодорожный, автомобильный и морской транспорт. Было установлено, что в метрополии и на захваченных территориях в первую очередь осуществляются перевозки войск и военных грузов, а также сырья стратегического назначения для военной промышленности [142, т. 33, с. 611—612]. Другие планы мобилизации также предусматривали изыскание и использование дополнительных сил и средств для ведения войны.

Летом 1943 г. была осуществлена реформа, в результате которой страна была разделена на девять административных округов, возглавлявшихся административными советами, в состав которых были включены губернаторы вошедших в округ префектур, начальники местных управлений инспекции министерства вооружения (с ноября 1943 г.) и начальники местных органов других министерств. Административные советы непосредственно подчинялись правительству Японии. Новые административные округа по своему назначению соответствовали экономическим районам. В границах административных округов

гов размещались новые военные заводы, была введена относительная экономическая автономность округов, которые обеспечивались рабочей силой, электроэнергией, сырьем, продовольствием в основном за счет внутренних ресурсов [33, с. 185—186].

Осенью 1943 г. правительство провело реорганизацию министерств с целью дальнейшей централизации управления экономикой для осуществления «тотальной мобилизации».

1 ноября были ликвидированы Плановое бюро и четыре министерства: торговли и промышленности, земледелия и лесов, путей сообщения и связи, железных дорог. На их базе были созданы три министерства: вооружения, транспорта и связи, земледелия и торговли. Наиболее важной мерой являлось создание по настоянию дзайбацу министерства вооружения, которому было передано общее руководство отраслями военной промышленности, находившимися под административным контролем военного и военно-морского министерства. Во главе министерства вооружения стал генерал Тодзио, однако фактически его работой руководил его заместитель Киси Нобусукэ.

В функции министерства вооружения входило: размещение заказов среди компаний, установление монопольных цен на сырье и выпускаемую продукцию, введение круглосуточной работы на военных заводах, предоставление лицензий и других привилегий [142, т. 33, с. 659—663]. Большинство обязанностей, которые ранее были возложены на Плановое бюро, перешло к Бюро тотальной мобилизации, входившему в состав министерства вооружения. В частности, Бюро тотальной мобилизации должно было заниматься разработкой планов мобилизации сырья и руководить инспекционной деятельностью министерства [178, с. 218]. Министерство вооружения стало органом совместной деятельности дзайбацу и военных.

Важным шагом японского правительства по пути дальнейшей милитаризации было принятие закона о военно-промышленных компаниях, который был утвержден 31 октября 1943 г. Тайным советом [142, т. 33, с. 664—665]. На основании этого закона компании, занятые определенными отраслями военного производства, были подчинены лицам, назначаемым правительством, которое через них могло определять «сроки, планы, количественные показатели и другие важнейшие элементы производства», осуществлять контроль над материальными средствами, капиталами, рабочей силой и т. д. Вместе с тем военно-промышленным компаниям предоставлялся приоритет при распределении материалов, денежных фондов, рабочей силы, им гарантировались получение прибылей с помощью правительственных субсидий и компенсация убытков [57, т. 4, с. 91].

Значительную роль в экономике страны продолжали играть «контрольные ассоциации». Эти органы монополий действовали в тесном контакте с министерствами армии и флота [33, с. 236—241].

Несмотря на создание и активную деятельность министерства вооружения, оно не смогло объединить под своим контролем все военное производство. В связи с усилившейся нехваткой денежных средств, сырья и материалов, а также рабочей силы обострялась конкурентная борьба между монополиями и соответственно обострялось соперничество между армейской и флотской группировками военщины, ориентировавшимися на различные группы дзайбацу. Эта бессмысленная конкуренция между армией и флотом мешала рациональному использованию имеющихся материалов. Так, летом 1943 г. Фудзивара Гиндзиро (ставший впоследствии главой министерства вооружения), будучи правительственным инспектором, обследовал положение в области производства самолетов и пришел к выводу, что годовое производство самолетов можно было увеличить до 53 тыс., т. е. более чем в 5 раз. Хотя эта цифра, видимо, преувеличена, отрицательное влияние конкурентной борьбы между группировками монополий и между видами вооруженных сил очевидно [57, т. 4, с. 106].

В итоге японские правящие круги обеспечили некоторый рост промышленного производства, о чем свидетельствуют приводимые ниже важнейшие экономические показатели за 1942—1943 гг. [57, т. 4, с. 100—101]:

	1942 г.	1943 г.
Добыча угля, млн. т	54,2	55,5
Добыча железной руды, тыс. т	2160	2630
Производство электроэнергии, млрд. кВт·ч	33,6	33,9
Выплавка чугуна, тыс. т	4416	4416
Выплавка стали, тыс. т	7004	7824
Выплавка алюминия, тыс. т	103,1	141,4
Производство станков, штук	4236	5011

Из приведенных данных видно, что рост добычи угля и производства электроэнергии был незначительным, а выплавка чугуна осталась на уровне 1942 г. Вместе с тем важное значение имел рост выпуска станков, выплавки стали и алюминия.

Если принять все производство в Японии в 1935—1937 гг. за 100, то индекс военного производства в стране в 1942 г. составил 1355, а в 1943 г.—1805, в то время как индекс общего производства соответственно — 142,7 и 113,5 [174, с. 259]. Это свидетельствует о том, что, несмотря на снижение в 1943 г. общего производства в стране, выпуск военной продукции в целом возрос (табл. 15).

Данные табл. 15 свидетельствуют, что, хотя в целом в 1942—1943 гг. происходило увеличение производства вооружения для армии, по некоторым видам вооружения произошло снижение производства. Что касается выпуска боевых кораблей, то при росте их числа их общее водоизмещение сократилось.

Таблица 15

*Производство основных видов вооружения,
боеприпасов и боевых кораблей,
1942—1943 гг. **

	1942 г.	1943 г.
Танки, тыс.	1,16	0,77
Самолеты, тыс.	10,18	20,02
Орудия**, тыс.	3,6	5,9
Винтовки, тыс.	440	630
Пулеметы, тыс.	21,9	21,7
Боеприпасы, тыс. т	40,9	43,4
Боевые корабли***	59(230,7)	77(145,7)

* [174, с. 279].

** В том числе полевые, зенитные и корабельные.

*** В таблицу не включены корабли вспомогательного назначения, десантные баржи и продукция, выпускаемая в Маньчжурии и Корее. В скобках — общий тоннаж построенных судов, тыс. т.

Это объяснялось тем, что строительство линейных кораблей было прекращено после окончания постройки в 1942 г. линкора «Мусаси». На долю крейсеров в 1943 г. приходилось всего 3% морского судостроения по тоннажу. Основное же внимание уделялось строительству эсминцев и подводных лодок [70, с. 366]. В 1943 г. было построено 12 эсминцев и 36 подводных лодок (в 1942 г. — соответственно 10 и 20) [181, с. 312—318].

Сельскохозяйственное производство в 1942—1943 гг. сокращалось. Сбор риса в 1943 г. составил 62,8 млн. коку (в 1942 г. — 66,8 млн. коку). Основными причинами снижения производства риса и других сельскохозяйственных продуктов являлись: нехватка удобрений, сельскохозяйственных машин, рабочей силы, что приводило к сокращению урожайности и уменьшению площади обрабатываемой земли. В 1943 г. было обработано 5983 тыс. т_е земли (1 т_е = 0,99 га), а в 1942 г. — 6028 тыс. т_е [57, т. 4, с. 100—101]. В связи с этим ухудшилось снабжение населения продуктами питания [173, т. 5, с. 103], что приводило к понижению производительности труда.

Положение трудящихся продолжало ухудшаться. Реальная заработная плата рабочих заметно снизилась. Минимальная продолжительность рабочего дня в эти годы фактически равнялась 12 часам, так как большинство военных предприятий работало круглосуточно. На военных заводах, работавших в одну смену, рабочий день был доведен до 15 часов [260, 21.V.1944]. В связи с этим резко усилилось недовольство трудящихся снижением их жизненного уровня в связи с войной. Это нашло отражение в увеличении количества стачек, забастовок и дру-

гих трудовых конфликтов. Если в 1942 г. в стране было зафиксировано 268 трудовых конфликтов, то в 1943 г. — 417. Осенью 1942 г. вспыхнули забастовки на предприятиях «Фурукава» (префектура Тотиги) и «Хитати» (Токио).росло число актов саботажа на предприятиях [173, т. 5, с. 296—301]. Поэтому японское правительство принимало меры по подавлению движений трудящихся силами кэмпейтай и полиции. В связи с появлением антивоенных статей в печати полиция, сфабриковав в 1943 г. ряд «инцидентов» в Токио, якобы связанных с попытками восстановления компартии, арестовала ряд журналистов [57, т. 4, с. 125].

В то же время прибыли японских акционерных компаний возросли в 1942—1943 гг. с 5,3 млрд. до 6,3 млрд. иен. Наибольшие прибыли получали концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда. Прибыль компании «Мицубиси дзюкогё», например, возросла с 18% на вложенный капитал в 1941 г. до 25% в 1943 г. (с 37 774 тыс. иен до 88 768 тыс.) [173, т. 4, с. 299—300].

Внутренняя политика японских правящих кругов в 1943 г. была направлена на создание политических условий для проведения дальнейшей мобилизации ресурсов метрополии для ведения войны.

Военно-политическое руководство Японии в этот период прилагало усилия для дальнейшего «усовершенствования» политической структуры государства, активизации деятельности правительственных органов и различного рода «ассоциаций помощи трону» в целях поддержки снижавшегося морально-боевого духа населения.

18 января 1943 г. император подписал эдикт «Об особых правах правительства в военное время», предоставлявший правительству, и особенно премьеру, диктаторские полномочия [33, с. 173].

В то же время дзайбацу усилили контроль над кабинетом, добившись в марте 1943 г. назначения своих представителей в правительство (7 советников кабинета в рангах министров). Надеясь военщину чрезвычайной властью, дзайбацу в любом случае оставались хозяевами положения. Широко распространенное в японской и американской исторической литературе мнение об узурпации власти военными и ущемлении ими монополий представляет собой попытку оправдать дзайбацу, являвшихся главными виновниками войны. На самом деле японские монополии даже в годы фашистского режима были хозяевами Японии, о чем свидетельствуют многочисленные факты. На совещаниях владельцев японских монополий звучал голос властелинов страны. Так, на одном из совещаний владельцев главных японских концернов весной 1943 г. президент «Мицубиси дзюкогё», фактический руководитель концерна Мицубиси — Гоко Киёси заявил: «Если они (члены правительства.— А. С.) не смо-

гут выполнить того, что от них требуется, и притом как следует, то чиновники всех ведомств, начиная от премьер-министра, должны уйти в отставку. Научить их выполнению своих функций — наша задача» [274, 20.III.1943].

Создание ПАПТ и предоставление правительству чрезвычайных полномочий в значительной степени помогло кабинету Тодзио быстро провести через парламент законопроекты, направленные на дальнейшую милитаризацию Японии и выгодные дзайбацу.

81-я сессия парламента, продолжавшаяся с 26 декабря 1942 г. по 26 марта 1943 г., т. е. три месяца, одобрила за этот период ряд законопроектов, в частности законопроекты о введении дополнительных налогов, о повышении цен на некоторые продукты питания и товары, рассмотрела проект огромного «бюджета решительного наступления» на 1943/44 г. [178, с. 242].

82-я сессия парламента, состоявшаяся 16—19 июня 1943 г., утвердила в окончательном виде бюджет на 1943/44 г., одобрила законопроекты о сокращении всех перевозок, не связанных с войной, о пересмотре уголовного кодекса военного времени и ряд других. Все эти законопроекты имели целью усиление милитаризации страны и укрепление позиций военщины во главе с генералом Тодзио [183, с. 16—20].

Чрезвычайная 83-я сессия парламента за короткий срок, с 26 по 29 октября 1943 г., утвердила 14 законопроектов с целью «тотальной мобилизации» людских и материальных ресурсов на ведение войны и в заключение приняла специальную резолюцию «О всеобщем подъеме на борьбу населения Восточной Азии». Правящие круги Японии были единодушны в стремлении идти по пути продолжения войны, хотя многие уже признавали, что победы Советской Армии над фашистским вермахтом поставили не только Германию, но и Японию в трудное положение.

С целью усиления политического влияния на трудящиеся массы под руководством ПАПТ на предприятиях Японии энергично продолжали создаваться организации типа «Общества промышленного служения отечеству» («Дай Ниппон сангё хококукай»), численность которых к июню 1943 г. достигла 5,8 млн. человек [57, т. 4, с. 118].

В то же время правящие круги начинают проводить тотальную мобилизацию средств на нужды войны при помощи милитаристско-фашистских организаций и всякого рода ассоциаций помощи трону. Все шире используются для этой цели «соседские общины» («римпохан» или «тонаригуми»). Кроме распределения предметов первой необходимости, принудительной подписки на военный заем, принудительных вкладов, сбора металлолома на «соседские общины» стали возлагать все новые и новые обязанности: разверстку трудовой повинности, посещение храмов, митингов, проводы солдат на фронт, обеспечение уча-

ствия жителей «общин» в учениях по противовоздушной обороне, обучение военному делу и т. п. [70, с. 289].

Внешнеполитическая деятельность японского правительства была направлена на укрепление военно-политического положения Японии с целью удержания, а при благоприятных возможностях и расширения захваченных территорий.

Особенно важное значение придавалось укреплению союза с Германией и другими членами гитлеровской коалиции. Стремясь усилить военно-экономические связи с Германией и Италией, японское правительство 20 января 1943 г. подписало с ними соглашение об экономическом сотрудничестве и торговле, в котором стороны обязывались оказывать друг другу помощь «всеми имеющимися экономическими мерами» с целью «установления „нового порядка“ в Европе и Восточной Азии». В соглашении предусматривались обмен товарами, взаимная помощь в установке оборудования, финансовая помощь [26, д. 275, л. 28—30, 305—306]. Соглашение об экономическом сотрудничестве было дополнено секретным протоколом, в котором Япония и союзные с ней страны провозглашали свою цель — господство над всем миром.

Ухудшение военно-стратегического положения фашистского блока в 1943 г. в связи с победами Советской Армии над немецко-фашистскими войсками побудило правительство Японии, сделавшее ставку на гитлеровскую Германию, неоднократно возвращаться к вопросу укрепления союза трех держав. Так, после разгрома немецких войск под Сталинградом, 26 февраля 1943 г. на совещании представителей армии, военно-морского флота и министерства иностранных дел было принято решение в инструкции миссии, посылаемой в Германию, подчеркнуть необходимость тесного сотрудничества Японии с Германией и Италией [184, с. 397]. Весьма характерен и состав данного совещания. Он в полной мере отражал милитаристский характер внешней политики Японии.

Члены правительства и военные деятели Японии неоднократно подчеркивали в беседах с представителями фашистской Германии свое желание укрепить союз. Так, в феврале 1943 г. германский посол в Японии сообщил в Берлин, что в беседе с ним премьер-министр Тодзио, военно-морской министр и другие министры, а также начальники генеральных штабов армии и флота «выражали желание о самом тесном сотрудничестве с Германией» [57, т. 6, с. 460].

Заявляя о своей готовности укреплять союзнические отношения с Германией, военно-политическое руководство Японии вместе с тем не желало рисковать и, несмотря на настойчивые требования Берлина, продолжало выжидать, готовясь вступить в войну против Советского Союза лишь при наличии благоприятных для этого условий. 6 марта 1943 г. японский посол Осима по указанию правительства заявил в министерстве иностран-

ных дел Германии, что Япония не имеет в настоящее время намерения вступить в войну против СССР, хотя «никогда не может игнорировать русского вопроса» [26, д. 460/7, л. 4, 272].

Япония воздерживалась от нападения на СССР, так как ожидала результатов готовившегося наступления вермахта летом 1943 г. и, кроме того, планировала на весну этого года военные действия на Тихом океане для улучшения своего стратегического положения перед нападением на Советский Союз. Японский посол генерал Осима в беседе с Риббентропом 18 апреля 1943 г. заявил: «Двадцать лет все планы генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию, и все снова направлено на это наступление» [26, д. 230, л. 25—26].

В связи с поражением и выходом из войны Италии 15 сентября 1943 г. японское и германское правительства опубликовали совместное заявление, подчеркивавшее нерушимость союза двух стран, а 15 ноября 1943 г. в Токио состоялась конференция представителей Японии и Германии, на которой были приняты решения относительно координации стратегических планов.

На основе существовавших соглашений в Токио, Берлине (и до лета 1943 г.— в Риме) работали военные и экономические комиссии, между Японией и Германией происходил обмен важными разведывательными сведениями о Советском Союзе [102, с. 256—257]. Правящие круги Японии понимали, что в случае поражения Германии их страна не сможет длительное время противостоять странам антифашистской коалиции, и поэтому продолжали курс на укрепление союзнических отношений с фашистским рейхом.

Япония продолжала также политику создания военно-политического блока формально независимых стран Восточной Азии и района Южных морей (фактически послушных Японии марионеток) с целью мобилизации их ресурсов на войну.

Предоставление «независимости» и «местного самоуправления» захваченным странам сопровождалось условиями о создании «добровольческих армий», «полицейских корпусов», которые поступали в распоряжение японского командования. Так, организовав на Яве 5 сентября 1943 г. орган «самоуправления» — «Центральный совещательный совет», японские власти сразу же потребовали от него создания новых военных формирований и увеличения производства вооружения [204, с. 85]. После провозглашения «независимости» Бирмы в августе 1943 г. под руководством японского командования была проведена реорганизация «Армии обороны Бирмы» с целью повышения ее боеспособности.

Правительство Тодзио, осуществляя план создания блока государств Восточной Азии, созвало 5 ноября 1943 г. конференцию, на которой присутствовали представители Японии, Маньчжоу-Го, оккупированного Китая, Филиппин, Бирмы, «Свободной Индии» и Таиланда. Конференция приняла «Восточноазиат-

скую хартию» («Дайтоа кёдо сэнгэн»), в которой провозглашалась «необходимость совместных действий стран Восточной Азии для успешного завершения войны и построения нового порядка в Великой Восточной Азии» [163, с. 323—324].

В связи с ухудшением военно-политического положения страны в 1943 г. органы идеологической обработки населения стали вносить изменения в содержание пропаганды.

Утверждения о непобедимости вооруженных сил фашистского блока, и особенно японских войск, всё реже использовались в печати. Их место занимали славословия стойкости и самопожертвования солдат и офицеров вооруженных сил Японии (и Германии), проявляемых в «ожесточенных боях с превосходящими силами противника». В 1943 г. началась подготовка японского населения к мысли о том, что война будет затяжной и чрезвычайно трудной и поэтому японцы должны отдать все свои силы, а если понадобится, и жизнь во имя победы.

Иными стали оценки мощи СССР и Германии, от результатов вооруженной борьбы которых зависели и ход, и исход войны в Восточной Азии и на Тихом океане. Вместо безудержного восхваления фашистского вермахта и подчеркивания мнимых слабостей Красной Армии органы печати были вынуждены признавать ее силу и изменение военно-стратегического положения на советско-германском фронте в пользу Советского Союза. Так, газета «Асахи» писала в конце июля 1943 г.: «Особенностью летней кампании этого года является тот факт, что Советы предприняли наступление. Опыт прошлых двух лет германо-советской войны показывает, что летом немцы переходят в наступление, в то время как зимой Советы предпринимают контратаки. Однако этим летом Советы перешли от оборонительной стратегии к наступлению. Этот факт показывает, что боевой мощью Советского Союза нельзя пренебрегать... Германо-советская война приняла новый оборот» [260, 29.VII.1943].

Признания органами пропаганды трудного положения Японии сопровождались призывами отдать все свои силы делу победы. В 1943 г. в Японии широко пропагандировался лозунг «Бороться и победить во второй год войны». Население призывалось идти на лишения и самопожертвования во имя императора и будущей победы в «священной» борьбе.

На захваченных территориях японское командование и администрация стремились убедить население в благородных целях Японии, предоставившей «независимость» некоторым захваченным странам. С этой целью широко использовались поездки в районы Южных морей японских государственных деятелей (весной 1943 г. — министра по делам Восточной Азии Аоки Кадзуо, летом 1943 г. — премьера Тодзио), а также введение самоуправления в Малайе, провозглашение «независимости» Бирмы и Филиппин [215, с. 354; 148, с. 76].

Японские власти прилагали усилия для привлечения к идео-

логической обработке населения оккупированных стран реакционных политических организаций местной буржуазии. Например, одновременно с предоставлением Филиппинам «независимости» японцы приняли меры для создания прояпонской буржуазной политической партии, которой в качестве одной из важнейших задач предписывалось «убедить филиппинцев в том, что они обретут безопасность и что их счастье зависит от увековечения независимости» [203, с. 710—713].

В дальнейшем основой для ведения пропаганды среди населения захваченных Японией стран стала «Совместная декларация Великой Восточной Азии», принятая на конференции глав правительства Японии, марионеточных правительств в Китае, Маньчжоу-Го, на Филиппинах и в Бирме. Эта декларация являлась демагогическим пропагандистским документом, рассчитанным на мобилизацию усилий японского народа и населения захваченных Японией территорий на продолжение войны.

Правящие круги Японии и марионеточные правительства, учитывая горячее стремление японского и других народов Азии покончить с войной, демагогически провозгласили в декларации задачу установления мира во всем мире, выставляя себя, таким образом, поборниками мира [184, с. 460].

Провозгласив необходимость мира, японское правительство и его марионетки в качестве пути к нему указали на необходимость успешного завершения войны во взаимодействии со всеми странами «Великой Восточной Азии», т. е. речь шла по существу о продолжении Японией войны до победного конца в тесном военном союзе с созданными ею марионеточными государствами.

Играя на чувствах населения оккупированных территорий, декларация провозглашала волю стран «Великой Восточной Азии» к их экономическому развитию и к ликвидации расовой дискриминации.

Перелом в войне на Тихом океане в пользу антифашистской коалиции резко ухудшил военно-политическое положение Японии. Стремясь затянуть войну и выторговать выгодные для себя условия мира, японские правящие круги усилили милитаризацию экономической, политической и идеологической жизни страны, а также приняли дополнительные меры по мобилизации людских и материальных ресурсов захваченных территорий.

Начавшийся развиваться в 1943 г. кризис японского милитаризма происходил в результате поражения военного союзника Японии на главном фронте войны, неспособности японской военной клики реализовать свои военно-стратегические планы, уменьшения общего производства в стране, на котором базировалась военная промышленность, усиления разногласий в военно-политическом руководстве, понижения морального духа японского населения, роста освободительного движения на захваченных территориях.

УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА ЯПОНСКОГО МИЛИТАРИЗМА.
ПОРАЖЕНИЕ ЯПОНИИ (1944 г.— АВГУСТ 1945 г.)

В 1944 г. в результате побед Советской Армии в войне против гитлеровской Германии и ее союзников, наступления союзных войск на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии военнополитическое положение Японии продолжало ухудшаться. Этому способствовало также развертывание национально-освободительного движения на оккупированных японскими войсками территориях.

Зимой и весной 1944 г. советские войска нанесли ряд мощных ударов по немецко-фашистской армии под Ленинградом и вышли на государственную границу СССР на протяжении более 400 км. Успехи Советской Армии создали благоприятные условия для развертывания активных боевых действий американских и английских вооруженных сил. В феврале 1944 г. американцы заняли Маршалловы, а затем Марианские о-ва, англичане вытеснили японские войска с территории Индии и северо-западной Бирмы [139, с. 215].

Стратегический замысел японского высшего военнополитического руководства на 1944 г. состоял в том, чтобы удержать американские войска на «оборонительной линии Суэцугу», условно проходившей через Индонезию, Филиппины, Новую Гвинею, о-ва Бисмарка, Соломоновы, Гилберта, Маршалловы, Уэйк, Кыска, Атту. После того как в Токио поняли, что удержать союзников на «линии Суэцугу» невозможно, были установлены еще две линии: вначале так называемая первая линия, условно проходившая через о-ва Ява, Новая Гвинея, Филиппинские, Каролинские, Маршалловы, Бонин, Гангес, Курильские; а затем — «основная линия», условно проходившая через о-ва Ява, Филиппинские, Тайвань, Рюкю, собственно Японские, Курильские [215, с. 359].

Учитывая растущее превосходство США в военноморских силах, японское командование рассчитывало нанести им существенные потери в боях за острова Тихого океана силами базовой авиации, а затем навязать американскому флоту генеральное сражение и разгромить его. Одновременно планировалась операция с целью разгрома гоминьдановских войск. Однако разработка практических мер по претворению в жизнь замысла

боевых действий на Тихом океане была задержана в связи с гибелью главнокомандующего Объединенным флотом адмирала Кога и большей части его штаба в авиационной катастрофе в марте 1944 г., в результате которой в руки американцев попал портфель с планом генерального сражения японского флота под кодовым названием «Операция А» [184, с. 1054].

В этих условиях Ставка издала 3 мая директиву, в которой была выражена идея генерального сражения. В директиве указывалось, что единственной мерой, способной сдержать наступление вооруженных сил США на Тихом океане и резко изменить обстановку, является решающее сражение главных сил Объединенного флота против американского Тихоокеанского флота. Сражение предусматривалось провести в последней декаде мая в обширном районе от центральной части Тихого океана до Филиппин и к северу от Австралии [184, с. 518]. В случае перехода противника к наступлению до того, как японский флот будет готов к решающему сражению, японским вооруженным силам рекомендовалось прочно удерживать опорные пункты, по возможности избегать решающих сражений при неблагоприятной обстановке, устраивать засады и уничтожать противника силами базовой авиации и отрядов береговой обороны [184, с. 539].

В соответствии с директивой Ставки под руководством главнокомандующего Объединенного флота адмирала Тоёда был разработан новый план боевых действий на Тихом океане под кодовым названием «Операция А», который по существу мало отличался от предыдущего. Цель этой операции была определена 4 мая в совершенно секретной телеграмме, направленной командирам соединений и кораблей по случаю вступления в командование Объединенным флотом адмирала Тоёда. «Мы должны достигнуть,— указывал главнокомандующий,— поставленных перед нами целей, сокрушив одним ударом основное ядро крупного сосредоточения сил противника, чтобы изменить тем самым создавшееся военное положение и совместно с нашими армиями перейти непосредственно в наступление» [66, с. 292—293].

Замысел японского командования состоял в том, чтобы сравнительно небольшой группировкой флота «заманить» ядро американских ВМС в ловушку главных сил Объединенного флота, который совместно с базовой авиацией, используя фактор внезапности, должен был нанести противнику решающий удар и разгромить его [184, с. 540].

Одновременно готовилось крупное наступление японских экспедиционных сил в Китае, необходимость которого, по мнению Ставки, вызывалась рядом причин [142, т. 4, с. 29—34].

Во-первых, японское высшее военно-политическое руководство получило возможность использовать в Китае сухопутные войска, которые ранее предназначались для ведения крупных опе-

раций против Советской Армии на Дальнем Востоке и в Сибири, а также против английских войск в Индии.

Во-вторых, после появления на китайских аэродромах американских тяжелых бомбардировщиков (В-29) 14-го авиасоединения, радиус действия которых (2560 км) позволял производить бомбардировки Японии, в Токио были обеспокоены возможностью массированных бомбардировок с запада, с направления, которое было слабо обеспечено средствами противовоздушной обороны.

В-третьих, в связи с нехваткой транспортных судов и активизацией американских подводных лодок на японских коммуникациях в западной части Тихого океана, в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, японцам все труднее было доставлять в метрополию сырье для промышленности с Явы, из Юго-Восточной Азии и Южного Китая. Поэтому японское правительство было заинтересовано в открытии сквозной железнодорожной линии от Маньчжурии до границ Индокитая и Бирмы, что было возможно лишь после захвата определенных территорий Китая.

Указанные выше, а также другие причины побудили Токио активизировать проведение так называемой континентальной стратегии, предусматривавшей создание прочной обороны метрополии с опорой на Корею и Китай.

Для осуществления идеи «континентальной стратегии» Ставка планировала операцию «Итиго» (№ 1), целью которой являлось соединение Северного фронта с Центральным и Центрального с Южным для захвата тех районов восточной части Китая, которые еще находились в руках гоминьдановских войск. Это, по мнению Ставки, принудило бы правительство Чан Кай-ши заключить сепаратный мирный договор с Японией. Замысел, определенный в приказе секции сухопутных войск Ставки от 25 января 1944 г., состоял в том, чтобы встречными ударами 12-й армии с севера (из района Кайфын — Юаньцзу — Чжэнчжоу) и частью сил 11-й армии с юга (из района Синьян) вдоль Пекин-Ханькоуской железной дороги соединить Северный фронт с Центральным и уничтожить гоминьдановские войска 1-го военного района. Затем ударом 11-й армии из района Ухання и оз. Поян на юг и 23-й армии из района севернее Кантона на северо-запад объединить Центральный и Южный фронты, разгромить войска 9-го и 7-го военных районов и окружить соединения 3-го военного района [142, т. 4, с. 34—38].

Отсутствие единого фронта в Китае и слабость гоминьдановской армии обеспечили успех японского наступления. Созданные японцами подвижные ударные группировки при поддержке авиации прорывали китайскую оборону и, действуя в оперативной глубине, обходили подготовленные к обороне города, атаковали гоминьдановские войска с флангов и тыла, сея панику. Так, например, на Центральном фронте был обойден г. Чанша. Пока

шли бои на подступах к городу, за железнодорожный узел и за американский аэродром восточнее города, заранее сформированные две усиленные группы японских войск обошли город с двух сторон и овладели рядом уездных городов в тылу гоминьдановской армии [107, с. 198].

Успешно развивалось наступление южной группировки японских войск. Здесь китайское командование, считая, что главный удар будет нанесен в северном направлении, создало густую сеть оборонительных позиций на южной окраине г. Шаочжоу на Ханькоу-Кантонской железной дороге. Однако основные силы японцев развернули наступление на западном и северо-западном направлениях, без больших потерь заняли г. Гаоян, а затем разгромили аэродромы американской авиации в Дэцине и Учжоу и захватили вольфрамовые рудники в Лодине [142, т. 30, с. 639—642].

В результате наступления японской армии удалось соединить Северный, Центральный и Южный фронты, захватить 45 городов и несколько американских аэродромов, вывести из строя около 100 гоминьдановских дивизий общей численностью в 600—700 тыс. человек [41, с. 299].

Однако японскому высшему военно-политическому руководству не удалось принудить гоминьдановское правительство к заключению сепаратного мирного договора. «Стойкость» последнего объяснялась быстрым изменением военно-политического положения на других театрах военных действий в пользу антифашистской коалиции: советские войска вступили на территорию Германии, союзники высадились во Франции, американские войска вели наступление на Тихом океане.

Что касается плана японского командования, предусматривавшего разгром американского флота в решающем сражении, овладение стратегической инициативой, то шансов на его успешное осуществление, в отличие от операции японских войск в Китае, было немного, главным образом потому, что американские флот и авиация превосходили японские в количественном и качественном отношении. Наличие большого числа авианосных самолетов и самолетов базовой авиации, в том числе оборудованных радиолокаторами, а также использование американцами большого количества подводных лодок (в середине 1944 г. их было 140) [78, с. 226] позволило им получать оперативную информацию о передвижении японского флота, что, в свою очередь, давало возможность командованию вооруженных сил США сосредоточивать против японского флота превосходящие силы.

Ставка планировала провести «Операцию А» в районе Марианских о-вов, восточной части Каролинского архипелага и о-ва Хародзима, где предполагалось использовать главным образом базовую авиацию, а в секторе Палау — главным образом авианосное соединение. Этот план исходил из уверенности, что

главное направление удара американцев будет находиться в западной части Каролинских о-вов [66, с. 329]. Однако разведывательные данные японцев были неточными. Вооруженные силы Соединенных Штатов нанесли главный удар в районе Марианских о-вов (о-в Сайпан). Американское командование, получив 15 июня сообщение о выходе японского авианосного соединения из пролива Сан-Бернардино в Филиппинское море, сумело сосредоточить в районе предполагаемого сражения превосходящие силы, отозвав две авианосные группы, наносившие удары по о-вам Бонин. В развернувшемся 19—20 июня сражении западнее Марианских о-вов американцы имели 15 авианосцев, 7 линкоров, 13 крейсеров и 58 эсминцев против японского флота, состоявшего из 9 авианосцев, 5 линкоров, 13 крейсеров и 32 эсминцев [141, с. 201]. В результате сражения американцы потеряли 130 самолетов, а японцы 3 авианосца и 395 самолетов [141, с. 201]. Японский флот не смог помешать американцам высаживать десанты и захватить о-в Сайпан и другие острова в группе Марианских о-вов. Провал «Операции А» привел к прекращению помощи японским гарнизонам с моря и воздуха. Бои за о-в Сайпан отличались большим упорством. Здесь японская группировка в составе 32 тыс. солдат и офицеров фанатично оборонялась против высадившихся американских армейских соединений и частей морской пехоты общей численностью 78 тыс. человек [141, с. 202]. Лишь на одиннадцатый день боев американцам удалось овладеть высотой Тапотё, расположенной в центральной части острова. В боях за Сайпан японское командование осуществляло пресловутую «тактику поголовной гибели». Когда стало ясно, что поражение неминуемо, остатки японских войск (3 тыс. человек) ночью 6 июля бросились на штурм американских позиций, располагавшихся перед ними по фронту, и были почти полностью уничтожены [57, т. 4, с. 136].

Японское командование применяло «тактику поголовной гибели» не только в отношении к военнотружущим, но и к гражданским лицам, включая женщин, детей и стариков. «Тех японцев, которые отказывались кончать жизнь самоубийством, пристреливали японские солдаты. Здесь погибло около тысячи человек. Гибель этих людей была не проявлением активной воли — „лучше смерть, чем позор плена“, а трагедией отчаяния и утраты человеческого облика» [57, т. 3, с. 136].

Из 32 тыс. защитников о-ва Сайпан погибло более 30 тыс. и лишь около 2 тыс. попало в плен. Американцы потеряли 16 525 человек, из них 3426 убитыми [141, с. 203].

Сражение за Марианские о-ва обнаружило количественное и качественное превосходство американцев в боевых кораблях, самолетах, оружии, лучшую подготовку летчиков вооруженных сил США, что не могло компенсироваться фанатизмом японского солдата. Одной из важных причин провала «Операции А» была неудовлетворительная подготовка японских летчиков.

Анализируя боеспособность авиачастей накануне сражения за Марианские о-ва, японские специалисты писали 1 ноября 1944 г.: «После того как авиационное соединение было организовано, 1-я эскадрилья введена в бой после шестимесячного обучения, 2-я эскадрилья — после двухмесячного, а 3-я — после трехмесячного обучения. В эскадрилье разведчиков самолеты были отрегулированы только перед вылетом и ни один из летчиков не налетал более 100 морских миль. Что касается связи, то на „Тэндзан“ (японский самолет-разведчик) они ни разу не практиковались в передаче и приеме, а радиолокаторы были совершенно непригодны к использованию» [66, с. 330].

Причины неудач японских вооруженных сил, приведенные при анализе сражения за Марианские о-ва (в частности, за о-в Сайпан), были характерны для действий армии и флота Японии и в последующих операциях.

В морском сражении за Филиппины в ноябре — декабре 1944 г. американцам также удалось создать подавляющее превосходство в силах: США имели к началу операции 25 авианосцев, 1350 авианосных самолетов, а Япония — лишь 4 авианосца и 116 авианосных самолетов. Американский флот превосходил японский также по количеству линкоров, эсминцев и подводных лодок [34, с. 206—207].

Замысел японского командования состоял в том, чтобы группой авианосцев с севера отвлечь американские авианосцы. В это время центральная и южная группы японского флота должны были прорваться в залив Лейте, охватить американские силы вторжения с севера и юга, уничтожить их и отойти до возвращения основных сил (3-го флота) американцев [56, с. 483].

Однако первой была обнаружена и атакована американскими подводными лодками именно центральная группа японского флота (5 линкоров, 12 крейсеров и 15 эсминцев). Японский план был нарушен, а в результате последующих боев японский флот потерял все 4 авианосца, 3 линкора, 9 крейсеров, 9 эсминцев. Американские потери составили 2 авианосца и 3 эсминца [141, с. 201].

Победа американского флота, обеспечившего высадку десанта на о-в Лейте, была обусловлена прежде всего значительным количественным и качественным превосходством в силах, особенно подавляющим превосходством в авиации [56, с. 491].

Лишившись поддержки с моря и воздуха, ведя бои с превосходящими силами союзников, японские войска на Филиппинах потерпели поражение.

Аналогичное положение сложилось в сражениях за о-ва Иводзима и Окинава в первые месяцы 1945 г.

Оборонявшая о-ва Иводзима 109-я пехотная дивизия, насчитывавшая с частями усиления 23 тыс. человек [141, с. 203] и имевшая более 600 орудий и минометов, создала мощную си-

стему обороны. Часть оборонительных сооружений находилась в пещерах. На танкоопасных направлениях были выкопаны противотанковые рвы, установлены надолбы и мины.

Американский десант насчитывал 111,3 тыс. человек, подержанных 1,5 тыс. самолетов и 680 боевыми, транспортными и десантными кораблями [66, с. 410].

Высадке десанта предшествовала длительная артиллерийская и авиационная подготовка группы поддержки. Японские войска не вели ответного огня, чтобы не обнаружить систему обороны. Лишь после высадки передовых частей американцев гарнизон острова открыл массированный огонь, и американская морская пехота, продвинувшаяся в глубь острова на 200—300 м, была прижата к земле. Управление войсками на берегу и взаимодействие между десантом и поддерживавшими силами было нарушено. В течение дня десантировавшиеся части потеряли 2,4 тыс. человек убитыми и ранеными [125, с. 386—387; 87, с. 440]. Тем не менее американцы продолжали наращивать силы.

Гарнизон, не имея поддержки с моря и воздуха, продолжал оказывать ожесточенное сопротивление, продолжавшееся 36 суток, и почти полностью был уничтожен. Американцы взяли в плен немногим более 1 тыс. человек [223, с. 69].

Несмотря на эти крупные поражения, выявившие крайне невыгодное для Японии соотношение сил, Ставка не смогла объективно оценить обстановку и все еще надеялась достичь перелома в войне. Например, замысел операции в районе о-вов Окинава предусматривал «разгром противника и изменение хода войны в пользу Японии» [142, т. 17, с. 2].

Однако ограниченные силы армии и флота Японии явно не могли выполнить поставленную задачу. Японское командование располагало для защиты о-вов Окинава силами, не превышавшими 120 тыс. человек. Оно планировало подготовить для сражения за Окинаву 3185 самолетов, однако часть из них была уже использована в боях за Филиппины и в других районах, и поэтому удалось подготовить к началу боевых действий лишь 676 самолетов [142, т. 17, с. 139]. США же сосредоточили для захвата о-вов Окинава 1300 кораблей (в том числе 55 ударных и эскортных авианосцев и 22 линкора) и 183 тыс. солдат и офицеров [141, с. 203; 223, с. 109]. Обладая господством на море и в воздухе, американцы 25 марта 1945 г. захватили о-ва Керама, а 1 апреля высадились на о-ве Окинава в районе Кадэна. Вначале наступление американских войск проходило успешно, но после подхода к главной полосе обороны продвижение в результате ожесточенного сопротивления японцев «настолько замедлилось, что его было бы целесообразно измерять не метрами, а сантиметрами» [86, с. 155].

В начале апреля командование флота Японии предприняло шаг, который заранее был обречен на неудачу. Оно послало в

помощь гарнизону Окинавы без прикрытия с воздуха отряд кораблей: сверхмощный линкор «Ямато», крейсер «Яхаги» и 8 эсминцев. 7 апреля отряд был атакован американским 58-м авиасоединением. Линкор, крейсер и четыре эсминца были потоплены [78, с. 428—434].

Японское командование понимало, что без прикрытия с воздуха отряд кораблей не сможет добиться успеха. Но, как заявил после войны главнокомандующий Объединенным флотом адмирал Тоёда, отказ от посылки кораблей противоречил бы традициям императорского флота [66, с. 417—418].

В боях за Окинаву японское командование широко использовало «камикадзе», в результате атак которых было потоплено и повреждено 189 боевых американских кораблей (из общего числа потопленных и поврежденных 253 боевых кораблей союзников) [141, с. 203]. Потери японцев в боях за Окинаву составили 102 тыс. убитыми, 7811 пленными, 16 кораблей. Потери союзников — 39 420 человек, из которых 12 520 убитыми, и 458 самолетов [141, с. 203].

Во время боевых действий на о-ве Окинава погибло 150 тыс. жителей. Трагедия «отряда лилий» — японских учащихся-девушек, несших санитарную службу и целиком уничтоженных в ходе боев, — предвещала печальную судьбу гражданского населения в предстоящем «решительном сражении в метрополии» [57, т. 4, с. 160—181].

Летом — осенью 1944 г. японцы потерпели также поражение в Бирме. Английские и китайские войска разгромили пять японских дивизий и нанесли значительные потери еще трем дивизиям. Из участвовавших в Импхальской операции 100 тыс. японских солдат и офицеров было убито, ранено и вышло из строя по болезни свыше 72 тыс. [173, т. 5, с. 252].

Таким образом, японский милитаризм потерпел в рассматриваемый период серьезное поражение на Тихом океане и в Бирме. Японские вооруженные силы были вынуждены отступить, неся большие потери. Сухопутным силам Японии удалось достичь успеха лишь в Китае, однако в условиях общего ухудшения военно-политического положения фашистской коалиции, а затем и поражения Германии этот успех мог лишь затянуть сопротивление Японии.

1944—1945 годы характеризовались усилением осуществления внутренней функции японского милитаризма в метрополии, где объектом преследования кэмпэтай и полиции были «скептически настроенные» лица, а также рабочие, занимавшиеся саботажем, приведением в негодность машин и станков.

Жандармерия подвергала допросам, домашнему обыску или тюремному заключению тех, на которых поступал донос, что они высказывали критические замечания в адрес военщины или сомнение в правдивости военных сводок. Вообще жандармерия действовала совершенно бесконтрольно, допуская акты произво-

ла. Японские историки так описывают «повседневную деятельность» рядового жандарма в г. Осака: «Один жандарм поймал людей, которые в воскресенье стояли в очереди перед кинотеатром, и направил их на принудительные работы, после чего заставил булочника продать нормированный хлеб для кормления этих задержанных» [57, т. 4, с. 119].

Особенно жестоко обращались жандармы и полицейские с рабочими китайцами и корейцами, завезенными в метрополию для использования на тяжелых работах. При малейшем подозрении в недостаточной интенсивности труда их избивали, пинали ногами, волочили по земле, называя это «кнутом любви и наказанием слезами». В случае открытого проявления недовольства каторжными условиями труда охрана пускала в ход оружие. Так, при возникновении волнений на руднике Ханаока из 900 работавших здесь китайских военнопленных 416 было убито [57, т. 4, с. 120—122].

Стремясь укрепить тылы своих войск перед «решающими сражениями», японские милитаристы усилили подавление растущего освободительного движения населения оккупированных территорий.

Так, в Ксрее, где в движении сопротивления принимали участие тысячи патриотов [96, с. 145], происходили непрерывные облавы и массовые аресты среди населения [63, с. 143—144]. Так, осенью 1944 г. полиция произвела многочисленные аресты среди членов созданного в октябре этого года Союза возрождения государства, устанавливавшего связи с Народно-революционной армией.

Как уже отмечалось ранее, японская администрация в Корею стремилась использовать в милитаристских целях Compradorские слои корейской буржуазии. В сентябре 1944 г. ею было создано Общество содействия мобилизации нации, а в 1945 г. создан Патриотический союз общественного мнения. Задачей этих, а также других «обществ» и «союзов» являлось всемерное содействие японским милитаристам [63, с. 140].

Особенно сложная обстановка для японцев складывалась в Китае. Так, в то время, когда японские войска осуществляли операцию «Итиго», в их тылу активизировалась деятельность партизан и революционных армий, действовавших под руководством КПК. В мае 1944 г., когда японцы с боем очистили южную часть Пекин-Ханькоуской железной дороги, в зоне, расположенной к востоку от северного участка дороги, 8-я Народно-революционная армия освободила 8 уездов, а ряд пунктов на этой железной дороге подвергался частым атакам патриотов [57, т. 4, с. 76].

Растянутая линия фронта начала повсеместно разваливаться, и японскому командованию пришлось отказаться от захваченных военно-воздушных баз, многие из которых к маю 1945 г. опять перешли в руки американцев. Патриотические силы со-

рвали идею создания трансконтинентальной железнодорожной линии, которая ни разу так и не была использована на всем своем протяжении [57, т. 4, с. 77]. Грабежи, насилие и жестокости, чинившиеся японской военщиной, вызывали ненависть и усиление сопротивления китайских патриотов. Тактика выжженной земли, применяемая японцами, озлобляла местное население и усиливала поддержку, которую оно оказывало коммунистам [61, с. 386]. Несмотря на жестокие репрессии японских и марионеточных войск, численность национально-освободительных сил и отрядов местного ополчения непрерывно росла. К началу 1945 г. «регулярные войска» насчитывали до 539,6 тыс. бойцов, партизанские части — до 383,7 тыс. и народное ополчение — до 1885,8 тыс. [107, с. 210—211].

Во Вьетнаме функции подавления народно-освободительного движения осуществляли в основном вишистские власти. Так, в октябре 1944 г. французские войска и полиция подавили восстание в уезде Вонян [133, с. 148]. После ликвидации 9 марта 1945 г. французской колониальной администрации и провозглашения японскими оккупантами «независимости» Вьетнама японцы усилили репрессии против патриотов. В уезде Вонян всех, кого подозревали в связях с партизанами, убивали, а трупы сбрасывали в реку. В уезде Да-ты японцы подвешивали свои жертвы вниз головой, а затем вспарывали им животы. Когда в конце мая 1945 г. японцы предприняли второе крупное наступление на опорные базы Вьетмина, тысячи вьетнамских патриотов были брошены в тюрьмы и замучены японской жандармерией. Лишь в течение нескольких дней японцы арестовали в Хане более 1,7 тыс. человек по обвинению в сочувствии Вьетмину [133, с. 166].

В Индонезии японские войска также усилили репрессии против населения. В округах Лохбенаер и Синданг японским карателям потребовалось несколько месяцев, чтобы подавить восстание. При подавлении волнений крестьян на о-ве Ява, выступавших против принудительных поставок продовольствия и скота, японская жандармерия использовала броневики [85, с. 52].

В феврале 1945 г. японцы подавили выступление батальона Добровольной армии защитников родины (ПЕТА), приговорив 8 человек к смертной казни и 28 к тюремному заключению [85, с. 54—55].

На Филиппинах японские захватчики усилили карательные меры против Хукбалахап. В условиях тяжелого голода, царившего в стране, пытаясь найти предателей среди местного населения и партизан, японские оккупационные власти объявили высокую награду за каждого выданного им живого или мертвого бойца Хукбалахап: мешок риса [76, с. 297]. К концу войны они убили в боях и в ходе карательных операций около 120 тыс. филиппинских патриотов [76, с. 322].

Таким образом, несмотря на рост средств вооруженного на-

силы и активное использование их для осуществления внешней и внутренней функций милитаризма, военно-политическое положение Японии в условиях поражения фашистского блока и японских вооруженных сил на Тихом океане и в Бирме, а также вследствие развития национально-освободительного движения на оккупированных японскими войсками территориях продолжало ухудшаться.

Рост средств вооруженного насилия

Для ведения кампаний 1944 г.—первой половины 1945 г. на суше и в бассейне Тихого океана японское военно-политическое руководство ценой напряжения всех сил страны добилось дальнейшего увеличения численности вооруженных сил. В результате массового использования женского и детского труда в промышленности и сельском хозяйстве, а также эксплуатации ввезенных в метрополию корейских и китайских рабочих удалось высвободить для мобилизации в 1944—1945 гг. новые контингенты и довести состав вооруженных сил до 7,2 млн. человек [167, с. 259].

Численность сухопутных войск в рассматриваемый период возросла с 3,1 млн. до 5,5 млн. Соответственно увеличилось и число соединений. Если в начале 1944 г. в составе армии имелись 72 пехотные, 3 танковые и 7 авиационных дивизий, то к концу войны были уже 171 пехотная, 4 танковые, 13 авиационных и 4 зенитные дивизии [161, с. 403—407]. Авиация (не считая морской) насчитывала к концу войны 8920 самолетов, из которых примерно 5 тыс.— боевые [141, с. 204].

Военно-морской флот, несмотря на серьезные потери (потоплено было 209 кораблей основных классов, в то время как построено лишь 111), все еще представлял собой значительную силу. В начале 1944 г. в его состав входили 203 боевых корабля основных классов, в том числе 9 линкоров, 9 ударных и 4 эскортных авианосца, 31 крейсер, 78 эсминцев и 72 подводные лодки. В начале 1945 г. в составе японского флота имелось 122 боевых корабля основных классов, а к 9 августа 1945 г.— 109, из них 1 линкор, 3 авианосца, 3 крейсера, 44 эсминца и 58 подводных лодок [181, с. 312—318].

К августу 1945 г. на территории Японии были созданы штабы 1-й и 2-й объединенных армий, в состав которых входили шесть территориальных армий, включавших 57 пехотных и 2 бронетанковые дивизии. К концу войны японские вооруженные силы за рубежом насчитывали более 4,5 млн. солдат и офицеров. В метрополии готовились к обороне силы армии и флота общей численностью свыше 2,3 млн. человек [141, с. 206], более 5 тыс. боевых самолетов, 3 тыс. микролодок и человекоторпед-смертников, а также многомиллионный «добровольческий гражданский корпус» [211, с. 2635].

Основная масса вооруженных сил Японии была обучена, идеологически обработана и имела сравнительно высокий морально-боевой дух. Наиболее фанатичной частью войск были офицеры, унтер-офицеры и основная масса рядовых в возрасте от 20 до 30 лет, подвергавшиеся идеологическому воздействию военного пропагандистского аппарата в течение длительного времени.

Именно из этой категории военнотружущих формировались «части специальных атак» («смертники»). Первая из таких частей была сформирована в октябре 1944 г. адмиралом Ониси и приняла участие в боях за Филиппины. Перед началом первой операции Ониси обратился к летчикам-смертникам со следующими словами: «Серьезная угроза нависла над Японией. Спасение родины теперь не под силу министрам, генеральному штабу и подчиненным командирам, таким, как я. Ее могут спасти одухотворенные молодые люди вашего типа. От имени ста миллионов наших соотечественников я прошу вас пойти на самопожертвование и молюсь за ваш успех». 25 октября 1944 г. первая группа «камикадзе» (пять человек) потопила на подступах к Филиппинам американский авианосец и повредила три других корабля [138, с. 109—110].

Значительная часть рядового состава старших возрастов, призванного в 1944—1945 гг., оторванная недавно от семей и работы, в меньшей степени была подвержена идеологическому влиянию буржуазных военных пропагандистов и имела сравнительно невысокий морально-боевой дух. Из состава этой категории имелось больше всего дезертиров, лиц, оказывающих сопротивление командирам, и т. д., причем в 1944 г. их число увеличилось [173, т. 5, с. 75].

Вместе с тем в целом вооруженные силы Японии были боеспособны, что давало возможность японскому командованию продолжать боевые действия против войск США и Англии.

Большая часть «добровольческого гражданского корпуса», особенно молодежь в возрасте 16—18 лет, получила допризывную подготовку, была идеологически обработана и при определенных обстоятельствах могла слепо выполнять приказы командования. Тысячи идеологически обработанных юношей становились «смертниками».

Однако у определенной части «добровольцев», главным образом у рабочих и интеллигенции, преобладали антивоенные настроения. Некоторые из них тайно или открыто агитировали за прекращение войны.

Правительство, осведомленное об антивоенных настроениях в «добровольческом гражданском корпусе», не решалось вооружить его боевым оружием, опасаясь, что оно может быть использовано в революционных выступлениях.

Боязнь японских правящих кругов вооружить свой народ, морально-боевой дух которого был еще недавно предметом их

особой гордости, характеризовала кризис империалистической милитаристской политики военно-фашистского правительства, пользовавшейся все меньшей поддержкой со стороны трудящихся масс Японии.

*Меры военно-фашистской клики
по тотальной мобилизации населения
и ресурсов метрополии
и оккупированных стран для продолжения войны*

Дальнейшее ухудшение военно-политического положения Японии под влиянием побед СССР над фашистским вермахтом и поражений японских вооруженных сил, переход к так называемой континентальной стратегии для ведения длительной войны заставили правящие круги страны объявить тотальную мобилизацию. Основой для тотальной милитаризации под лозунгом «защиты отечества» явилось решение правительства о «всеобщей мобилизации народа».

Правящие круги Японии проводили милитаризацию экономической, политической и идеологической жизни страны вплоть до момента капитуляции.

Отличительными чертами милитаризации японской экономики, проводившейся в период «тотальной мобилизации», были ее всеобъемлющий характер и высокая интенсивность.

Ассигнования и расходы на военные нужды непрерывно росли и значительно превышали ассигнования по бюджету (табл. 16).

Т а б л и ц а 16

*Государственные расходы Японии, 1943—1945 гг. *,
млн. иен*

	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Сумма годовых расходов . . .	12 552	19 872	28 951
Чрезвычайные военные расходы	29 818	73 494	85 000
Повторяющиеся суммы	4 369	7 205	10 114
Окончательный итог	38 001	86 161	103 837
Национальный доход	61 192	80 910	90 000
Отношение общих расходов к национальному доходу, % . .	0,62	1,06	1,15

* [173, т. 5, с. 91]. Бюджетные годы.

Данные табл. 16 свидетельствуют, что общая сумма расходов, начиная с 1944 г., превышала сумму национального дохода страны. Что касается военных расходов, то их сумма при-

ближалась к сумме национального дохода Японии, т. е. почти весь доход государства шел на военные нужды.

Рост расходов на военные нужды происходил за счет населения метрополии и оккупированных стран.

В 1943/44—1945/46 гг. налоги в Японии возросли с 9746 млн. до 13 400 млн. иен. В 1945/46 г. они были в два раза выше, чем в 1941/42 г. По сравнению с 1936/37 г.—последним довоенным бюджетным годом — налоги в 1945/46 г. возросли в 12 раз [35, с. 265].

Кроме подоходного налога взимались налоги на проездные билеты, газ, электричество, на билеты для входа в места увеселения, на игральные карты, прохладительные напитки и т. д. К концу войны в Японии насчитывалось свыше 40 различных видов налогов. Основная тяжесть налогов ложилась на плечи трудящихся.

Возросла роль займов в финансировании войны. В 1944/45 г. 27% бюджета состояло из налоговых поступлений, 53% были получены от размещения займов и 20% — из других источников [35, с. 270—271].

Потребности войны в значительной степени удовлетворялись за счет грабежа населения оккупированных стран. Так, министерство финансов в своих расчетах покрытия военных расходов оценивало товарные поставки из этих стран для 1943/44 г. в 3300 млн. иен, для 1944/45 г. в 25 200 млн. и для 1945/46 г. в 30 136 млн. иен. Таким образом, из общей суммы расходов на ведение войны, составлявшей 188 312 млн. иен, за счет ограбления оккупированных стран было покрыто в 1943/44—1945/46 гг. 58 636 млн. иен, или примерно 31% [35, с. 272].

Большое значение для дальнейшей милитаризации страны имело принятие закона о военно-промышленных компаниях. В первый список военно-промышленных компаний, опубликованный в январе 1944 г., вошло 150 компаний, в основном связанных с самолетостроением. Через три месяца в их число были включены еще 424 металлургические, электрические, газовые и угольные компании. Осенью 1944 г. в список военно-промышленных компаний было внесено еще 97 компаний, находившихся в Корее и на Тайване [57, т. 4, с. 91—92].

В экономике страны значительная роль принадлежала «контрольным ассоциациям». В конце февраля 1944 г. в Японии имелись 22 «контрольные ассоциации», включавшие 314 компаний различных отраслей производства и сферы потребления. В июле 1945 г. правительство предоставило «контрольным ассоциациям» право не только на прибыли, но и на определение размеров убытков фирм, что означало бесконтрольное распоряжение страховыми субсидиями государства.

Таким образом, в 1944 г. было завершено создание сложной и громоздкой системы управления промышленностью и контроля над экономикой страны, которая по замыслам ее организа-

торов должна была обеспечить быстрый рост добычи сырья и топлива, производства электроэнергии, выплавки металлов и увеличение в значительных размерах выпуска вооружения, самолетов, боевых кораблей и транспортных судов.

Однако японским правящим кругам не удалось достичь поставленных целей: в 1944—1945 гг. было выплавлено значительно меньше металла, чем в 1943 г. Уменьшились также производство электроэнергии, добыча каменного угля (табл. 17).

Т а б л и ц а 17

*Важнейшие экономические показатели Японии,
1943—1945 гг. **

	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Добыча угля, млн. т	55,5	49,3	23,3
Добыча железной руды, тыс. т	2630	3504	1174
Производство электроэнергии, кВт·ч	33,9	32,2	20,1
Выплавка чугуна, тыс. т	4416	2796	984
Выплавка алюминия, тыс. т . . .	141,1	110,4	8,7
Выплавка стали, тыс. т	7824	5916	2088
Производство станков, штук .	5011	4487	609

* [57, т. 4, с. 100—101].

Данные табл. 17 показывают, что в 1944—1945 гг. по сравнению с 1943 г. наиболее значительно снизилась выплавка чугуна, стали и алюминия, т. е. как раз тех видов металлов, которые были крайне необходимы для производства вооружения, самолетов, боевых кораблей и транспортных судов. Особенно заметно стало снижение выплавки стали в начале 1944 г. Если в четвертом квартале 1943 г. ее было выплавлено 2304 тыс. т, то в первом квартале 1944 г. — 2085 тыс. т, а в четвертом квартале этого года — лишь 1090 тыс. т [173, т. 5, с. 85].

Несмотря на снижение выплавки стали и других металлов, правящим кругам Японии удалось в 1944 г. увеличить выпуск вооружения и боевой техники за счет радикального уменьшения отпуска металла на расширение производства, на гражданские нужды, а также за счет использования запасов (табл. 18).

Несмотря на снижение в 1944 г. общего производства в стране, выпуск военной продукции возрос.

Как видно из табл. 18, рост производства военной продукции продолжался до сентября 1944 г. Вслед за этим произошло его быстрое снижение примерно до уровня, соответствовавшего 1942 г. Особенно быстрыми темпами после сентября 1944 г. понижался выпуск самолетов, вооружения флота и торговых судов.

Таблица 18

*Динамика военного производства Японии,
1942 г.—июль 1945 г.*
(1941 г.=100)*

	1942 г.	сентябрь 1944 г.	июль 1945 г.
Всего	132	339	139
Самолеты	171	502	221
Вооружение армии	130	224	127
Вооружение флота	158	581	250
Боевые корабли	110	233	110
Торговые суда	135	461	92
Автомашины	62	35	9

* [174, с. 274].

Рост производства некоторых видов вооружения в 1944 г. был достигнут также за счет снижения выпуска многих видов вооружения сухопутных войск (табл. 19).

Таблица 19

*Производство основных видов вооружения для армии
и флота Японии, 1943—1945 гг.**

Вид вооружения	1943 г.	1944 г.	1945 г.***
Танки, тыс.	776	352	94
Самолеты, тыс.	20,02	26,50	5,8
Орудия**, тыс.	5,9	4,5	0,9
Винтовки, тыс.	630	826,7	209,3
Пулеметы, тыс.	56,0	105,4	25,1
Боеприпасы армии и флота, тыс. т.	118,6	155,8	39,5
Боевые корабли***	77(145,7)	248(408,1)	101(98,2)

* [174, с. 279].

** В том числе полевые, зенитные и корабельные.

*** Не включены корабли вспомогательного назначения, десантные баржи и продукция, выпущенная в Маньчжурии и Корее. В скобках — общий тоннаж, тыс. т.

**** До августа.

Данные табл. 19 свидетельствуют, что в 1943—1944 гг. имело место снижение выпуска танков и орудий. Вместе с тем происходил рост производства самолетов, винтовок, пулеметов и боевых кораблей.

Сельскохозяйственное производство в 1943—1945 гг. сокращалось. Сбор риса в 1944 г. составил 58,6 млн. коку (в 1943 г.—62,8 млн. коку), в 1945 г. он уменьшился до 39,1 млн. коку [57, т. 4, с. 100—101]. Это привело к ухудшению снабжения насе-

ления продовольствием. Если до мая 1945 г. наиболее высокая дневная норма выдачи риса рабочему, занятому в военном производстве, составляла 570, то после мая — лишь 310 г, а рабочий в гражданских отраслях стал получать лишь 200 г риса [173, т. 5, с. 103].

Труд на военных предприятиях Японии по существу был принудительным. Но и этим не довольствовались монополии. 3 февраля 1945 г. Токийская ассоциация торговли и промышленности представила премьер-министру ряд рекомендаций по организации труда, в том числе о немедленном создании «промышленной армии», охватывающей всех промышленных рабочих. Предполагалось ввести для членов «промышленной армии» военную систему поощрения и наказания, определить функции «офицеров» — руководящего состава «промышленной армии», создать при правительстве своего рода «экономический генеральный штаб», который возьмет на себя руководство «промышленной армией» [33, с. 257—258]. Эти рекомендации были учтены при решении вопроса о создании уже упоминавшегося «гражданского добровольческого корпуса», который согласно решению кабинета министров наряду с функциями своего рода резерва для армии был наделен функциями трудовой армии. В соответствии с указаниями правительства владельцы промышленных предприятий принялись формировать из рабочих отделения, взводы, роты и батальоны, внедрять строжайшую военную дисциплину, рассматривая ее в первую очередь как средство повышения производительности труда рабочих.

В сельской местности под руководством министерства земледелия и торговли стал создаваться «крестьянский трудовой корпус» — с теми же функциями, что и «гражданский добровольческий корпус».

Несмотря на принятые правящими кругами всевозможные меры по увеличению производства вооружения, выпуск важнейших видов оружия и боевой техники продолжал уменьшаться, в том числе и производство самолетов, которому правительство придавало первостепенное значение. Если за первый квартал 1945 г. было выпущено 4940 самолетов, то за второй — 4499, а за полтора месяца третьего квартала — 1627 самолетов, меньше, чем за аналогичный период предыдущего квартала [173, т. 5, с. 88].

Важной причиной снижения производства японской военной промышленности являлась чрезмерная ее милитаризация, в результате которой сокращались основные отрасли производства и как следствие само военное производство. Японский экономист Оути писал: «Чрезмерный контроль и милитаризация промышленности, нарушившие структуру нашей экономики, являются основной причиной огромного сокращения производительности японского хозяйства в течение войны» [226, с. 6].

Причинами уменьшения производства вооружения в Японии

являлись также: снижение производительности труда рабочих, связанное с тяжелыми условиями труда и плохим питанием; нехватка квалифицированных специалистов вследствие призыва их в вооруженные силы; недостаток сырья для промышленности из-за сокращения его ввоза в метрополию, что, в свою очередь, объясняется нехваткой транспортных судов и усилившимся сопротивлением народов оккупированных стран японскому грабежу; бомбардировки, производимые американской авиацией, ставшие ощутимыми с марта 1945 г.

Таким образом, меры по милитаризации японской экономики не смогли обеспечить потребности ведения войны, главным образом в связи с капиталистической сущностью экономических отношений, неизбежно порождающих острые противоречия в обществе.

Внутренняя политика правящих кругов Японии в 1944—1945 гг. носила еще более милитаристский характер: она была направлена на проведение тотальной мобилизации людских и материальных ресурсов страны и оккупированных территорий на продолжение войны.

Особое внимание уделялось мероприятиям, призванным поднять моральный дух народа, в связи с тем что продолжение войны в условиях быстро ухудшавшегося военно-политического положения Японии вызывало глубокое недовольство различных слоев населения деятельностью правительства генерала Тодзио. В докладе департамента токийской полиции от 22 апреля 1944 г. указывалось, что «в Токио имеется немало людей, которые считают, что исход войны предрешен», имеются и такие лица, которые «охвачены пораженческими настроениями и хотя бы скорейшего окончания войны» [237, с. 17—18]. По данным американской Комиссии по изучению стратегических бомбардировок, число критически настроенных лиц в Японии в июне 1944 г. возросло по сравнению с декабрем 1943 г. в 2 раза. В процентах ко всему населению они составляли в 1943 г.—7—8%, в 1944 г.—17% [237, с. 19].

Ухудшение военно-политического положения Японии и рост недовольства в стране принудили правительство Тодзио уйти в отставку. После отставки кабинета Тодзио новое правительство Коисо¹ пыталось изыскать эффективные средства, могущие коренным образом изменить положение в стране, характеризующееся растущими антивоенными настроениями и разногласиями в правящих кругах Японии. Ключ к преодолению критического положения в стране последние видели в обеспечении поддержки своих милитаристских планов со стороны населения. Премьер-министр Коисо, выступая в сентябре 1944 г. на чрезвычайной 85-й сессии парламента, призывал «улучшить моральное состояние народа» для ликвидации «критического положения» [269, 20.IX.1944]. Для достижения этих целей власти считали необходимым создание под руководством правительства

и Политического общества содействия трону массовой буржуазно-монархической партии. В январе 1945 г. был создан Комитет по укреплению внутреннего положения страны, приступивший к работе по созданию такой партии. 30 января 1945 г. на учредительном съезде была официально создана новая партия под названием Политическое общество великой Японии (Дай Ниппон сэйдзикай). О милитаристском характере этой партии свидетельствовало уже избрание ее главой бывшего военного министра и командующего Квантунской армией генерала Минами Дзиро [177, с. 136]. На съезде в качестве основной задачи партии было провозглашено «обеспечение сотрудничества всех слоев населения в преодолении национального кризиса», т. е. мобилизация всех сил народа на войну. Для организации поддержки новой партией военных и политических мероприятий правительства был учрежден «штаб по руководству движением за освобождение родины» [139, с. 223].

Однако партия, созданная на базе военно-фашистских политических организаций — Ассоциации помощи трону и Политического общества содействия трону, не пользовавшихся доверием народа, — не смогла создать новую политическую атмосферу в стране. В феврале — марте 1945 г. в парламенте усилилась критика правительства Коисо, которое оказалось не в состоянии справиться с растущими трудностями и было вынуждено выйти в отставку. В новом правительстве пост премьер-министра занял бывший генерал-адъютант императора, адмирал в отставке, барон Судзуки, пост министра иностранных дел и министра по делам Восточной Азии — бывший посол Японии в Москве Того, военно-морского министра — адмирал Ионаи, военного министра — генерал Анами, министра вооружения — адмирал Тоёда. Начальником генерального штаба армии стал генерал Сугияма, начальником генерального штаба военно-морского флота — адмирал Оикава [173, т. 5, с. 320].

Кабинет Судзуки, как и предыдущие, сосредоточил свои усилия на изыскании новых средств для продолжения войны, сохраняя милитаристский характер внутренней политики. Выступая в парламенте 7 апреля 1945 г., Судзуки призывал японский народ напрячь все силы для того, чтобы любой ценой выиграть войну [216, с. 151—152].

Получив чрезвычайные полномочия на чрезвычайной 87-й сессии японского парламента в июне 1945 г., правительство Судзуки стало лихорадочно готовить страну к решающим сражениям на территории Японии. Ранее созданные военно-административные округа реорганизовывались в самостоятельные единицы, способные оборонять свою территорию. Быстрыми темпами формировался «гражданский добровольческий корпус», под руководством военных инструкторов проводилось всеобщее военное обучение, вдали от городов создавались укрытые под землей склады оружия, боеприпасов и продовольствия.

Однако большинство японского населения уже не верило в победу Японии. Пораженческие настроения в стране в связи с неудачами императорских вооруженных сил быстро росли, и политические меры японских правящих кругов по мобилизации населения Японии на войну в условиях поражения вооруженных сил фашистского блока, в том числе и японских войск, снижения жизненного уровня трудящихся, усиления их эксплуатации оказались неэффективными.

Внешнеполитический курс японских правящих кругов был направлен на создание условий для продолжения войны с целью заключения «почетного мира» и сохранения за Японией части захваченных ею территорий. Японское военно-политическое руководство полагало, что достижение этой цели будет облегчено укреплением союза с Германией.

В апреле 1944 г. в Токио состоялось несколько заседаний смешанной японо-германской комиссии, созданной на основе договора о союзе двух держав. Комиссия рассмотрела вопросы координации военных усилий обеих стран в войне и дальнейшего укрепления союза Японии и Германии. Через месяц в Токио состоялось новое совещание держав «оси», на котором был обсужден вопрос об укреплении военного сотрудничества между двумя странами [43, с. 197].

После ухода в отставку правительства Тодзио правительство Коисо продолжало курс на укрепление союза с Германией. Премьер-министр генерал Коисо 23 июля 1944 г., на следующий день после формирования кабинета, заявил, что «Япония будет продолжать укреплять свои связи с Германией для достижения общих военных целей» [92, с. 253]. В дальнейшем, несмотря на ухудшение военно-стратегического положения Германии, японское правительство неоднократно подчеркивало верность японо-германскому военному союзу.

Одновременно японское правительство продолжало попытки использования «восточноазиатского блока» для поддержки своих военных усилий. В конце мая 1944 г. на состоявшемся в Токио совещании представителей Японии и Германии приняли участие делегации марионеточных государств — членов Лиги народов Великой Восточной Азии. В апреле 1945 г. японское правительство созвало совещание правительств стран «восточноазиатского блока» с целью привлечения их к непосредственному участию в боевых действиях против союзных войск. Однако мероприятия по укреплению «восточноазиатского блока» в обстановке быстрого роста антияпонских настроений, развертывавшегося освободительного движения и наступления войск союзных держав не принесли японским милитаристам реальной помощи [139, с. 227].

9 мая 1945 г. правительство Судзуки опубликовало заявление по поводу капитуляции Германии, в котором, в частности, было сказано: «Капитуляция Германии, которая приняла на се-

бя обязательство сражаться бок о бок с Японией, действительно достойна сожаления. Наши военные цели основываются на собственном существовании и самообороне». Японское правительство заявило далее, что изменение военного положения в Европе не повлечет за собой ни малейшего изменения военных целей Японии и японская империя вместе со своими союзниками по «восточноазиатскому блоку» будет продолжать сражаться с Соединенными Штатами и Англией [43, с. 223—224].

Стремясь улучшить военно-политическое положение страны, японское правительство предпринимало попытки заключить сепаратный мир с Китаем. Военное командование Японии предполагало в случае успеха значительно усилить за счет экспедиционной армии, находившейся в Китае, группировки своих войск на севере — против СССР и на юге — против США и Англии.

С целью усиления прояпонских элементов в гоминьдане кабинет Тодзио 14 марта 1943 г. подписал соглашение с нанкинским «правительством» о передаче ему японских концессий, находившихся на оккупированной территории, и об отказе Японии от экстерриториальных прав в Китае [278, IV, 1943, с. 377]. 30 июля того же года Япония передала «правительству» Ван Цзин-взя международный селтльмент в Шанхае [278, VII, 1943, с. 931—932].

Одновременно велись переговоры с представителями правительства Чан Кай-ши. В мае 1943 г. по поручению японского правительства в Чунцин прибыл для переговоров У Кай-синь, перебежавший на сторону японцев в начале войны на Тихом океане [43, с. 143]. После этого летом и осенью 1943 г. японское правительство неоднократно предпринимало попытки добиться сепаратного мира с Китаем.

В 1944 г. продолжались попытки японских правящих кругов навязать Китаю сепаратный мирный договор на выгодных Японии условиях. Осенью 1944 г., когда стало ясно, что японское наступление на юге Китая не привело к его капитуляции, влиятельные группировки в правящих кругах Японии решили вступить в тайные переговоры с правительством Чан Кай-ши. В октябре 1944 г. брат князя Коноэ барон Миягава Тадамаро прибыл в Шанхай и, установив связь с японским послом, приступил к неофициальным переговорам с представителями правительства Чан Кай-ши [285, VIII, 1949, с. 386—387]. Однако в обстановке общего ухудшения военно-стратегического положения Японии, а также Германии закулисная деятельность японских правящих кругов, имевшая целью заключение сепаратного мира с Китаем, закончилась неудачей.

Попытка правительства Койсо добиться заключения мира с Китаем в марте 1945 г. путем переговоров в Токио с Мяо Пэй-ченем, представителем Чан Кай-ши, также оказалась безрезультатной в значительной мере из-за отрицательной позиции

Высшего совета по руководству войной в отношении условий, выдвинутых китайским правительством [197, с. 53].

Правительства Коисо и Судзуки, заявляя о своей решимости вести войну «до победного конца», вели в то же время закулисную деятельность, направленную на подготовку к заключению компромиссного мирного договора с Соединенными Штатами и Англией. Так, в сентябре 1944 г. заместитель премьер-министра адмирал Ёнаи дал задание контр-адмиралу Такаги Сокити секретно изучить возможности и условия заключения мира [197, с. 53]. Группа князя Коноэ предприняла попытку установить связь с английским правительством через посла Швеции в Токио Багге. В марте 1945 г. в обстановке быстрого ухудшения военно-стратегического положения министр иностранных дел Сигэмицу по поручению правительства обратился с просьбой к Багге оказать содействие в организации переговоров союзных держав с Японией. После капитуляции Германии в мае 1945 г. Высший совет по руководству войной принял решение о скорейшем окончании войны на приемлемых для Японии условиях [160, с. 599]. В связи с этим решением правительство Судзуки предприняло попытки добиться его реализации через папу римского, а также правительства Швейцарии, Швеции, Финляндии. 18 июня 1945 г. Высший совет по руководству войной поручил министру иностранных дел предложить мир через нейтральные страны, «особенно через Советский Союз», с условием сохранения монархии [239, с. 296].

После этого министерство иностранных дел Японии предприняло ряд попыток добиться посредничества Советского Союза в переговорах Японии с Соединенными Штатами. Японская дипломатия преследовала цели разобщения стран антифашистской коалиции, противопоставления Советского Союза США и Англии [196, с. 139—153].

После вступления Советского Союза в войну против Японии наиболее влиятельная часть японских правящих кругов пришла к выводу о необходимости принятия условий Потсдамской декларации, требовавшей безоговорочной капитуляции Японии. На императорской конференции, проходившей в ночь на 10 августа 1945 г., взяла верх группировка представителей тех кругов дзайбацу, которые более трезво учитывали реальное соотношение сил в войне и соглашались на принятие Потсдамской декларации (Судзуки, Того, Ионаи и др.). Группировка в составе военного министра Анами, начальников генеральных штабов армии и флота Умэдзу и Тоёда и поддерживавшего их бывшего премьера Хиранума, отражавшая взгляды наиболее авантюристически настроенных групп японской буржуазии, требовавших продолжения войны, потерпела поражение [173, т. 5, с. 370—372].

Однако группа, выступавшая за продолжение войны, не смирилась с поражением и организовала путч. В ночь на 15 ав-

густа 1945 г. группа офицеров во главе с подполковником Хатанака убила командира гвардейской дивизии генерала Мори и, использовав поддельный приказ, ворвалась в императорский дворец, пытаясь найти запись речи императора о капитуляции и не допустить ее передачи по радио. Участники путча намеревались изолировать императора, арестовать членов правительства и создать новое правительство во главе с военным министром генералом Анами. Однако действия путчистов не получили поддержки токийского гарнизона. После вмешательства командующего Восточной армией генерала Танака, потребовавшего прекращения выступления, четыре офицера покончили с собой, а остальных инициаторов путча повесили жандармы. Выступления экстремистов, продолжавшиеся еще в течение двух недель, потерпели провал [217, с. 248].

Внешнеполитическая деятельность японского правительства после решения императорской конференции от 10 августа 1945 г. о принятии условий Потсдамской декларации была направлена на создание условий для сохранения существовавшего в Японии буржуазно-монархического строя и прерогатив императора, которые рассматривались японскими правящими кругами в качестве предпосылки возрождения милитаризма в будущем. В ноте, направленной 10 августа союзным державам, японское правительство сообщало о своем согласии принять условия, выдвинутые Потсдамской декларацией, «при условии, что указанная декларация не содержит никаких требований, ущемляющих прерогативы его величества как суверенного правителя» [159, с. 20—21]. Однако союзные страны, согласившись на сохранение императора в качестве номинального главы государства, настояли на подчинении его и правительства Японии командующему союзными войсками, которым был назначен генерал Макатур.

Таким образом, в 1944—1945 гг. развивался кризис внешней политики Японии: японской дипломатии в этот период не удалось заключить мирный договор с Китаем, укрепить «восточноазиатский блок», склонить США и Англию к «компромиссному миру», а СССР — к посредничеству; японские правящие круги не смогли избежать и безоговорочной капитуляции.

Идеологическая обработка населения Японии в этот период по-прежнему подчинялась интересам ведения войны. Ухудшение военно-стратегического положения Японии в 1944 г., породившее антивоенные настроения у значительной части японского населения, снижало эффективность мероприятий правящих кругов по дальнейшей милитаризации государства. Премьер-министр Коисо, выступая в парламенте в сентябре 1944 г., признал, что «народ недостаточно осознает особенности современной обстановки и поэтому руководители ограничены в своих возможностях» [269, 20.I.1944].

Стремясь укрепить тыл страны для продолжения войны,

правительство усилило репрессии в отношении органов печати и лиц, несогласных с его официальной политической линией. Так, сотрудники журналов «Кайдзо» и «Тюо корон», опубликовавшие на их страницах ряд критических статей, были репрессированы, а журналам министерство внутренних дел приказало «самоликвидироваться» [162, с. 163].

По указанию правительства «Японская газетная лига» усилила контроль над прессой, а в феврале 1945 г. эти функции полностью взяло на себя Информационное управление кабинета министров. Проводя курс на милитаризацию культурной жизни страны, власти закрывали зрелищные учреждения, которые по каким-либо причинам было трудно использовать для милитаристского воспитания населения. В марте 1944 г. были ликвидированы всемирно-известные японские театры «Кабуки», «Тэйгэки» и «Нитигэки», а артистов театров заставили участвовать в военном производстве [57, т. 4, с. 122—127].

Преследования распространились даже на область преподавания философии. Так, «киотоская философская школа», несмотря на то что она теоретически обосновывала теорию тотальной войны, была подвергнута критике за «созерцательность», а ее представители изгнаны с кафедр за «подрыв боевого духа народа». На первое место выдвинулась школа «япоцизма», сделавшая упор на проповедование ультранационалистических теорий о превосходстве японской нации и абсолютизацию значения морального духа для победы в войне [57, т. 4, с. 125].

Для подъема морального духа населения правительство сознательно шло на передачу лживых военных сводок, в которых значительно преувеличивались потери противника и преуменьшались потери японских войск. На протяжении войны на Тихом океане в официальных сообщениях Ставки потери американского флота и авиации были преувеличены в 5—7 раз, а потери, понесенные японским флотом и авиацией, были преуменьшены в такое же число раз [173, т. 5, с. 38].

Правящие круги Японии, готовясь к обороне метрополии, мобилизовали печать и радио на пропаганду идеи защиты «страны богов» от «высокомерного врага». Японцев призывали «погибнуть всем до единого», но не дать осквернить «священную землю императора».

Большое значение придавалось кинопропаганде. В фильмах, выпущенных в этот период войны, еще более четко проводится концепция единой в своих действиях и мыслях солдатской массы и ее частицы — героя, выполняющего свой патриотический долг вплоть до самопожертвования. Продолжают пропагандироваться идеи патернализма. Одним из характерных для того времени кинопроизведений является фильм Ямамото Кадзиро «Эскадрилья соколов», выпущенный на экраны страны в 1944 г. В центре фильма — обаятельный, благородный, но

строгий командир эскадрильи истребителей Като, который является не только требовательным офицером, но и справедливым «отцом». Его подчиненные — его «дети», готовые по первому требованию «отца» идти на смерть [42, с. 35].

Японские власти установили на оккупированных территориях контроль за местной кинематографией и поставили ее на службу войне. На Филиппинах, например, японские кинематографисты совместно с филиппинскими сняли фильм под названием «Стреляйте в это знамя» (имелось в виду, что стрелять надо в звездно-полосатый флаг). Фильм был призван показать «братскую помощь» Японии филиппинскому народу в борьбе за независимость и пробудить ненависть к американцам и англичанам [42, с. 39].

Однако в 1944—1945 гг. производство художественных фильмов в Японии сокращалось. Вместо 232 фильмов, выпущенных в 1941 г., в 1944 г. вышло на экраны лишь 46. Отступление японских войск не воодушевляло кинематографистов на создание новых фильмов. Кроме того, уменьшалось количество кинотеатров: лишь в марте — мае 1945 г. от бомбежек пострадало 113 кинотеатров [176, с. 405].

Идеологическая обработка оказывала известное воздействие на население Японии, позволяла держать основную массу народа, особенно молодежь, в плену буржуазной милитаристской идеологии. Многие из них были воспитаны в духе фанатичной преданности императору и ненависти к тем, кого правительство объявляло врагами империи. Тысячи молодых японцев, одурманенных милитаристской пропагандой, добровольно вступали в части «специальных атак» («смертников»). В наибольшей степени такими настроениями отличались японцы — выходцы с островов Тихого океана, Рюкю, переселенцы в Маньчжурию и Корею, а также жители остальных сельскохозяйственных районов Японии (север о-вов Хонсю и Кюсю). Пример массового безрассудного фанатизма впервые продемонстрировали японцы (солдаты и мирные жители), оборонявшие о-в Сайпан, один из островов Марианского архипелага на Тихом океане. Вот как описывают очевидцы массовое самоубийство, происходившее на скалах у высокого мыса Марпи, крайней северной точки острова, куда отошли последние защитники и более тысячи мирных жителей: «Группа примерно из ста японцев выстроилась на камнях у мыса Марпи и церемонно раскланялась перед появившимися солдатами морской пехоты (США.—А. С.). Затем они разделались, окунулись в море, переоделись в чистую одежду и вновь выстроились. Был развернут гигантский японский флаг и розданы гранаты. В строжайшем порядке один за другим они выдергивали кольцо и взрывались... Рядом около пятидесяти мирных жителей с маленькими детьми замешкались. Из соседней пещеры выскочили шестеро японских солдат. С нескрываемым презрением они встали перед колеблющимися и взорвали себя

гранатами. Тогда пристыженные жители последовали их примеру. В других местах происходило проще: японские солдаты штыками принуждали стариков, женщин и детей «бросаться со скал в море, а затем с хриплыми воплями „банзай!“ бросались в атаку и гибли» [138, с. 81].

Однако многочисленные факты и официальные документы свидетельствуют о том, что значительная часть населения, особенно рабочие, отнюдь не являлась фанатиками, она все меньше верила официальной пропаганде и начинала оказывать ей пассивное или активное сопротивление. По данным американской Комиссии по изучению результатов стратегических бомбардировок, с июня по декабрь 1944 г. количество «скептически настроенных» лиц в Японии возросло с 17 до 32%, а в июне 1945 г. составило 55% всего населения страны [237, с. 19].

Уже летом 1944 г. японская печать писала о саботаже рабочих, выражавшемся в порче станков и машин на предприятиях. В 1944 г., по официальным данным, было совершено 216 крупных актов саботажа, в которых участвовало 6627 рабочих [168, с. 93, 97]. Позднее, в июне 1945 г., в докладе генерального секретаря кабинета министров Сакомидзу, представленном премьер-министру Судзуки, с большой тревогой указывалось, что в стране наблюдается «недовольство существующим режимом» и появились «зловещие признаки упадка морального духа населения» [237, с. 137].

Деятельность японских органов пропаганды среди корейского и тайваньского населения в 1944—1945 гг. была направлена на обеспечение консолидации «внутренней японской империи» (т. е. Японии, Кореи и Тайваня) для мобилизации всех сил на войну. С этой целью, в частности, широко пропагандировалось беспрецедентное решение 86-й сессии японского парламента о включении представителей Кореи и Тайваня в парламент после выборов, которые намечалось провести в сентябре 1946 г.²

Население захваченных территорий в Юго-Восточной Азии и районе Южных морей призывалось японскими властями «жить вместе с Японией, процветать и погибать вместе с ней». Среди народов стран, получивших формальную независимость, пропагандировались лозунги, призывавшие к сотрудничеству с японской армией в защите «независимости» от нашествия «западных колонизаторов».

Однако влияние японской пропаганды на население оккупированных территорий становилось все менее действенным. «Оставшиеся на бумаге щедрые японские обещания возбуждали антияпонские настроения быстрее, чем этого могла достигнуть любая контрпропаганда» [50, с. 9].

Идеологическая обработка населения Японии и захваченных японскими войсками территорий была направлена на обеспечение реализации внешней и внутренней функций милитаризма. Главными задачами пропаганды правящих кругов в рассматри-

ваемый период являлось создание условий для тотальной мобилизации ресурсов Японии и оккупированных стран на продолжение войны с целью отражения наступления союзных войск. Правящие круги принимали все меры, чтобы привить ненависть у японцев к странам антифашистской коалиции, внушить им мысль о необходимости самопожертвования во имя сохранения родины. Однако в целом правящим кругам Японии не удалось повысить морально-боевой дух населения страны.

*Кризис и крах японского милитаризма.
Несостоятельность японской военной доктрины*

После поражения фашистской Германии военно-политическое положение Японии продолжало быстро ухудшаться. Огромные вооруженные силы, занятые прежде всего разгромом вермахта, теперь могли быть обращены против дальневосточного агрессора. Согласно своему обещанию вступить в войну с Японией через 2—3 месяца после окончания войны с Германией, данному на Ялтинской конференции, Советский Союз перебрасывал на Дальний Восток свои войска, готовясь к началу боевых действий. Американские и английские вооруженные силы завершили к 21 июня 1945 г. разгром 120-тысячной группировки японских войск на о-ве Окинава [141, с. 208]. Американские и австралийские войска, а также партизанская армия Хукбалахап продолжали бои с окруженными войсками 14-го японского фронта на Филиппинах, насчитывавшими 133,5 тыс. человек [184, с. 1007]. Потери японского флота не восполнялись судостроительной промышленностью: за первое полугодие 1945 г. он потерял 40 боевых кораблей основных классов (1 линкор, 4 крейсера, 13 эсминцев, 22 подводные лодки), в то время как было построено 35 кораблей (17 эсминцев и 18 подводных лодок) [181, с. 312—318]. Японскому флоту все труднее становилось вести боевые действия против союзного флота и охранять коммуникации, связывающие метрополию с материком и островными владениями. Потери торгового флота, тоннаж которого сократился с октября 1944 г. по апрель 1945 г. с 2911 тыс. до 1961 тыс. бр.-рег. т [57, т. 4, с. 103], привели к заметному сокращению ввоза сырья в Японию.

Нехватка металла и участвовавшие бомбардировки привели к снижению выпуска самолетов для армии и флота. В мае 1945 г. было выпущено 1592 самолета для армии, в июне — 1340, а в июле — 1131 [173, т. 5, с. 88]. Положение с пополнением потерь в самолетах для флота было еще хуже. Так, в июне 1945 г. было выпущено 598 самолетов для флота, а потери составили 1048 машин, в июле — 408 самолетов, а потери составили 1277 единиц [142, т. 17, с. 79].

Внутриполитическое положение Японии продолжало ухуд-

шаться. В правящих кругах существовали разногласия относительно будущей политики правительства. Группа политических деятелей во главе с князем Коноэ и ближайшим советником императора Кидо продолжала настаивать на прекращении войны на определенных условиях. В то же время наиболее влиятельные члены правительства и военные деятели, отражая волю основной группировки дзайбацу, ратовали за продолжение войны, стремясь таким путем выторговать у союзных держав выгодные им условия мира.

Правительство Японии было очень обеспокоено ростом антивоенных настроений, участившимися случаями саботажа и уклонением от работы на военных заводах. В июле 1945 г. на судостроительных доках 52% рабочих не выходило на работу, а на авиазаводах — 51% рабочих [238, с. 11].

Летом 1945 г. усилилась освободительная борьба народов Вьетнама, Филиппин, Малайи, Индонезии и Бирмы.

Несмотря на ухудшение военно-политического положения страны, правительство отвергло Потсдамскую декларацию, требовавшую безоговорочной капитуляции Японии [25, с. 104—106].

Отвечая 28 июля на вопросы журналистов, премьер-министр Судзуки заявил: «Мы будем ее (Потсдамскую декларацию.— А. С.) лишь игнорировать. Мы решительно пойдем вперед по пути полного завершения войны» [173, т. 5, с. 362].

Рассчитывая в основном на мощь своих сухопутных сил, насчитывавших свыше 5 млн. человек, японские милитаристы приняли решение превратить метрополию в «неприступную крепость», которую будут оборонять 3,7 млн. человек регулярных войск (2,4 млн. солдат и 1,3 млн. матросов) [173, т. 6, с. 13] и 28 млн. бойцов «гражданского добровольческого корпуса». Оборона Японии, по замыслам японских стратегов, должна была опираться на материковую тыловую базу — Корею — и оккупированную часть Китая, которым отводилась важная роль в будущих сражениях. Военно-экономической базой должны были служить Маньчжурия и Корея, где находились арсеналы, производящие вооружение для сухопутных войск. Кроме того, предусматривалась в случае необходимости переброска войск с континента в метрополию.

Большие надежды японское командование возлагало на части «специальных атак», т. е. отряды «смертников». Такие части были созданы в армейской и морской авиации (свыше 5 тыс. самолетов с экипажами «смертников»), в сухопутных войсках (где солдаты-«смертники», обвязавшись минами, должны были бросаться под танки и взрываться под ними) и в военно-морских силах (3000 катеров, ведомых «смертниками», и человекоторпед) [211, с. 2645].

Американское командование понимало, что для разгрома Японии потребуется еще много сил и война затянется на многие месяцы. Военный министр США Г. Стимсон в памятной записке

президенту Г. Трумэну от 2 июня 1945 г. писал: «Начав вторжение (в Японию.— А. С.), нам придется, по моему мнению, завершить его даже более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию» [136, с. 271—272]. Подчеркивая необходимость участия СССР в войне с Японией, генерал Маршалл писал: «Важность вступления России в войну заключается в том, что оно может послужить той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать» [71, с. 310].

Японский милитаризм, хотя и переживал серьезный кризис, был еще весьма опасен. В случае, если бы Советский Союз воздержался от вступления в войну с Японией, он бы мог принести еще большие бедствия японскому и другим народам.

5 апреля 1945 г. Советский Союз заявил о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете [23, с. 166], однако японское правительство не вняло столь серьезному предупреждению.

6 августа по приказу президента США на японский город Хиросима была сброшена атомная бомба, которой, по сообщению министерства внутренних дел Японии, было убито и ранено примерно 200 тыс. мирных жителей (из них 70 тыс. было убито и 130 тыс. ранено) [173, т. 5, с. 363]. Однако взрыв атомной бомбы почти не отразился на военном потенциале Японии и не заставил ее правительство принять условия Потсдамской декларации [68, с. 263—264].

Правительство Японии скрыло от народа факт атомной бомбардировки Хиросимы. Ставка сообщила лишь о том, что на Хиросиму сброшена бомба нового типа, нанеся значительные потери. Органы противовоздушной обороны опубликовали для успокоения населения инструкцию, рекомендовавшую меры предосторожности по отношению к бомбе нового типа. В инструкции говорилось, например, что достаточно надеть белую одежду или укрыться в убежище, чтобы избежать опасности. Военное командование ограничилось лишь посылкой в Хиросиму комиссии для расследования. Оно по-прежнему было занято подготовкой к решительному сражению на территории Японских островов. Правительственные органы также слабо реагировали на это событие: не был собран даже кабинет министров, а намеченное заседание Высшего совета по руководству войной было отменено [57, т. 4, с. 205—206].

8 августа 1945 г. Советское правительство заявило японскому послу в Москве, что со следующего дня СССР будет считать себя в состоянии войны с Японией. В заявлении Советского правительства сообщалось, что Советский Союз присоединяется к Потсдамской декларации США, Англии и Китая от 26 июля 1945 г., призывавшей Японию к безоговорочной капитуляции, и, верный своей союзническим обязательствам, вступает в войну с Японией. «Советское правительство,— говорилось в заяв-

лении,— считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции» [23, с. 363].

В ночь на 9 августа 1945 г. Советские Вооруженные Силы перешли в наступление против японской Квантунской армии. В этот день премьер-министр Судзуки заявил на заседании Высшего совета по руководству войной: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны» [68, с. 263—264].

9 августа США сбросили свою вторую атомную бомбу на г. Нагасаки, в результате чего, по данным муниципалитета города, было убито 74 тыс. и ранено 77 тыс. жителей (по сведениям «Белой книги потерь от атомной бомбардировки», в Нагасаки число убитых составило 122 тыс.). Всего в Хиросиме и Нагасаки от атомных бомб погибло свыше 300 тыс. жителей [173, т. 5, с. 366].

Атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки была произведена по указанию президента США Г. Трумэна после консультации с правительством Великобритании [136, с. 264, 281], хотя, как признал в 1960 г. генерал Макартур, в этом не было никакой военной необходимости [247, 27.VII.1960].

В течение 9—14 августа 1-й и 2-й Дальневосточные и Забайкальский фронты при участии Монгольской народно-революционной армии и при поддержке Тихоокеанского флота и Амурской флотилии прорвали японскую линию обороны, расчленили Квантунскую армию и нанесли ей тяжелые потери, что создало условия для ее разгрома. Успешное наступление Советской Армии в Маньчжурии способствовало усилению в правительстве Японии группировки, выступавшей за принятие Потсдамской декларации. 14 августа 1945 г. состоялось имперское совещание, на котором присутствовали все министры. Большинство высказалось за принятие решения о безоговорочной капитуляции, к которому присоединился император [139, с. 231]. 15 августа японское правительство, убедившись, что Квантунская армия не в состоянии задержать наступление советских войск, объявило о капитуляции. Таким образом, вступление СССР в войну с Японией и успешное наступление советских войск было главной причиной принятия японским правительством решения о безоговорочной капитуляции. 2 сентября был подписан акт о капитуляции Японии.

Война, развязанная правящими кругами милитаристской Японии, принесла неисчислимые потери, горе и страдания японскому народу, народу Китая, а также народам других стран

Азии и Южных морей. В ходе военных действий было убито 2,5 млн. и искалечено 94,5 тыс. японских военнослужащих. Потери среди гражданского населения составили 668 тыс. человек, из них около 300 тыс. убитыми. В результате бомбардировок и по другим причинам Япония потеряла материальных ценностей на 65 302 млн. иен и, кроме того, 2279 торговых судов общим водоизмещением 8 141 591 бр.-рег. т [173, т. 6, с. 344—345; 57, т. 5, с. 309].

Огромный, не поддающийся учету физический и моральный урон был нанесен здоровью населения Японии в целом, его национальной культуре.

Еще более дорого война обошлась народам, ставшим жертвами японской агрессии.

Наиболее тяжело пострадал Китай. 100 млн. жителей этой страны остались без крова, 10 млн. погибли, в том числе 1,3 млн. были убиты на поле боя. Среди стран Юго-Восточной Азии наибольшие потери понесли Индонезия (2 млн. человек) и Филиппины (1,1 млн. человек) [173, т. 6, с. 347; 255, № 19, 1952, с. 16].

Советский народ и его Вооруженные Силы внесли решающий вклад в разгром Японии и освобождение японского и других народов Восточной Азии и стран Южных морей от тягот милитаризма.

Судьбы второй мировой войны решались на ее главном фронте — советско-германском, на котором вели боевые действия главные силы фашистского блока. За годы войны Советская Армия уничтожила или разгромила 506 дивизий фашистской Германии и 100 дивизий сателлитов «третьего рейха». На советско-германском фронте были уничтожены основные силы вражеской авиации [139, с. 233].

Высшее военно-политическое руководство Японии понимало, что боевые действия на советско-германском фронте оказывали решающее влияние на исход войны. Именно поэтому оно, поверив в силу гитлеровской Германии и недооценив мощь СССР, сделало ставку на победу фашистского вермахта.

Уверенность японских правящих кругов, что Советский Союз вскоре будет разгромлен, а вслед за ним капитулирует и Англия, побудила их принять решение о развязывании войны против СССР, США и Англии в период, когда Япония вела войну с Китаем.

Однако, что касается планов развязывания войны против СССР, они находились в непосредственной зависимости от развертывания событий на советско-германском фронте. Победы Советской Армии под Сталинградом и Курском в 1942—1943 гг. оказали непосредственное влияние на весь ход второй мировой войны. Они заставили Японию отказаться от нападения на Советский Союз и сказались на ходе военных действий на Тихом океане.

Советский Союз, отвлекая на себя огромную массу войск Германии и ее союзников в Европе и мощную Квантунскую армию на Дальнем Востоке, дал возможность Соединенным Штатам и Англии в 1942—1943 гг. оправиться от поражений и подготовить свои вооруженные силы для проведения наступательных операций. В конце 1941 — начале 1942 г. значительная часть сухопутных войск Японии была сконцентрирована на маньчжуро-корейском плацдарме. В начале 1942 г. на их вооружении находилось: 1000 танков, 5800 орудий, 1700 боевых самолетов, в то время когда всего в сухопутных войсках Японии насчитывалось 2260 танков, 12 270 орудий и 5000 боевых самолетов [139, с. 234].

На границах с Советским Союзом японские милитаристы построили 17 укрепленных районов с протяженностью укрепленной полосы до 800 км, на которой насчитывалось свыше 4,5 тыс. долговременных фортификационных сооружений. За время войны на Тихом океане в Маньчжурии были построены железные дороги протяженностью почти 3 тыс. км, свыше 300 военных складов, рассчитанных на хранение 300 тыс. т боеприпасов, 12 тыс. т авиабомб и 250 тыс. т горючего [139, с. 234]. В 1941—1945 гг. на территории маньчжурского плацдарма японские войска создали 129 авиационных баз и посадочных площадок, в том числе 42 аэродрома. Казарменный фонд, рассчитанный в 1941 г. на 39 дивизий, в 1945 г. мог принять до 70 дивизий общей численностью 1,5 млн. человек [26, д. 275, л. 103].

Без преувеличения можно утверждать, что сосредоточение значительной части сухопутных сил на советских границах и бесперспективность дальнейшего наступления японских войск в обстановке поражения вермахта предотвратили захват Новой Зеландии, Австралии, Индии и других территорий и дали возможность Соединенным Штатам и Англии в 1942—1943 гг. оправиться от поражений и подготовить свои вооруженные силы для проведения наступательных операций. Так, японские исследователи, авторы книги «История войны на Тихом океане», отметили, что победа советских войск в Сталинградской битве явилась тяжелым ударом также и по Японии и способствовала «возвращению Макарута на Филиппины, откуда он ранее бежал в Австралию, преследуемый японской армией» [173, т. 4, с. 11].

Строительство в Маньчжурии и Корее мощных укреплений, большого числа аэродромов, складов, железных и шоссейных дорог, казарм в значительной мере уменьшало возможности японских войск в создании оборонительных сооружений на островах Тихого океана и в Юго-Восточной Азии, что облегчило наступление американских и английских войск, а также боевые действия вооруженных отрядов сил освобождения народов оккупированных Японией стран.

Советский Союз оказал в 1937—1941 гг. большую помощь

китайскому народу и его вооруженным силам, особенно 8-й и Новой 4-й народно-освободительной армиям, поставками оружия, боевой техники, обмундирования, продовольствия, подготовкой военных специалистов и т. д., что создало условия для развертывания активных боевых действий китайских войск против японских агрессоров. Благодаря помощи СССР китайская армия в 1937—1941 гг., несмотря на потери, выросла с 1,8 млн. почти до 2,9 млн. солдат и офицеров, а войска, находившиеся под руководством КПК,—с 80 тыс. до 127 тыс. [106, с. 180]. В 1941—1945 гг. японское командование вынуждено было постоянно держать для ведения войны в Китае 600—1100 тыс. солдат и офицеров и свыше 700 тыс.— в Маньчжурии [141, с. 206].

Победы Советской Армии над немецко-фашистскими войсками под Москвой, Сталинградом, Курском, разгром гитлеровской Германии воодушевляли китайский, корейский, вьетнамский и другие народы на борьбу с японскими захватчиками, способствовали развертыванию всенародного освободительного движения за изгнание японских милитаристов.

Таким образом, даже без непосредственного вступления СССР в войну с Японией очевидна выдающаяся роль Советского Союза в обеспечении победы антифашистской коалиции над фашистским блоком, а следовательно, и над Японией.

Командование американско-английских войск планировало проведение военных операций против Японии еще в течение полутора лет после победы над Германией. В докладе Объединенного комитета начальников штабов США и Англии, представленном Рузвельту и Черчиллю на Крымской конференции, предлагалось определить «ориентировочной датой окончания войны с Японией время через 18 месяцев после поражения Германии» [205, с. 503]. Однако вступление СССР в войну против Японии и разгром Советскими Вооруженными Силами Квантунской армии ускорили капитуляцию восточного агрессора и спасли миллионы жизней китайцев, японцев и других народов, причем советские войска непосредственно освободили население Северо-Восточного Китая, Внутренней Монголии и Северной Кореи от японских оккупантов.

Все вышеизложенное убедительно свидетельствует о решающем вкладе советского народа и его Вооруженных Сил в дело освобождения народов Восточной Азии, а также самого японского народа от гнета милитаризма — этого чудовищного порождения империалистической системы Японии.

Поражение милитаристской Японии во второй мировой войне свидетельствовало о несостоятельности японской военной доктрины, характерные черты которой — авантюризм, связанная с ним особая агрессивность и ярко выраженная антикоммунистическая направленность — обуславливались особенностями развития монополистического капитализма и общественно-политической системы Японии.

Авантюризм японской военной доктрины в целом проявился в первую очередь в переоценке военного потенциала своей страны и союзных с нею государств и недооценке военного потенциала стран антифашистской коалиции, особенно СССР, что и определило провал японских планов господства в Азии.

Несостоятельность военной доктрины Японии проявилась в экономическом, политическом, идеологическом и военном аспектах.

Преувеличение своих экономических возможностей ведения борьбы за господство в Азии объективно вело правящие круги Японии к переоценке военно-экономического потенциала страны, ее способности на основе милитаризации экономики обеспечить вооруженные силы оружием и боевой техникой для осуществления военно-стратегических планов.

Наращивание военно-экономического потенциала за счет милитаризации относительно слабой экономики Японии и захвата экономически слабо развитых стран не могло обеспечить ведение успешной войны с индустриальными государствами: Советским Союзом, США и Англией. Высшее японское военно-политическое руководство приняло в 1941 г. решение о начале войны против США и Англии, хотя знало, что эти государства значительно превосходили Японию по своему экономическому потенциалу.

Так, США в 1941 г. превосходили Японию по добыче каменного угля в 9,4 раза, нефти — более чем в 480 раз, по выплавке стали — в 11 раз, чугуна — почти в 12 раз, по выработке электроэнергии — почти в 5 раз [20, № 10, 11, с. 11—12; 57, т. 4, с. 99—103].

Вполне понятно, что на базе относительно слабой капиталистической экономики японская промышленность не смогла произвести для ведения успешных боевых действий необходимое количество самолетов, танков, военных судов и другого оружия и боевой техники. В 1942 г., первом году войны на Тихом океане, в Японии было произведено 10 185 самолетов и 3202 танка, а в США — 47 836 самолетов и 24 000 танков [220, с. 229]. В 1944 г., третьем году войны, в Японии было произведено 26,5 тыс. самолетов, а в США — более 96 тыс. [144, с. 108; 174, с. 279].

Меры по введению военно-государственного контроля над экономикой также оказались малоэффективными, так как не могли устранить конкуренцию монополий, их борьбу за наивысшие прибыли. Верховное командование Японии явно переоценивало возможности японской экономики. Об этом свидетельствует, в частности, «План увеличения боевой мощи в предстоящих решающих сражениях», представленный командованием правительству в январе 1945 г. Этот план был совершенно нереален, так как предусматривал выпуск в 1945 г. 40 тыс. самолетов, спуск на воду торговых судов водоизмещением

1,8 млн. бр.-рег. т, выплавку 5 млн. т стали, в то время как в 1944 г. было выпущено 28 180 самолетов, спущено на воду торговых судов водоизмещением 1,6 млн. бр.-рег. т, выплавлено 2,6 млн. т стали, причем было известно, что выплавка металла и выпуск оружия и боевой техники в конце 1944 г. стали снижаться [216, с. 101].

Агрессивные цели милитаристской Японии оказались несостоятельными и в политическом аспекте, так как политическая цель — уничтожение коммунизма и установление господства над Азией — исходила из переоценки своих экономических и политических возможностей, недооценки возможностей противников, в первую очередь СССР.

Высшее военно-политическое руководство Японии преувеличивало свои способности в деле создания политической структуры, максимально эффективной для ведения войны.

Создание военно-фашистской «новой политической структуры» помогло правящим кругам Японии временно приглушить противоречия между различными группами буржуазно-помещичьего блока, а также между трудом и капиталом и путем массовых репрессий подавить оппозицию. В обстановке военных успехов в начале войны на Тихом океане, с помощью усиленной идеологической обработки населения, правящей олигархии удалось добиться поддержки своей милитаристской политики со стороны значительной части японского народа. Однако по мере ухудшения военно-стратегического положения Японии противоречия в правящем лагере становились всё более острыми, а недовольство населения войной — всё более очевидным. Уже в 1943 г. недовольство войной среди японского населения стало внушать тревогу правительству. В январе 1943 г. кабинет Тодзио дал указание министерству внутренних дел организовать проверку благонадежности рабочих и крестьян «ввиду усиливающегося недовольства народа в связи с его повседневными экономическими нуждами» [237, с. 234]. Летом 1943 г. премьер-министр Тодзио, выступая на конференции губернаторов префектур, признал рост антивоенных настроений в стране и дал указание усилить борьбу с ними. Он призвал, в частности, «немедленно разгонять антиправительственные митинги» [230, с. 228].

Важной формой организованного сопротивления рабочих милитаристской политике правящих кругов Японии являлись прогулы, которые в 1943—1945 гг. приобрели массовый характер. Полицейские репрессии не смогли полностью ликвидировать борьбу рабочих против эксплуататоров. В 1943—1945 гг. (до марта 1945 г.) в Японии имело место 969 трудовых конфликтов, в которых участвовало 70 тыс. человек. В борьбе против эксплуататоров, носившей антивоенный характер, все более активное участие принимали крестьяне.

В 1945 г., даже по официальным данным, число трудовых

конфликтов на заводах достигло 296, а в сельской местности — 2160. Жандармерия ежемесячно привлекала к ответственности более 6 тыс. человек за распространение «вредных слухов».

23 декабря 1944 г. в городах Токио, Кобэ и Иокогама состоялись антивоенные демонстрации трудящихся. Демонстранты прошли по улицам с лозунгами «Долой войну!» [74, с. 162].

Военно-политическое руководство страны переоценило свою способность обеспечить поддержку политики создания «сферы совместного процветания» со стороны народов захваченных Японией стран, а также недооценило силы освободительного антияпонского движения. В 1944—1945 гг. борьба народов стран Восточной Азии и Южных морей против японских оккупантов достигла больших масштабов. В Китае 8-я и Новая 4-я армии и другие антияпонские войска вели на севере наступательные операции. В оккупированных районах Китая и в Корее ширилось партизанское движение. В Индокитае Демократический фронт независимости Вьетнама к лету 1945 г. создал освобожденный район, охватывавший территории нескольких провинций. В Бирме части Антифашистской лиги народной свободы оказали активную помощь союзным войскам в проведении операций против японских армий. В Малайе патриотические силы в начале 1945 г. установили контроль над обширными районами в сельской местности и овладели рядом городов. На Филиппинах боевые действия против японских войск вели Народная антияпонская армия (Хукбалахп) и большое количество партизанских отрядов. В Индонезии части Добровольческой армии защитников родины, созданные под покровительством японского командования, в феврале 1945 г. подняли восстание. Главной руководящей силой освободительного движения в поработанных Японией странах были коммунистические партии, организации и группы [40, т. 10, с. 502—531].

Война выявила органическую слабость военной доктрины Японии, базировавшейся на идеях превосходства японской «божественной» нации и государственного строя, а также на идее паназиатизма. Идеи о превосходстве японской расы и пропаганда паназиатизма носили также антисоветский и антикоммунистический характер и практически широко использовались для притупления классового самосознания трудящихся Японии и других стран Восточной Азии и Южных морей. Борьбу за «обновление», т. е. за «новый порядок» и «сферу процветания», согласно императорскому пути («кодо») японские военные теоретики мыслили на основе «преодоления» коммунистических идей. Говоря о цели войны Японии, автор книги «Война во имя императора», офицер генерального штаба армии Такасима Кадзуо, отражая официальную точку зрения командования, писал: «Подняв высоко великий флаг Японии, мы должны вместе с решительным преодолением коммунистических идей сделать по-настоящему счастливым все человечество, ор-

ганизовав на Западе и Востоке движение обновления» [175, с. 10]. Эта антисоветская направленность идеологии правящих кругов Японии в условиях второго этапа общего кризиса капитализма предопределяла ее слабость.

Оказались несостоятельными, вследствие их антисоветского и антикоммунистического характера и неразрешимого логического противоречия между ними, и идеи превосходства японской расы и паназиатизма. Рассуждения о «божественном происхождении» японского государственного строя, об имманентном превосходстве Японии над всеми другими странами неизбежно сталкивались с лицемерными «паназиатскими» сентенциями о «братстве» всех азиатских народов, об общности их судьбы и т. п. Одно из двух: либо Япония — избранная страна, наделенная «божественной» миссией руководства и, стало быть, стоящая над народами Азии, либо она — одна из азиатских стран, счастливо избежавшая колониального порабощения, поборник национального и расового равноправия [50, с. 8]. Рост антивоенных и антиправительственных настроений населения Японии и развернувшееся под руководством компартий освободительное движение народов поработанных японскими милитаристами стран являлись свидетельством несостоятельности идеологии японских правящих кругов.

Порочность экономического, политического и идеологического аспектов доктрины Японии была основной причиной несостоятельности японских военно-стратегических планов. Их осуществление было невозможно и по чисто военным причинам: из-за рассредоточения войск на огромной территории, разлада в высшем командовании (борьба между армейской и флотской группами), отставания в количестве и качестве вооружения и боевой техники и т. д.

Хотя японская военная доктрина предостерегала против одновременного ведения войны на два фронта [26, д. 275, л. 280], с декабря 1941 г. до августа 1945 г. Япония фактически вела войну на два фронта: против США и Англии, а также против Китая. Кроме того, японское командование на всем протяжении войны держало «фронт» на границе с СССР. Если учесть мощное партизанское движение, развернувшееся в 1943—1945 гг. на оккупированных Японией территориях и представлявшее собой «внутренний фронт», то станут очевидными стратегические просчеты японского высшего военно-политического руководства.

Реализации военно-стратегических планов Японии в значительной мере мешал также разлад между армейским и флотским командованием. Этот разлад в военном руководстве не был случайным, он явился главным образом результатом непрерывной и острой конкурентной борьбы между японскими монополиями, одна часть из которых была тесно связана с армейским командованием, а другая — с командованием военно-

морского флота. Между командованием армии и командованием флота Японии велась борьба по вопросам темпов развертывания видов вооруженных сил, стратегического и оперативно-стратегического планирования, что отрицательно сказывалось на осуществлении военных операций. Например, в 1942 г. командование флота настаивало на проведении операции с целью захвата Австралии и Гавайских о-вов, в то время как командование армии, ожидая решающих побед Германии в войне против СССР, выступало за концентрацию значительных сил армии на маньчжурско-корейском плацдарме. Так как противоречия между армейским и флотским командованием ликвидировать было невозможно, на практике после перехода японских вооруженных сил к стратегической обороне «все операции носили компромиссный характер и не доводились до конца» [57, т. 3, с. 283—287].

Нехватка вооружения и боевой техники не позволяла японскому командованию вести успешные боевые действия на Тихом океане в 1944—1945 гг. Так, в боях за о-в Окинава против американской армии, поддерживаемой 1320 кораблями и 1730 самолетами с авианосцев, Ставка смогла вначале выделить для своей армии всего около 700 самолетов [142, т. 17, с. 2]. Многие виды японского оружия и боевой техники, например самолеты, подводные лодки, радиолокационные станции, уступали по своим тактико-техническим данным соответствующим видам вооружения противника. Бывший начальник штаба японского Объединенного флота адмирал Фукутомэ, сравнивая, например, подводные лодки Японии и США, писал: «Наши подводные лодки были плохо вооружены, они контратаковались противником еще до того, как подходили к целям, либо цель ускользала от них. В то же время хорошо вооруженные и оснащенные совершенным оборудованием подводные лодки противника действовали почти безнаказанно, и наши корабли не могли ни контратаковать, ни уклоняться от их атак» [123, с. 201].

Однако главным просчетом японских правящих кругов была ставка на поражение Советского Союза в войне с Германией. Военно-стратегические планы Японии, предусматривавшие захват владений США, Англии и Нидерландов на Тихом океане, в Южных морях и Юго-Восточной Азии, а затем — Советской Сибири и Дальнего Востока, целиком исходили из расчета на поражение СССР. Победы Советской Армии над немецко-фашистскими войсками означали поэтому крушение самой основы, на которой строились стратегические планы высшего военно-политического руководства Японии.

Таким образом, победа над японским милитаризмом была достигнута совместными усилиями в борьбе народов стран антифашистской коалиции и населения захваченных Японией территорий. Решающий вклад в разгром милитаристской Японии

внес советский народ и его Вооруженные Силы. Поражение японского милитаризма — закономерный результат агрессивной, антисоветской и антикоммунистической политики империалистических кругов Японии в период второго этапа общего кризиса капитализма, свидетельство несостоятельности японской военно-политической доктрины.

Японский милитаризм, являясь орудием вооруженного насилия эксплуататорских классов Японии, превратился в развитую систему при империализме в связи с характерным для этой стадии развития капитализма обострением социальных противоречий, борьбой за колонии, рынки сбыта и источники сырья, быстрым развитием техники и военной промышленности, формированием массовых вооруженных сил и внедрением милитаристской идеологии.

В период империализма состав средств милитаризма в Японии расширился и получил значительное развитие. Он состоял из вооруженных сил, резерва армии и флота, полиции, полувоенных формирований, милитаристских организаций, военной промышленности, научных учреждений, разрабатывающих военные проблемы, военно-политических и военно-экономических органов государства, занимающихся руководством войной, организацией производства вооружения и подавлением движений трудящихся, а также из различного рода государственных органов и общественных организаций, в деятельность которых входит создание и распространение милитаристских идей.

Рост экспансионизма японских монополий обуславливал повышение агрессивности милитаризма. Вместе с тем захват военщиной территорий соседних стран, ресурсы которых использовались для обогащения дзайбацу, разжигая аппетиты японских империалистов, еще более усиливал их стремление к экспансии.

Успехи японских монополистов и военщины в осуществлении экспансионистских и захватнических планов, являвшиеся в значительной мере результатом политики попустительства агрессии Японии со стороны США, Великобритании и других империалистических государств, а также близости и слабости Китая, облегчили борьбу дзайбацу с американскими и западноевропейскими монополиями за китайские источники сырья и рынки сбыта и создавали у японских монополистов и милитаристов преувеличенное представление о своих возможностях в борьбе с крупнейшими индустриальными странами мира, обусловившее рост их авантюризма, что нашло свое отражение в японской военной доктрине.

Мощь «оружия», служащего в руках господствующих классов Японии для подавления экономических и политических дви-

жений пролетариата, возростала за счет расширения аппарата милитаризма, специализации его составных частей, применения новых, изощренных методов борьбы.

Если в первые годы после незавершенной буржуазной революции 1868 г. внутренняя функция японского милитаризма осуществлялась войсками императора, то впоследствии эти задачи помимо вооруженных сил во все большей степени возлагались на полицию, жандармерию и милитаристские организации. Причем в каждой из этих частей аппарата милитаризма выделялись органы, которые специализировались на борьбе с движением трудящихся.

Все большее внимание правящие круги уделяли распространению милитаристских идей, имевших в основном антисоветскую и антикоммунистическую направленность. Милитаристская пропаганда облегчала реализацию как внутренней, так и внешней функций японского милитаризма.

Вооруженные силы Японии — главное орудие японского милитаризма — к началу второй мировой войны представляли собой значительную величину. Наиболее подготовлен был военно-морской флот. Сухопутные войска еще не полностью завершили подготовку к столкновению со своими вероятными противниками вследствие отвлечения значительных средств на ведение боевых действий в Китае и отставания в вооружении и подготовке армии, обнаружившегося в столкновении с советско-монгольскими войсками летом 1939 г.

Осуществление внешней функции японского милитаризма выражалось в использовании вооруженных сил и других элементов милитаризма для захвата чужих территорий, приобретения источников сырья, рынков сбыта и сфер влияния, а также для защиты интересов господствующих классов на территории страны и за ее пределами.

Осуществление внутренней функции выражалось в использовании полиции, милитаристских организаций, а также вооруженных сил для подавления различного рода движений эксплуатируемых масс Японии, направленных против господствующих классов.

Милитаристской Японии и ее военно-политической доктрине были свойственны особая агрессивность, авантюризм, антисоветизм и антикоммунизм. Причинами особой агрессивности Японии были: быстрый рост монополий, чему способствовали большие государственные субсидии и благоприятные условия для грабежа Китая в сочетании с узостью внутреннего рынка; постепенная милитаризация общественно-политического строя, укрепившая монополию военной силы, являвшуюся следствием исторически сложившейся влиятельности самурайства и почти непрерывных агрессивных войн в течение более чем полувека.

Авантюризм милитаристской Японии коренился в особой аг-

рессивности японского монополистического капитала, монархии и военщины, в военных успехах, достигавшихся при относительной экономической слабости страны. Курс на господство Японии в Азии, определенный японскими правящими кругами, был главным признаком их авантюризма. История японского милитаризма свидетельствует, что особая агрессивность империализма Японии питала авантюризм, а временные военные успехи способствовали его быстрому росту.

Антикоммунистическая, антисоветская направленность доктрины Японии была следствием классовой ненависти ее империалистической системы к социалистическому строю СССР, рабочему и национально-освободительному движению, в которых японские буржуазно-помещичьи круги и военщина видели главное препятствие в осуществлении своих агрессивных замыслов.

Внутренняя политика правящих кругов империалистической Японии была направлена в первую очередь на сохранение эксплуататорского общества, основанного на частной собственности на средства производства. Внутренняя политика японской буржуазии и ее государства была определяющей. Отсюда вытекает главенство внутренней функции японского милитаризма, осуществление которой имело целью подавление политических и экономических движений трудящихся масс в интересах эксплуататорских классов метрополии.

Вместе с тем, при сохранении в качестве общего принципа примата внутренней функции милитаризма над внешней, соотношение функций милитаризма в каждом данном периоде истории Японии не оставалось неизменным. В период второй мировой войны внешняя функция японского милитаризма выполняла главную роль, хотя в отдельные периоды и этапы войны на первое место выдвигалась внутренняя функция, например, в период подготовки Японии ко вступлению в «большую» войну и на этапе, когда после первых успехов в войне против США и Великобритании японские вооруженные силы широко использовались для «освоения» захваченных территорий.

В 1942—1945 гг. правящие круги Японии уделяли все большее внимание подавлению растущих политических и экономических движений в оккупированных странах, а в конце войны — и в метрополии в связи с усилением недовольства японских трудящихся войной. Решение японского военно-политического руководства о капитуляции, принятое после вступления СССР в войну с Японией, в значительной мере было обусловлено желанием правящих кругов заранее подготовиться к тому, чтобы не допустить революционного взрыва в результате краха милитаризма. Об этом свидетельствует, в частности, доклад Ф. Коноэ императору, представленный 14 февраля 1945 г. Коноэ писал:

«Хотя поражение, безусловно, нанесет ущерб нашему национальному государственному строю, однако общественное мне-

ние Англии и Америки еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя... Следовательно, одно только военное поражение не вызывает особой тревоги за существование нашего национального государственного строя. С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением.

Главной помехой на пути окончания войны является наличие в армии сторонников обновления (т. е. наиболее оголтелых фашистов.— А. С.), которые со времени маньчжурского инцидента форсировали события и привели нас к настоящему положению... При всех обстоятельствах ликвидация этой группы и перестройка в военных кругах непременно потребуют от Вашего Величества поистине исключительной решимости, поскольку дело касается спасения Японии от коммунистической революции» [57, т. 4, с. 252].

Опыт функционирования японского милитаризма накануне и в ходе второй мировой войны свидетельствует, что решение правящих кругов о вступлении страны в «большую» войну принимается после того, как уже подавлено движение трудящихся.

Вместе с тем в порядке подготовки к «большой» войне применялся метод «откройте огонь, и вы сплотите нацию» (например, в период оккупации Маньчжурии). В этом случае введение военного положения и чрезвычайного законодательства, ура-патриотическая пропаганда, призывы «защищать отечество», с одной стороны, облегчали подавление движений трудящихся, с другой — служили обоснованием для усиления системы милитаризма.

Начало второй мировой войны, дальнейшее развитие японской агрессии и усиление подготовки правящих кругов Японии к участию в «большой» войне в обстановке продолжавшихся военных действий в Китае ускорили рост в стране военного государственно-монополистического капитализма (ВГМК), который являлся главной экономической базой милитаризма. Быстрое развитие ВГМК означало усиление милитаризма. В то же время рост системы вооруженного насилия содействовал ускорению формирования ВГМК.

Создание ВГМК в Японии и обусловленное им укрепление союза монополий и военной клики привели к появлению японского военно-промышленного комплекса, являвшегося основой системы военного насилия, применяемой эксплуататорскими классами, и прежде всего дзайбацу.

Усиление японского милитаризма проявилось главным образом в росте уже существовавших и создании новых элементов в системе вооруженного насилия. Были увеличены вооруженные силы, созданы военно-политические, военно-экономические и во-

енно-идеологические организации, расширены милитаристские функции многих уже существовавших органов и обществ. Усиление милитаризма в Японии выразилось также в предоставлении ключевых постов в правительстве военщине и в расширении прав военных органов, в том числе военной полиции.

Рост мощи японского милитаризма способствовал активизации системы вооруженного насилия, которая нашла свое выражение во внешней форме — в оккупации Французского Индокитаа, непосредственной подготовке вооруженных сил к боевым действиям против СССР, США и Великобритании, в усилении шпионско-диверсионной деятельности против СССР, МНР и других стран, в широком подавлении патриотических сил на оккупированных японскими войсками территориях, главным образом в Маньчжурии, Корее и оккупированной части Китая; во внутренней форме — в массовых арестах антивоенных элементов в Японии, особенно летом и осенью 1941 г.

Дальнейшая резкая активизация внешней формы японского милитаризма, проявившаяся в нападении на колониальные владения США и Великобритании, была обусловлена завершением формирования в Японии военно-фашистского режима и ускорением процесса создания военно-промышленного комплекса, военными успехами союзной с Японией фашистской Германии в Западной Европе, заключением пакта трех держав, ослаблением позиций европейских стран в своих колониальных владениях в Азии, резким обострением империалистических противоречий Японии с Соединенными Штатами и Великобританией.

Первоначальный успех проявления внешней формы японского милитаризма в 1941—1942 гг. объясняется существованием ряда благоприятных для агрессии Японии причин, в том числе следующих:

- Япония к декабрю 1941 г. завершила развертывание и модернизацию флота, сосредоточение войск на избранных направлениях;

- японским вооруженным силам противостояли в основном войска из местного населения (малайцы, индийцы, филиппинцы), не желающие сражаться за интересы колонизаторов;

- Великобритания, сосредоточив основные усилия в войне против Германии и Италии в Европе, Северной Африке, Атлантике и Средиземном море, ослабила вооруженные силы в Юго-Восточной Азии;

- Соединенные Штаты еще не развернули свой военный потенциал;

- японским правящим кругам удалось дезориентировать американское правительство относительно направления своего первоначального удара, а командованию — обеспечить внезапность нанесения первых ударов.

В долгосрочном плане первоначальный успех японского нападения против США и Великобритании в значительной мере

явился следствием политики попустительства этих держав агрессии Японии, проводившейся в течение 30-х годов.

Начальный период войны Японии против Соединенных Штатов и Великобритании, отмеченный разгромом англо-американских вооруженных сил и захватом японскими войсками в короткие сроки огромных территорий, свидетельствовал о способности японских милитаристов достигать значительных военно-политических целей, используя выгодную для агрессии ситуацию.

Успехи японского милитаризма в осуществлении его внешней функции в большой степени объясняются умением военно-политического руководства Японии оперативно использовать благоприятную обстановку для агрессии, в максимально короткие сроки концентрировать превосходящие силы на главных направлениях и решительно добиваться поставленных целей. Ему удавалось добиваться высокой боеготовности и боеспособности частей и соединений путем интенсивного обучения и усиленной идеологической обработки военнослужащих.

Япония никогда не объявляла заранее о состоянии войны, нападая внезапно, что давало ей большие преимущества, особенно в начальный период войны.

В период подготовки к войне японские правящие круги жестоко расправлялись с оппозиционными силами внутри страны, усиливали идеологическую обработку населения, культивируя ненависть к вероятному противнику и его «пособникам» внутри страны. Это сводило до минимума выступления трудящихся против эксплуататорских классов и войны и позволяло командованию оставлять в метрополии для осуществления внутренней функции небольшие силы армии и флота (в декабре 1941 г. из 51 пехотной дивизии, имевшейся в распоряжении японского командования, на Японских островах дислоцировались лишь 4 дивизии). Это повышало возможности использования вооруженных сил в агрессивных целях.

Вместе с тем японское высшее военно-политическое руководство проявило авантюризм, чрезвычайно опасный для народов Японии и соседних стран. Оно оказалось несостоятельным в области прогнозирования хода вооруженного конфликта в целом. Об этом свидетельствует вступление Японии в войну против США и Великобритании, экономический потенциал которых в несколько раз превосходил японский, в то время, когда гитлеровский «блицкриг» против СССР терпел крах, а война в Китае была далека от завершения.

Правящие круги Японии сделали ставку на быструю победу Германии над Советским Союзом, рассчитывая, что после этого фашистский блок сокрушит Великобританию, а затем — США. Однако в обстановке мощных контрударов советских войск зимой 1942 г. на главном фронте второй мировой войны успешное наступление японских вооруженных сил на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии не имело перспектив. Японское командова-

ние, организуя захват островов, находящихся в тысячах километров от метрополии, растягивало коммуникации и делало все более уязвимыми свои слабые места (недостаток торговых и конвойных судов), что неизбежно должно было привести к сокращению ввоза стратегического сырья и как следствие к снижению уровня производства вооружения, а также к ограничению возможности переброски войск.

В то же время факты опровергают утверждения некоторых буржуазных историков, что уже весной и летом 1942 г. японский милитаризм будто бы не имел силы для дальнейшего наступления и что перелом в войне на Тихом океане произошел в результате сражения у атолла Мидуэй или на Гуадалканале.

В первой половине 1942 г. японский милитаризм находился в апогее своих успехов: были захвачены огромные территории; внутри страны подавлены антивоенные элементы, основная часть населения находилась под влиянием милитаристской идеологии, власть военщины и монополий укреплялась.

Главной силой, сдерживавшей дальнейшее активное проявление внешней формы японского милитаризма, являлся Советский Союз, сорвавший гитлеровский «блицкриг» и связанные с ним совместные германо-японские военно-стратегические планы, в результате чего военно-политическое руководство Японии во второй половине 1942 г. не решилось напасть (как планировалось ранее) на СССР или предпринять наступление на Индию и Австралию.

Коренной перелом во второй мировой войне в пользу антифашистской коалиции, происшедший в 1943 г. в результате побед Советских Вооруженных Сил под Сталинградом и Курском, оказал решающее влияние на планы японских милитаристов, которые вынуждены были перейти к стратегической обороне на Тихом океане, упустив, таким образом, стратегическую инициативу и потеряв вследствие этого ряд преимуществ.

В 1944—1945 гг. в обстановке постоянного ухудшения военно-политического положения Японии правящие круги продолжали проводить интенсивную милитаризацию страны, которая выражалась в увеличении мощи армии и флота, в придании государственным органам и общественным организациям все новых военных функций, в создании на захваченных территориях марионеточных милитаристских правительств, армий, полиции, организаций и в мерах по мобилизации ресурсов оккупированных стран на войну. Ценой огромного напряжения всех сил и ресурсов Японии и ограбления захваченных территорий японскому правительству удалось добиться увеличения производства некоторых видов оружия, в основном для военно-морских сил. Однако после сентября 1944 г. происходит снижение производства большинства видов вооружения.

Главными причинами неспособности японских правящих кругов выполнить планы увеличения выпуска оружия и боевой

техники являлись: капиталистическая система страны с ее анархией производства и безудержной конкуренцией монополий; нарушение баланса между основными отраслями промышленности и военным производством, происшедшее в результате чрезмерной милитаризации экономики; усиливавшееся недовольство трудящихся войной, их саботаж и другие проявления антивоенной деятельности; нехватка транспортного флота для обеспечения промышленности метрополии сырьем и горючим; развертывавшееся национально-освободительное движение на захваченных японцами территориях, срывавшее планы мобилизации ресурсов «сферы процветания» на войну; бомбардировки американской авиации, а также ряд других причин.

Хотя в этот период правящим кругам Японии в целом удалось увеличить военный потенциал страны, однако это не привело к активизации внешней формы милитаризма в связи: с поражениями Германии, главного члена фашистского блока, в Европе, и прежде всего на советско-германском фронте; постепенным изменением соотношения сил на Тихом океане, в Юго-Восточной Азии и усилением наступления союзных войск; развертыванием антифашистского освободительного движения на захваченных Японией территориях.

В то же время активизировалось проявление внутренней функции японского милитаризма, что было обусловлено усилившимся недовольством войной со стороны трудящихся масс и участием их в различных видах антивоенного движения. Это вызывало у правящих кругов опасения массовых выступлений японского населения. Поэтому вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 г. было главной причиной, ускорившей капитуляцию Японии.

Советский народ и его Вооруженные Силы, разгромившие фашистский вермахт и нанешие поражение соединениям Квантунской армии, внесли решающий вклад в победу антифашистской коалиции над милитаристской Японией.

* * *

Разгром Японии явился сокрушительным ударом по всей системе японского милитаризма, прежде всего по военно-промышленному комплексу, политике и идеологии военно-фашистской клики. Капитуляция Японии имела важные последствия для ее послевоенного развития. Армия и флот Японии были демобилизованы, военные заводы остановлены и частично демонтированы, военные преступники преданы суду Международного военного трибунала. В стране были созданы условия для развития демократических сил.

Крушение господства Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии создало условия для национального возрождения и социального развития многих азиатских стран. Добились независимости и встали на путь социализма народы Вьетнама, Ки-

тая, Северной Кореи [11, с. 41—42]. На месте бывших колоний и полуколоний возникли суверенные государства: Индия, Пакистан, Бирма, Индонезия и др.

Азиатские страны, освободившиеся от колониальных оков, решительно выступали за ликвидацию японского милитаризма.

Поражение Японии, связанное с громадными потерями материальных средств [173, т. 6, с. 344], привело к значительному ослаблению монополий, которые являлись главной опорой милитаризма. В связи с потерей Японией захваченных территорий японские монополии лишились 14% своего капитала [259, 1949, VII]. Важную роль сыграли антитрестовские меры, принятые оккупационными властями под нажимом СССР и при поддержке японских демократических сил, в частности законы «О запрещении монополий» и «О ликвидации чрезмерной экономической концентрации» [57, т. 5, с. 127—128].

Ослабление позиций монополий, меры по демилитаризации страны привели к распаду военно-промышленного комплекса.

Весьма важным последствием разгрома Японии являлось укрепление позиций японского рабочего класса и его организаций. 1 декабря 1945 г. состоялся IV съезд Коммунистической партии Японии — ее первый легальный съезд. 2 ноября 1945 г. была создана Социалистическая партия Японии [166, с. 233]. Рост прогрессивных сил позволял им препятствовать попыткам правящих кругов вернуться на путь милитаризации страны. Например, в результате движения за запрещение ядерного оружия, развернувшегося в 1954 г., было собрано 35 млн. подписей под соответствующим требованием, и японский парламент единогласно высказался за запрещение ядерного оружия.

Одним из факторов, которые мешают милитаризации страны, является принятие в 1947 г. Конституции Японии, ст. 9 которой провозглашает:

«Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается» [112, с. 758].

Существование этой статьи в Конституции служит юридической опорой деятельности антимилитаристских сил.

Одним из последствий капитуляции Японии является резкое изменение в отношении населения к войне и военным. Поражение Японии привело к крушению мифов о непобедимости японских вооруженных сил, божественности императора и избранности японской нации. Оно явилось причиной разочарования

в войне как средстве политики и падения престижа гумбацу. Выявившиеся массовые зверства японской военщины усилили антипатию к ней у населения, породили у японцев чувство вины перед соседними народами — недавними жертвами агрессии Японии.

Уничтожение сотен тысяч японских граждан американскими атомными бомбами в городах Хиросима и Нагасаки, а также испытания атомного оружия в послевоенные годы вызвали у японского народа (в большей мере, чем у других народов) чувство страха перед ядерной войной.

Следовательно, изменения в психологии японцев носили в основном антимилиитаристский характер. Указанные выше последствия поражения вынудили японские правящие круги временно отказаться от агрессивной политики.

Однако позиция Соединенных Штатов и Великобритании по отношению к Японии вскоре изменилась. Рост революционного и национально-освободительного движения в Азии и усиление прогрессивных сил Японии вызвали большую озабоченность в Вашингтоне и Лондоне. Американские оккупационные власти оказали поддержку японскому правительству в подавлении демократического движения в Японии. Началась «холодная война», а затем и агрессия американского империализма против КНДР. Изменение обстановки на Дальнем Востоке создало условия для усиления монополий и возрождения в определенной степени японского милитаризма.

В конце 40-х — начале 50-х годов американские оккупационные власти стали содействовать усилению японских монополий в связи с подготовкой и в ходе войны в Корее. В выполнении американских «специальных заказов» принимало участие более 235 крупных японских компаний [267, № 10, с. 107].

В 1953 г. парламент Японии принял закон, санкционировавший возрождение монополий. В последующие годы правительство принимало активные меры по стимулированию концентрации промышленности [139, с. 251].

Послевоенные монополистические группы, опираясь на оставшуюся в их руках значительную индустриальную базу и крупные ресурсы дешевой рабочей силы, а также используя поддержку США, сумели многократно увеличить свой капитал и быстрыми темпами переоснастить и расширить японскую промышленность на основе новейшей техники, заимствованной из передовых стран. Тем самым была создана база для воссоздания и развития японских вооруженных сил.

Еще в 1945 г., проводя демобилизацию армии и флота, правительство Японии с ведома и согласия американских оккупационных властей принимало меры для сохранения части военных кадров. Они использовались в полицейских формированиях, численность которых в 1946—1948 гг. возросла с 93 тыс. до 150 тыс. человек. В департаменте охраны на море служило

10 тыс. офицеров и матросов, а в составе железнодорожной полиции — еще 20 тыс. человек. Кроме того, были созданы «сельскохозяйственные кооперативы», некоторые из них целиком состояли из демобилизованных офицеров и строились по принципу военной организации [139, с. 261].

В 1950 г. в Японии был сформирован «резервный полицейский корпус», который через два года был преобразован в «корпус безопасности», а летом 1954 г. был принят закон о создании «сил самообороны» — фактически сухопутных войск, военно-морского флота и авиации.

К началу 1975 г. «силы самообороны» насчитывали 266 тыс. солдат и офицеров. Они имели на вооружении 700 танков, 4,6 тыс. орудий и минометов, 140 управляемых снарядов типа «Хок» и более 140 снарядов типа «Найк», 45 эсминцев, 14 подводных лодок, 1570 самолетов и вертолетов [245, № 7, с. 10]. Наличие в составе «сил самообороны» большого количества танковых соединений говорит о намерениях японских правящих кругов использовать их в случае необходимости в наступательных целях.

В последние годы особое внимание уделяется перевооружению сухопутных войск, авиации и флота новым оружием. В связи с этим быстро растут военные расходы. Если на Первый план укрепления и развития «сил самообороны» (рассчитанный на 1958—1961 гг.) было ассигновано 654,9 млрд. иен, то на Пятый (рассчитанный на 1977—1982 гг.) — свыше 10 триллионов иен, или в 15 раз больше [261, 1968, с. 353; 266, № 5, с. 30; 248, 24.IV.1977].

Японские монополии принимают все большее участие в снабжении «сил самообороны» оружием. Если в 1955 г. оснащение оружием «сил самообороны» за счет отечественного производства составило 30,4%, то в 1965 г. — 82,7, а в 1972 г. — 93,6% [261, 1968, с. 90; 245, 1975, № 7, с. 15].

Рост мощи японских монополий, расширение их участия в выпуске вооружения для «сил самообороны», увеличение ассигнований на военные нужды и численности вооруженных сил Японии способствовали восстановлению и укреплению связей монополистических групп с военщиной.

В Японии начинают складываться военно-промышленные системы, среди которых главные позиции занимает финансово-монополистическая группа Мицубиси с ее военно-промышленными компаниями «Мицубиси дзюкогё» и «Мицубиси дэнки», выполняющими более 30% заказов Управления национальной обороны [276, 17.XI.1970, с. 42; 12.I.1971, с. 98]. Растет участие в военном производстве групп Мицуи и Сумитомо [22, с. 72].

По мере расширения участия монополий в военном производстве усиливаются связи монополистов и их организаций с руководством вооруженными силами страны. Главы японского правительства в послевоенный период: Иосида, Киси, Икэда,

Сато, Танака, Мики, Фукуда, Охира — тесно связаны с монополистами, причем большинство из них — родственными узами.

Многие бывшие чиновники Управления национальной обороны занимают посты в крупных компаниях, производящих вооружение. Так, по сообщению еженедельника «Фар Истерн Экономик Ревью», в 1965—1969 гг. около 145 бывших высокопоставленных сотрудников Управления национальной обороны Японии (42% всех ушедших из аппарата управления за это время) занимают официальные посты в компаниях военной промышленности. Кроме того, за указанное пятилетие из 340 офицеров, генералов и адмиралов «сил самообороны», ушедших в отставку, 225 поступили на службу в частные компании, причем 164 из них работают у зарегистрированных подрядчиков Управления национальной обороны [246, № 42, с. 19].

Таким образом, в Японии вновь происходит процесс сращивания монополий с военщиной, вновь формируется военно-промышленный комплекс.

Большое влияние на пути и темпы милитаризации страны оказывает военно-политический союз Японии с Соединенными Штатами. Основой этого союза является Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности, подписанный в 1960 г. [см. 262, 1960, № 4, с. 239—268]. Этот договор был автоматически продлен в 1970 г. и будет действовать, пока одна из сторон не заявит за год о желании его денонсировать.

«Договор безопасности» дает возможность Соединенным Штатам «пользоваться оборудованием и районами на территории Японии». В соответствии со ст. 5 договора Япония обязана вместе с США «предпринимать действия для ликвидации общей опасности». Это означает, что японские вооруженные силы могут быть автоматическими втянуты в любой военный конфликт, созданный США в Азии.

«Договор безопасности» предусматривает «развитие способностей обеих стран к отражению вооруженного нападения», т. е. обязывает Японию усиливать свой военный потенциал.

В годы американской агрессии в Индокитае японские монополии согласно «Договору безопасности» поставляли американским вооруженным силам и сайгонскому режиму боеприпасы, напалм, военные автомашины и другие военные материалы. На японских заводах ремонтировались военные корабли, танки и другое вооружение, вышедшее из строя во Вьетнаме. В 1965—1971 гг. сумма выполненных Японией военных заказов и услуг составила 3,8 млрд. долл. [186, с. 905].

Правительства Японии и США создали японо-американскую консультативную комиссию по «Договору безопасности», следящую за его выполнением. Летом 1976 г. был сформирован рабочий орган этой комиссии — японо-американский координационный комитет по вопросам обороны. В его функции входит «определять основную линию совместных японо-американских

военных операций, поддерживать связь между военными представителями двух стран в руководстве этими операциями и устанавливать зоны действий вооруженных сил Японии и США» [248, 24.IV.1977].

Нынешний курс японских правящих кругов направлен на усиление военной роли Японии в Азии. Уже на первом после формирования правительства Фукуда заседании Национального совета обороны (НСО) премьер-министр, являющийся его председателем, предложил расширить функции НСО и превратить его в «орган по вопросам безопасности не только Японии, но и азиатского региона». В настоящее время НСО и Управление национальной обороны проводят подготовку к реализации этого предложения [248, 24.IV.1977].

Новым фактором, способствующим милитаризации Японии, является усиление ее связей с Китаем, маоистское руководство которого с конца 50-х годов стало проводить великодержавную и антисоветскую политику, предъявляя СССР территориальные требования и поддерживая претензии японских правящих кругов на принадлежащие СССР Курильские о-ва. Еще в большей степени ускорению дальнейшей милитаризации Японии послужило создание японо-китайского союза, направленного против СССР под вывеской договора «о мире и дружбе», чего добивалось руководство КПК. Еще до заключения этого договора, с 5 по 17 апреля 1977 г. в Китае побывал «в совершенно секретном порядке» представитель Управления национальной обороны Ивасима. Этот визит явился первым официальным посещением Китая японским военным деятелем после окончания второй мировой войны. Ивасима присутствовал на учениях китайских войск и провел ряд встреч с высокопоставленными военными представителями [248, 24.IV.1977].

Стремление Японии к гегемонии среди капиталистических государств Азии усилилось после провозглашения президентом Никсоном 25 июля 1969 г. так называемой Гуамской доктрины, в которой Японии отводилась решающая роль в осуществлении планов США в Азии. В послании конгрессу в феврале 1970 г. президент Соединенных Штатов подчеркнул, что партнерство с Японией обеспечит успех «доктрины Никсона» в Азии [290, 19.IX.1970]. После нее была провозглашена «доктрина Форда», еще более подчеркнувшая роль Японии как опоры американского империализма в Азии. Администрация президента Дж. Картера проводит по отношению к Японии такую же политику.

Таким образом, усиление монополий, военно-политический договор Японии с Соединенными Штатами, военные связи с нынешним руководством Китая, стремление японских правящих кругов занять главенствующее положение в Восточной и Юго-Восточной Азии создают условия для милитаризации Японии.

Правительство и реакционные политические организации Японии, добиваясь поддержки со стороны населения в своем стремлении к милитаризации страны, усиливают его идеологическую обработку, которая проводится с использованием опыта второй мировой войны.

Во-первых, идеологической обработкой населения стали активнее заниматься непосредственно само правительство и государственные органы. В 1962 г. при кабинете министров Японии был создан специальный идеологический орган — комитет «хитодзукури» (т. е. «формирование человека»), в состав которого вошли ведущие министры, руководители главных пропагандистских органов и центров страны. Этот комитет справедливо был назван прогрессивной общественностью «хэтайдзукури», т. е. комитетом «формирования солдата». Усилили милитаристскую пропаганду отдел информации при кабинете министров, отдел информации министерства иностранных дел, министерство просвещения.

Во-вторых, правительство, монополии, правящая Либерально-демократическая партия активизировали пропагандистскую деятельность милитаристских организаций: Лиги друзей родины, объединяющей в своих рядах около 1,5 млн. бывших военнослужащих; Общества опекунов сил самообороны; Союза боевых друзей (Тайю кай), который издает ежемесячный журнал «Тайю» («Боевые друзья») и проводит большую пропагандистскую работу (чтение лекций, выступления по радио и телевидению, организация выставок оружия).

В-третьих, усилилась американская пропаганда среди японского населения, основным содержанием которой стал тезис о необходимости укрепления военно-политического союза Японии с Соединенными Штатами. Активную пропагандистскую деятельность в Японии проводят аппарат американского посольства, в котором насчитывается 2,5 тыс. сотрудников (больше, чем в посольствах всех остальных стран в Токио), и Американо-японское общество культурных связей, которое имеет свои филиалы во всех крупных японских городах. Печать, телевидение, радио, кино Японии получают большое количество пропагандистских материалов от Информационного агентства Соединенных Штатов Америки.

В-четвертых, все шире используются для милитаристской пропаганды массовые средства информации: печать, радио, кино и особенно телевидение, получившее широкое развитие. В настоящее время практически почти каждая японская семья имеет телевизор. С 1963 г. по телевидению передается многосерийная программа под общим названием «Оборона Японии» и многосерийные телефильмы на тему о второй мировой войне, прославляющие японскую армию, например 26-серийный телефильм «Боевые друзья». В кинотеатрах страны и по телевидению все чаще показывают фильмы милитаристского содержания:

«Силы самообороны и американская армия», «Песня отправляется на фронт», «Самый длинный день» и т. п.

В-пятых, все более важным органом милитаристской пропаганды среди населения становится сам аппарат вооруженных сил Японии. В «силах самообороны» создана «служба информации», предназначенная специально для пропаганды среди населения, которой руководит отдел информации секретариата Управления национальной обороны. В видах вооруженных сил имеются отделения информации, в соединениях и частях — офицеры информации.

В-шестых, в 70-х годах идеологическая обработка населения проводится все более изощренно. Усиливается пропаганда превосходства японской нации и реванша. В разработанных для пропаганды среди населения и особенно среди личного состава «сил самообороны» материалах подчеркивается необходимость всемерного содействия распространению идеи о «превосходстве японской нации». Например, в пособии по моральному воспитанию «сил самообороны» сказано: «Мы должны в полной мере осознать превосходство японцев»; «О превосходстве нашей японской нации говорит тот факт, что перед нами дрожали великие державы». В 1970 г. министерством просвещения была подготовлена новая учебная программа для средней школы и техникумов, в которой особое внимание уделялось воспитанию у учеников «самосознания того, что они японцы» [260, 7.V.1970]. Из учебников по истории Японии изъяты разделы о японских военных преступниках, их заменили сентенции о «героизме» японского воинства в период второй мировой войны.

Буржуазная пропаганда стремится ослабить воспоминания японского населения о трагедии войны, пытается затушевать роль в ее развязывании буржуазно-помещичьего блока и милитаристов. Первое место в публикациях о войне все чаще занимают материалы антисоветского характера, извращающие причины вступления Советского Союза в войну, рисующие «ужасы» жизни военнопленных в СССР и пр.

В стране все шире разворачивается пропаганда реваншистских, шовинистических идей. В 1969 г. при правительстве Японии было создано специальное Управление по делам Окинавы и «северных территорий»; появилась «Ассоциация по мероприятиям в отношении „северных территорий“», издающая свой печатный орган; властями была санкционирована публикация географических карт и школьных учебников, в которых советские острова — Хабомаи, Сикотан, Кунашир и Итуруп — были обозначены как японские территории [257, 26.XI.1970].

В распространяемых Управлением по вопросам «северных территорий» брошюрах, изданных в 1977 г., к японским территориям отнесена южная половина Сахалина и все Курильские о-ва [257, 22.IV.1977].

В последние годы правящие круги Японии все чаще демон-

стрируют свой антисоветизм. Так, в 1977 г. японские реакционеры всех мастей подняли провокационную шумиху в связи с временными мерами Советского Союза по сохранению рыбных запасов в пределах 200-мильной зоны. Японская делегация в Москве прервала переговоры о рыболовстве. В адрес СССР прозвучали угрозы со стороны политических деятелей Японии. Член нижней палаты парламента Масаюки Фудзио, например, заявил, что в прошлом такие вопросы решались войной, и призывал «быть готовым и к самому худшему на этих роковых переговорах» [257, 17.IV.1977].

Все это свидетельствует о живучести японского милитаризма, выражающего интересы самых реакционных сил эксплуататорских классов, о постепенном восстановлении военного потенциала японского милитаризма — вопреки законным стремлениям и усилиям демократических элементов Японии не допустить со- скальзывания страны на гибельный, авантюристический путь военных авантур.

Глава первая

¹ «Молодые офицеры» — наиболее оголтелая часть военщины, в основном выходящая из мелкобуржуазных слоев города и деревни [172, т. 1, с. 244].

² Звания «генералиссимус» («дайгэнсуй») и «маршал» («гэнсуй») были введены 28 июля 1871 г. Но менее чем через два года, 8 мая 1873 г., присвоенные этих званий новым лицам было отменено [142, т. 31, с. 59].

³ Фудзивара Гиндзиро — президент бумагоделательной компании «Одзи сэйси» концерна Мицуи, член совета головной компании «Ниссан», впоследствии министр торговли и промышленности в кабинете Ионаи (1940 г.), министр без портфеля в кабинете Тодзио, министр вооружения в кабинете Коисо.

Глава вторая

¹ Директором-распорядителем ассоциации был назначен крупный финансист Хирао Хатисабуро, советниками — президент японской экономической федерации барон Го, главный директор концерна Сумитомо — Огура Масацунэ [287, 25.XI.1945, с. 3].

² В конце 1941 г. на службе в концерне Мицуи находилось 13 отставных генералов и адмиралов, в Мицубиси — 11, в Сумитомо — 8 [235, с. 31].

³ На 34-м заседании Совета по координации действий Ставки и правительства 27 июня 1941 г. министр иностранных дел Мацуока заявил: «Если мы атакуем СССР быстро, США не вступятся. Соединенные Штаты практически не смогут помочь Советской России по одной причине — им не нравится Советский Союз». И далее: «Если мы вступим в войну против Советской России, я уверен, что смогу удержать Соединенные Штаты с помощью дипломатии в течение 3—4 месяцев» [214, с. 65—66].

⁴ «Кан-Току-Эн» — сокращение от «Кантогун токубэцу дайэнсю», что означает «Специальные маневры Квантунской армии».

Глава третья

¹ Война началась 7 декабря в 13 ч. 20 м. по вашингтонскому времени, 8 декабря в 3 ч. 20 м. по токийскому времени.

² В скобках — американские названия японских самолетов, широко распространенные в военно-исторической литературе.

Глава пятая.

¹ Премьер-министр генерал Коисо принадлежал к ультрареакционной «Квантунской группировке». В его кабинет вошли представители военщины и дзайбацу, в частности адмирал Ионаи — военно-морской министр и заместитель премьер-министра, маршал Сугияма — военный министр, Фудзивара Гиндзиро (концерн Мицуи) — министр вооружений, Исиватари, имевший широкие связи с монополиями, — министр финансов.

² 86-я сессия японского парламента, проходившая с 26 декабря 1944 г. по 26 марта 1945 г., решила предоставить Корее 7 мест в верхней палате и 23 места в нижней, Тайваню — 3 места в верхней палате и 5 мест в нижней.

Схема 1

Органы высшего военного руководства Японии на декабрь 1941 г. *

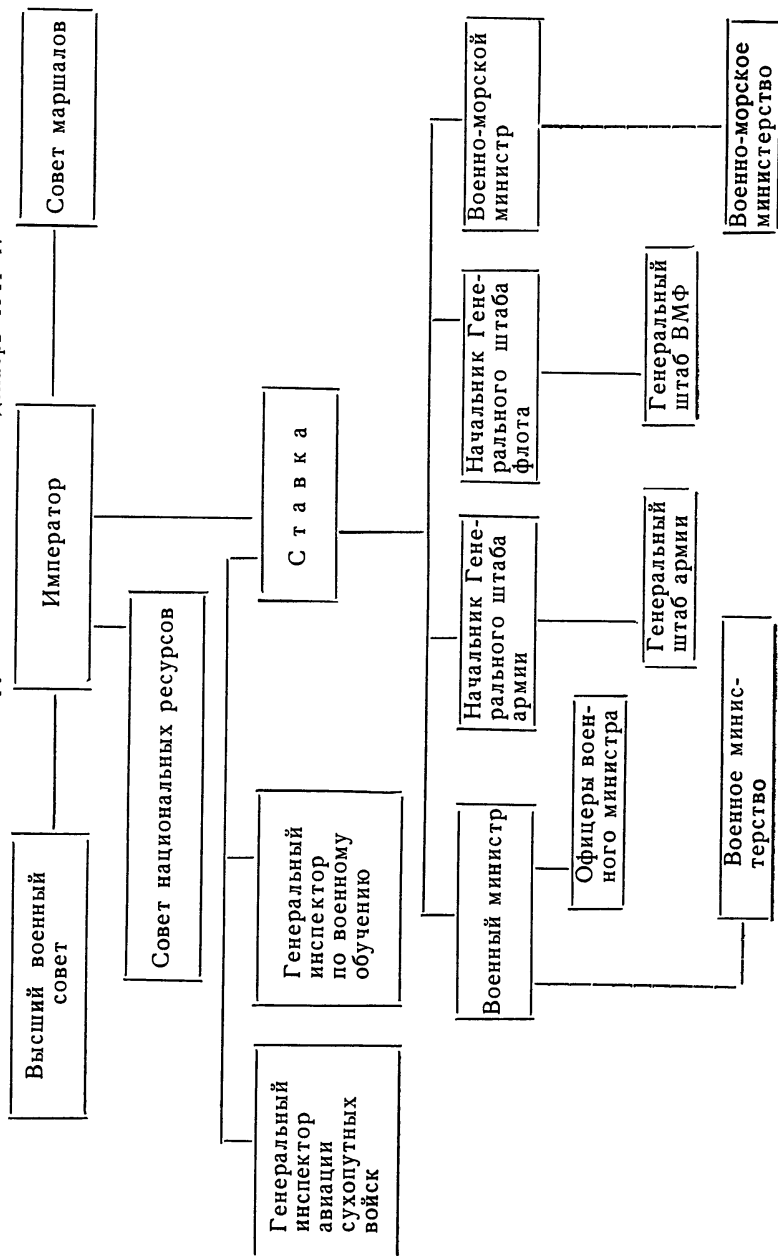
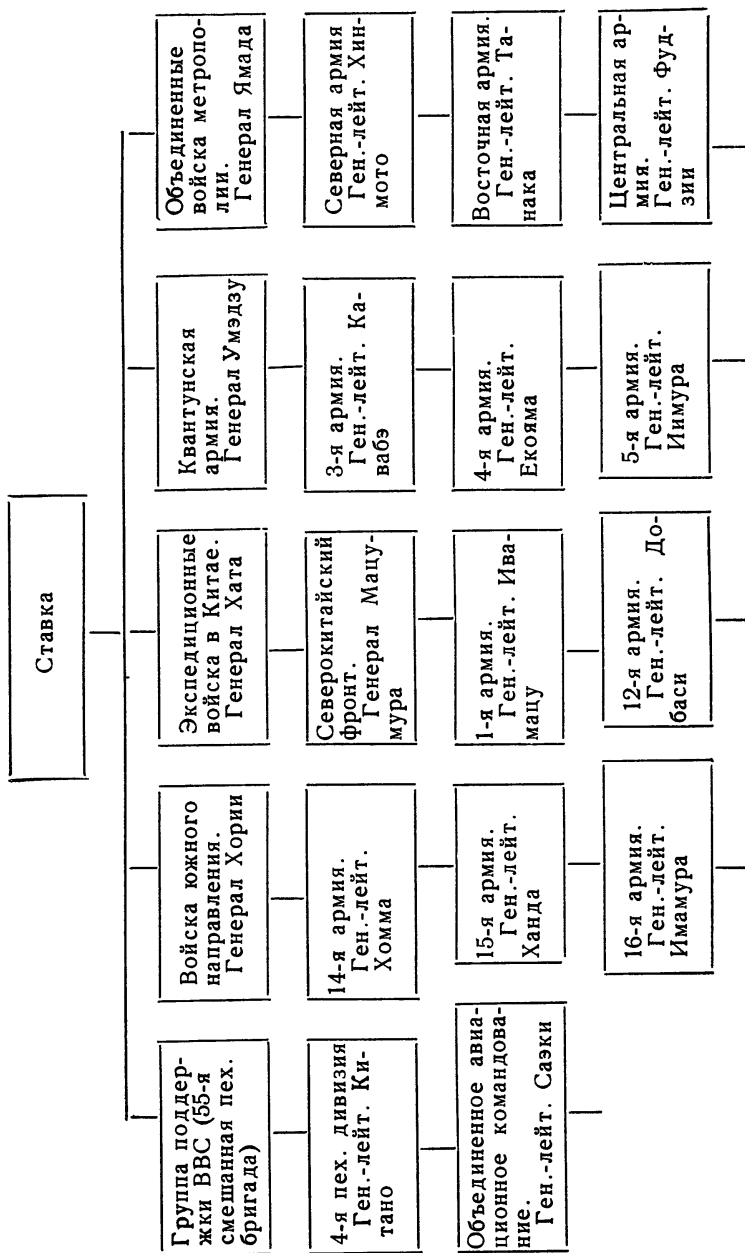

Схема 2

Структура сухопутных сил Японии на декабрь 1941 г. *

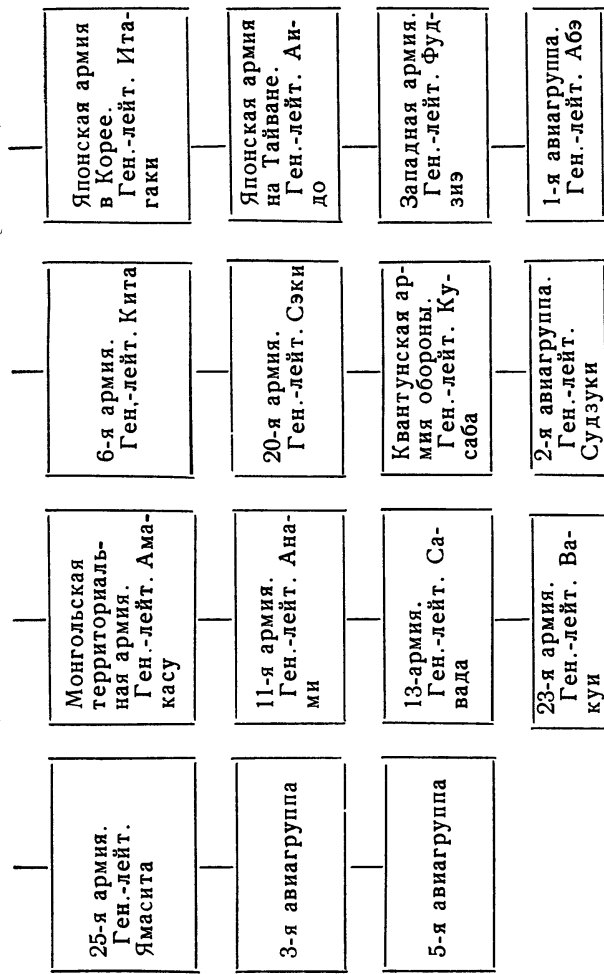
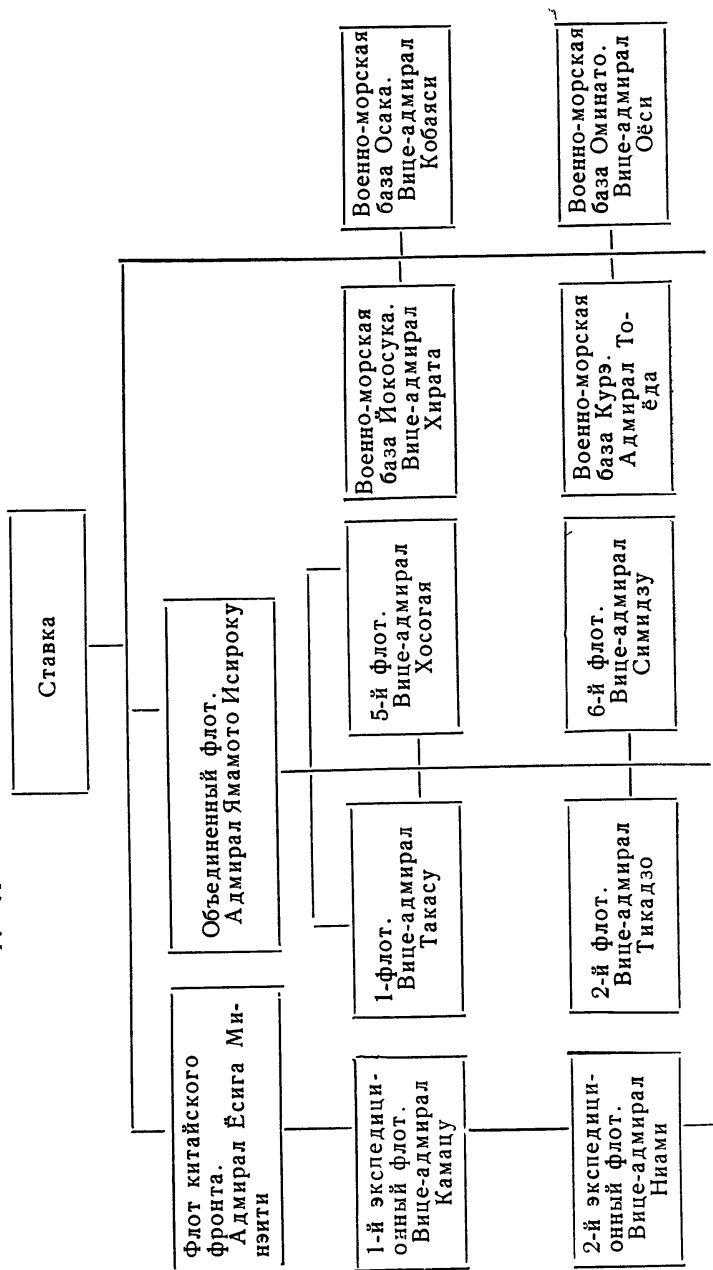

Схема 3

Структура военно-морских сил Японии на декабрь 1941 г.*

3-й экспедиционный флот.
Вице-адмирал
Сугияма

3-й флот.
Вице-адмирал
Такахаси

1-й авианосный флот.
Вице-адмирал
Нагумо

Военно-морская база Майдзуру.
Вице-адмирал
Кобаяси

Военно-морская база Фусан (Пусан)—Корея.
Вице-адмирал
Сакамото

Охранная база ВМС на о-ве Хайнань.
Вице-адмирал
Суногава

4-й флот.
Вице-адмирал
Иноуэ

11-й авианосный флот.
Вице-адмирал
Цукахара

Военно-морская база Сасэбо.
Вице-адмирал
Ямото

Военно-морская база Порт-Артур (Рёдзон).
Вице-адмирал
Укита

Южный экспедиционный флот.
Вице-адмирал Одава

Военно-морская база Гаосюн (Такао)—Тайвань.
Вице-адмирал Ямамото

Схема 4
Структура отдела полиции особого назначения («токко») *

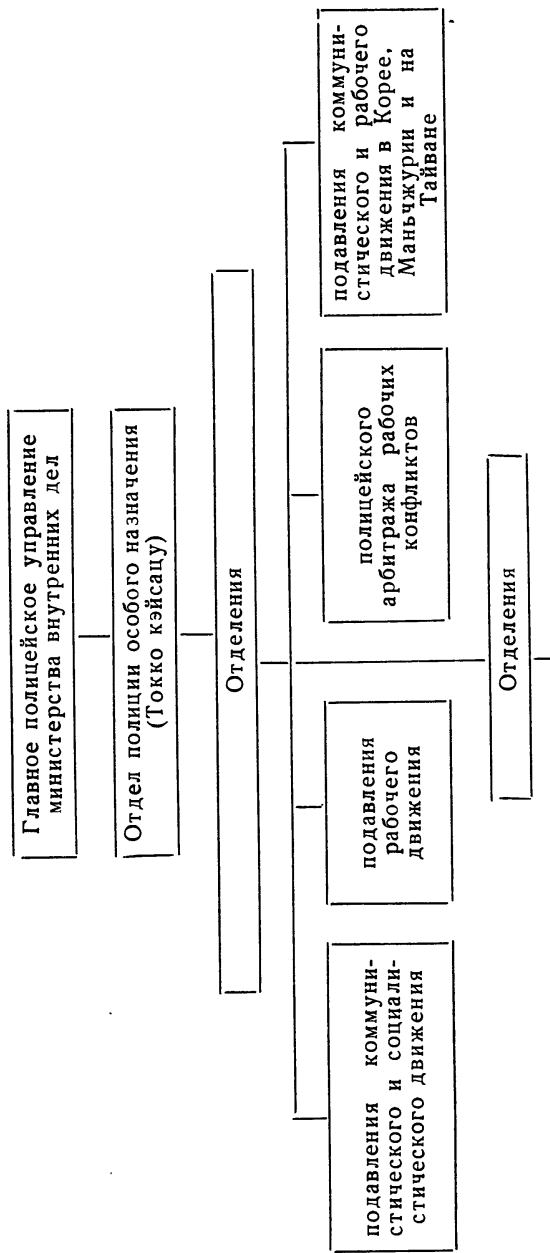

Таблица 1

Милитаристские организации Японии,
1930—1939 гг.

Название	Состав	Численность, человек	Характер
Общество строительства основ государства (Кокухонся)	Высшие чиновники	200	Монархо-фашистский
Союз резервистов империи (Тэйкоку дзайго гундзин кай)	Офицеры, солдаты запаса	Около 4 млн.	Военно-кастовый
Общество возвышенной этики (Мэйринкай)	Офицеры, чиновники	Около 20 тыс.	Фашистский
Общество продолжателей военной доблести (Дайнихон бутoku кай)	Военнослужащие запаса, буржуазия	2,7 млн.	Военно-фашистский
Японский союз молодежи (Нихон сэйнэнкай)	Допризывники	3,7 млн.	Военно-идеологический
Общество строительства государства (Кэнкоку кай)	Мелкая буржуазия, чиновники	150—200 тыс.	Военно-полицейский
Общество защиты японского национального духа (Дайнихон кокусуй кай)	Бывшие военные, буржуазия	70—100 тыс.	Военно-националистический
Общество защиты высших принципов справедливости (Дайнихон сэйгидан)	Кустари, безработные	140 тыс.	Штрейкбрехерский
Общество борьбы за возвеличение родины (Дзэн Нихон кококу досикай)	Бывшие полицейские	70 тыс.	Фашистский
Национальная конституционная лига молодежи (Риккэн сэйнэн досикай)	Буржуазия, чиновники	80 тыс.	Националистический
Общество обучения японской молодежи (Нихон сэйнэн суюко кай)	Сыновья полицейских, чиновников	80 тыс.	Фашистский
Общество воспитания умов (Сюэдан)	Интеллигенция	20—30 тыс.	Реакционный идеологический
Общество черного дракона (Кокурю кай)	Выходцы из самураев	—	Разведывательно-террористический
Общество цветущей вишни (Сакураи кай) *	Офицеры	—	Фашистский, террористический
Общество патриотов (Айкокуя)	Офицеры, мелкая буржуазия	—	Террористический
Союз крови (Тимэйдан)	Мелкая буржуазия	—	Фашистский, террористический

* Существовало до декабря 1931 г.

Таблица 2

*Рост числа дивизий сухопутных войск Японии накануне
и в период второй мировой войны **

Год	Число дивизий на конец года	Рост по сравнению с предыдущим годом	Номера сформированных дивизий ***
1937	23**		Пехотные: 1, 2, 3-я гвардейские; 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 18, 19, 20, 26, 101
1938	33	10	Пехотные: 15, 17, 21, 22, 23, 27, 104, 106, 110, 116
1939	44	11	24, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41
1940	54	10	Пехотные: 25, 28, 48, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57
1941	55	1	29
1942	71	16	Пехотные: 58, 59, 60, 68, 69, 70, 71; танковые: 1, 2, 3; авиационные: 1, 2, 3, 4, 5, 6
1943	84	13	Пехотные: 31, 42, 43, 44, 46, 50, 61, 62, 63, 64, 65; авиационные: 7, 9
1944	119	34	Пехотные: 30, 49, 91, 100, 102, 103, 105, 107, 109, 116, 47, 66, 72, 77, 81, 84, 86, 93, 94, 108, 111, 112, 114, 115, 117, 118, 119, 120; танковые: 4; авиационные: 8, 10, 11, 12; зенитные: 1
1945****	192	73	Пехотные: 79, 88, 89, 96, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 139, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 161, 201, 202, 205, 206, 209, 230, 231, 216, 221, 222, 224, 225, 229, 212, 214, 234, 303, 308, 312, 316, 320, 321, 322, 344, 351, 354, 3; авиационные: 13; зенитные: 2, 3, 4

* [161, с. 403—407].

** По другим данным, 24 дивизии [122, с. 86].

*** 1937 г. — номера имеющихся дивизий.

**** На 15 августа.

Таблица 3

Боевой состав военно-морского флота Японии (исключая силы военно-морских баз),
декабрь 1941 г. *

Класс кораблей, части	Корабли непосредственного подчинения	Объединенный флот							2-е авиационное соединение базовой авиации	Флот южного на- правления	Корабли, приписанные Объединенному флоту	Флот китайского фронта
		1-й флот	2-й флот	3-й флот	4-й флот	5-й флот	6-й флот (подводный)	1-е авиано- соедине- ние				
Линкоры	2	8										
Авианосцы		2						7				
Тяжелые крейсера . .		4	13	1								
Легкие крейсера . . .		4	2	3	3	2					2	1
Учебные крейсера . .					1		1			1		
Эсминцы	32	32	8	8				10	3			3
Подводные лодки . .				4	9		30				14	
Суда — базы для гид- росамолетов							3				2	
Корабли береговой обо- роны												2
Канонерки												13
Базовые части				2	4	1				2		5
Базовые авиагруппы .					1				3			
Смешанные сухопутные боегруппы											7	1

* [184, с. 203].

Таблица 4

Наличие боевых кораблей основных классов японского военно-морского флота, 1939—1945 гг. *

Тип кораблей	По состоянию на				
	1.IX.1939 г.	7.XII.1942 г.	19.II.1943 г.	1.I.1944 г.	3.IX.1945 г.
Линкоры	10	10	10	9	1
Авианосцы	6	10	8	13	3
В том числе:					
обычного типа	6	9	6	9	3
эскадренные	—	1	2	4	—
Крейсера	35	34	31	31	3
В том числе:					
тяжелые	18	18	14	14	2
легкие	17	16	17	17	1
Эсминцы	111	112	100	78	44
В том числе:					
тяжелые	85	103	91	71	41
легкие	26	9	9	7	3
Подводные лодки	53	64	61	72	60
В том числе:					
класса «И»	36	47	47	43	30
классов «Ро» и «Ха»	17	17	14	29	30
Всего	215	230	210	203	111

* [181, с. 312—378].

Таблица 5

Производство вооружения, боеприпасов и снаряжения для сухопутных войск Японии, 1939—1945 гг. *

	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Винтовки	249 619	448 940	729 391	440 000	630 000	826 749	209 337
Пулеметы	13 790	17 033	14 500	21 906	21 746	19 344	4 751
Полевые орудия	613	1 443	1 200	2 623	2 240	1 150	198
Зенитные орудия	147	293	500	644	1 514	1 031	218
Тяжелые орудия	673	659	896	816	557	162	161
Танки	562	1 023	1 024	1 165	776	352	92
Бронемашин				88	505	385	126
Трактора	116	468	919	1 481	870	789	196
Другие автомашины	126	272	503	442	615	725	105
Радиостанции (большие и средние)	198	225	199	190	1 105	1 360	549
Радиостанции (малые)	730	750	570	800	3 340	3 650	2 180
Боеприпасы (в танках)	8 193	9 272	8 511	12 502	12 249	11 755	2 676

* [174, с. 278—279]. Данные о производстве в метрополии за бюджетные годы (с 1 апреля по 31 марта).

Таблица 6

Производство Японией боевых кораблей основных классов,
1939—1945 гг. *

Тип кораблей	Сентябрь 1939 г.— 1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944— 1945 гг.	Всего за войну
Линкоры	1	1	—	—	2
Авианосцы	4	6	4	5	19
В том числе:					
обычного типа	3	4	2	5	14
эскортные	1	2	2	—	5
Крейсера **	—	2	3	1	6
В том числе:					
тяжелые	—	—	—	—	—
легкие	—	2	3	1	6
Эсминцы	20	10	12	41	83
В том числе:					
тяжелые	20	10	12	41	83
легкие	—	—	—	—	—
Подводные лодки	14	20	36	64	134
В том числе:					
класса «И»	14	14	16	32	76
классов «Ро» и «Ха»	—	6	20	32	58
Всего	39	39	55	111	244

* [181, с. 312—318]. Производство кораблей учтено по их фактическому вступлению в строй японского флота.

** В том числе вступивший в строй после капитального ремонта крейсер «Ои».

Таблица 7

Потери боевых кораблей ВМФ Японии,
1941—1945 гг. *

Тип кораблей	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Всего
Линкоры	—	2	1	4	4	11
Авианосцы	—	6	—	9	1	16
Эскортные авианосцы	—	—	1	3	1	5
Крейсера	1	6	2	24	7	40
Эсминцы	3	19	32	58	17	129
Подводные лодки	4	16	27	54	27	128
Всего	8	49	63	152	57	321

* [181, с. 312—318].

Таблица 8

Производство самолетов для сухопутных войск и ВМФ Японии,
1939—1945 гг. *

	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Для армии . . .	1600	1829	3629	5 839	10 182	13 235	2964
Для флота . . .	1703	1633	2545	4 346	9 846	13 272	2859
Всего . . .	3303	3462	6174	10 185	20 028	26 507	5823

* [174, с. 378—379].

Таблица 9

Важнейшие экономические показатели Японии,
1939—1945 гг. *

	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Общий индекс производства **	112	114	117	113	132	144	57
Индекс производства обрабатывающей промышленности **	110	111	114	110	130	144	56
Индекс производства добывающей промышленности **	113	124	123	126	133	119	51
Добыча угля, млн. т . . .	52,4	57,3	55,6	54,2	55,5	49,3	23,3
Добыча железной руды, тыс. т	910	1092	1380	2160	2630	3504	1174
Производство электроэнергии, млрд. кВт·ч .	29,9	31,5	33,9	33,6	33,9	32,2	20,1
Выплавка чугуна, тыс. т	3312	3660	4308	4416	4416	2796	984
Выплавка стали, тыс. т .	6696	6852	6840	7004	7824	5916	2088
Выплавка алюминия, тыс. т	26,9	40,9	71,7	103,1	141,4	110,4	8,7
Выплавка меди, тыс. т .	96,0	99,8	100,6	105,2	124,8	99,0	40,2
Судостроение, тыс. бр.-рег. т	324	226	290	424	1124	1584	490
Производство станков, штук	5570	4842	3838	4236	5011	4487	609
Сбор риса, млн. коку . .	68,9	60,9	55,1	66,8	62,8	58,6	39,1

* [57, т. 4, с. 100—101].

** 1937 г. = 100.

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды основоположников марксизма-ленинизма

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1—47, 49. М., 1955—1977 (Изд. продолж.).
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, Т. 1—55. М., 1958—1965.

Работы руководителей коммунистических партий и партийные документы

3. Брежнев Л. И. Великая победа советского народа. М., 1965.
4. Брежнев Л. И. Пятьдесят лет великих побед социализма. М., 1967.
5. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М., 1970—1974.
6. Катаяма С. Японский империализм и война.— «Коммунистический Интернационал». 1933, № 21.
7. Катаяма Сэн. Статьи и мемуары (к столетию со дня рождения). М., 1959.
8. Либкнехт К. Милитаризм и антимилитаризм. М., 1960.
9. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1971). Изд. 8-е. М., 1972.
11. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961.
12. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
13. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
14. 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967.
15. К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1970.
16. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969.

Справочные издания

17. Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 16. М., 1974.
18. Советская военная энциклопедия. Т. 2. М., 1976.
19. Советская историческая энциклопедия Т. 3. М., 1966.
20. Журн. «Мировое хозяйство и мировая политика». Статистическое прил. М., 1946.
21. Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964.
22. Экономика и политика стран современного капитализма. Япония. М., 1973.

Источники

23. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны Т. 3. М., 1947.
24. Документы внешней политики СССР. Т. 1—20. М., 1959—1976.

100. Попов К. [М.] Экономика Японии в годы второй мировой войны.— Г. Треварта. Япония. М., 1949.
101. Пробуждение угнетенных. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. М., 1968.
102. Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.—Л., 1950.
103. Ричардс Д., Сондерс Х. Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне, 1939—1945 гг. Пер. с англ. М., 1963.
104. Роскилл С. Флот и война. Пер. с англ. Т. 2. М., 1970.
105. Сайто Такаси. Японская историография второй мировой войны. Доклад на II советско-японском симпозиуме историков. Пер. с яп. М., 1975.
106. Сапожников Б. Г. Китай в огне войны, 1931—1950. М., 1977.
107. Сапожников Б. Г. Китайский фронт во второй мировой войне. М., 1971.
108. Севостьянов Г. Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Пёрл-Харбора до Каира. М., 1969.
109. Севостьянов Г. Н. Подготовка войны на Тихом океане. М., 1962.
110. Скопин В. И. Militarизм. Исторические очерки. М., 1957.
111. Сладковский М. И. Китай и Япония. М., 1972.
112. Современная Япония. Изд. 2-е. М., 1973.
113. Соколов Л. Н., Чепраков Г. П. Действия японских войск в сложных условиях. М., 1941.
114. Строков А. А. История военного искусства. М., 1967.
115. Сутягина М. В. Мицубиси. М., 1973.
116. Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933.
117. Топеха П. П. Рабочее движение в Японии. 1945—1971. М., 1973.
118. Тюрк Г. Сингапур. Падение цитадели. Пер. с нем. М., 1973.
119. Финал. 3 сентября 1945 г. М., 1966.
120. Фостер У. З. Очерки политической жизни Америки. Пер. с англ. Изд. 2-е. М., 1955.
121. Фридрих Энгельс и военная история. М., 1972.
122. Хаттори Т. Япония в войне, 1939—1945. Пер. с яп. М., 1973.
123. Хасимото М. Потопленные. Японские подводные лодки в войне 1941—1945 гг. Пер. с англ. М., 1956.
124. Хосино Я., Хаяси С. Истинное лицо японской армии. Пер. с яп. М., 1965.
125. Хаф Ф. Война на островах. Пер. с англ. М., 1960.
126. Хаяси С. и др. Ракетное оружие и Япония. Пер. с яп. М., 1964.
127. Цейтлин И. Кто и как управляет Японией? М., 1939.
128. Черная книга Японии. Современная Япония в агрессивных планах американского империализма. Пер. с яп. М., 1973.
129. Шарков А. М. Япония и США (Анализ современных экономических отношений). М., 1971.
130. Шведе Е. Е. Военно-морской флот Японии. М., 1939.
131. Шведе Е. Е. Военные флоты 1937 г. М., 1938.
132. Шерман Ф. С. Американские авианосцы в войне на Тихом океане. Пер. с англ. М., 1956.
133. Шилтов А. П., Мордвинов В. Ф. Национально-освободительное движение во Вьетнаме (1858—1945). М., 1958.
134. Эдвардс К. и др. Японские концерны. Пер. с англ. М., 1950.
135. Эйдуз Х. Т. Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946.
136. Эрман Д. Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945. Пер. с англ. М., 1958.
137. Яковлев Н. Н. Загадка Пирл-Харбора. М., 1968.
138. Яковлев Н. Н. 3 сентября 1945. М., 1971.
139. Японский милитаризм (Военно-историческое исследование). М., 1972.
140. Утихара Тадао. Формоза под властью японского империализма. Пер. с яп. М., 1934.

141. Гайти-ни нокору. Нихон-но сэн рэки (Следы боев японских войск на заморских территориях). Т. 1. Токио, 1970.
142. Дайтоа сэно кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии). Т. 1—96. Токио, 1966—1976.
143. Дайтоа сэн си (История войны в Великой Восточной Азии). Т. 1—10. Токио, 1968.
144. Дои Акэо. Бэйсо сэн то Нихон (Война Америки с Россией и Япония). Токио, 1956.
145. Иидзука Кодзи. Нихон-но гунтай (Японская армия). Токио, 1968.
146. Иноуэ Итидзи. Дайтоа кэйзэн-но хокубу кэйрин (Управление северными районами Великой Восточной Азии). Токио, 1942.
147. Кайбара Осаму. Сэнси-ни манабу (Учиться военной истории). Токио, 1970.
148. Касима Мариносукэ. Тэйкоку-но гайко то дайтоа кэйзэн (Дипломатия империи и сфера процветания Великой Восточной Азии). Токио, 1943.
149. Кидо никки (Дневник Кидо). Токио, 1947.
150. Киносита Хандзи. Ниппон фасидзуму си (История японского фашизма). Т. 1. Токио, 1949.
151. Кобаяси Хироси. Тайнэйё кайсэн то кэйэй сэнряку (Морская война на Тихом океане и разработка стратегии). Токио, 1963.
152. Кодзима Нобору. Тайхэйё сэно (Война на Тихом океане). Т. 1—2. Токио, 1966.
153. Кодзиэн (Большой энциклопедический словарь). Изд. 2-е. Токио, 1971.
154. Кониси Сиро. Киндай сякай. Синнихон си тайкэй (Современное общество. Серия истории новой Японии). Т. 6. Токио, 1957.
155. Кокубо сэйдо то кайхацу нинму мэйбо (Меры по развитию обороны страны). Токио, 1938.
156. Коноэ Фумимаро ко-но сюки. Усиварэси сэйдзи (Дневник князя Коноэ Фумимаро. Програнная политика). Токио, 1946.
157. Кояма Хиротакэ, Асада Мицутэру. Нихон тэйкокусюги си (История японского милитаризма). Т. 3. Нихон тэйкокусюги-но хакай (Крах японского империализма). Токио, 1960.
158. Насикава Хираёси. Кокутай-но ханаси (Беседа о структуре государства). Осака, 1943.
159. Нихон мондай бункэнсю (Сборник документов по японским проблемам). Токио, 1955.
160. Нихон сирё сюсэй (Сборник материалов по истории Японии). Токио, 1956.
161. Нихон рику кайгун сэйдо, сосика, ниндзи (Организация, боевой состав и командные кадры сухопутной армии и ВМФ Японии). Токио, 1972.
162. Сайгуса Сигэо. Сэнрон Сёва си. Данъацу то тэйко (История общественного мнения в период Сёва. Подавление сопротивления). Токио, 1958.
163. Сигэмицу Мамору. Сёва-но доран (Потрясения периода Сёва). Т. 2. Токио, 1952.
164. Симата Тосихико. Канто гун (Квантунская армия). Токио, 1966.
165. Симомура Хироси. Сюсэнки (Записки об окончании войны). Токио, 1949.
166. Синобу Сэйдзабуро. Сэнго нихон сэйдзи си (Политическая история послевоенной Японии). Т. 1. Токио, 1965.
167. Сирё ни ёру Нихон-но аюми (Материалы по истории Японии). Т. 3. Токио, 1957.
168. Суэхиро Идзутаро. Нихон родо кумиаи ундоси (История профсоюзного движения в Японии). Токио, 1954.
169. Сэйсэн госюэн (Пять лет священной войны). Токио, 1942.
170. Сюсэн си року. Гаймусё (Исторические документы об окончании войны. Министерство иностранных дел Японии). Токио, 1952.

171. Тада си Иидзима. Нихон эйга си (История японского кино). Т. 1—2. Токио, 1955.
172. Тайхэйё сэнсо-э но мити (Путь к войне на Тихом океане). Т. 1—7. Токио, 1962—1963.
173. Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 1—6. Токио, 1972—1973.
174. Тайхэйё сэнсо сюкэцу рон (Окончание войны на Тихом океане). Токио, 1958.
175. Такаси Тацукико. Косэн (Война во имя императора). Токио, 1938.
176. Танака Дзюнитиро. Нихон эйга хаттацу си (История развития японского кино). Т. 2. Токио, 1957.
177. Тояма Сигэки и др. (сост.). Киндай нихон сисо нэмплё (Хронология исторических проблем современной Японии). Токио, 1957.
178. Тояма Сигэки и др. Сёва си (История периода Сёва). Токио, 1959.
180. Фудзии Э. Лицо японской военщины. Пер. с нем. М., 1936.
181. Фукуи Сидзуо. Нихон-но гункан (Японский флот). Токио, 1970.
182. Фумио Морио. Нихон сихонсюги хаттацу си (История развития японского капитализма). Токио, 1958.
183. Хатояма Итиро. Хатояма Итиро кайкорoku (Воспитание Хатояма Итиро). Токио, 1957.
184. Хаттори Такусиро. Дайтоа сэнсо дзэн си (Полная история войны в Великой Восточной Азии). Токио, 1970.
185. Хаяси Сабуро. Кантогун то кёкуто сорэнгун (Квантунская армия и советская дальневосточная армия). Токио, 1974.
186. Пусё хакусё какурон, 1972 (Белая книга по внешней торговле. Обзор рынков, 1972). Токио, 1972.
187. Цутия Т., Окадзак С. Нихон сихонсюги хаттацу си гайсэцу (Очерки истории развития японского капитализма). Токио, 1937.

Литература на западных языках

188. A Dictionary of the Social Sciences. L., 1964.
189. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Series D. Bd 1.
190. Allen J. S. World Monopoly and Peace. N. Y., 1946.
191. American Military History. N. Y., 1969.
192. Bateson Ch. The War with Japan. A Concise History. Ure—Smith—Sydney—London, 1969.
193. Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. N. Y., 1970.
194. Bisson T. A. Japan's War Economy. N. Y., 1945.
195. Brockhaus Enzyklopädie in Zwanzig Bänden. Bd 12. Wiesbaden, 1971.
196. Brooks L. Behind Japan's Surrender (The Secret Struggle that Ended an Empire). N. Y., 1968.
197. Butov R. J. C. Japan's Decision to Surrender. Ox., 1954.
198. Churchill W. The Second World War. Vol. 1—6. L., 1950—1954.
199. Campaign in Burma. L., 1945.
200. Documents on German Foreign Policy 1918—1945, Series D. The War Years, September 4, 1939 — March 1940. Vol. 8, 1954.
201. Dupuy T. The Military History of World War II. Vol. 8. N. Y., 1963.
202. Dupuy R. T., Dupuy T. N. The Encyclopedia of Military History. N. Y., 1970.
203. Eckel P. E. The Far East since 1500. N. Y., 1950.
204. Elsbree W. H. Japan's Role in Southeast Asian Nationalist Movements 1940 to 1945. Cambridge, 1953.
205. Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. L., 1957.
206. Evatt H. Foreign Policy of Australia. Speeches by H. Evatt. Sydney, 1945.
207. Fujihara Ginjiro. The Spirit of Japanese Industry. Tokyo, 1936.
208. Grew J. Ten Years in Japan. N. Y., 1944.

209. Hartendorp A. The Japanese Occupation of the Philippines. Vol. 1. Manila, 1967.
210. Hatch A. P. Franklin D. Roosevelt. An Informal Biography. N. Y., 1947.
211. History of the Second World War. Vol. 6. Paulton, 1968.
212. Hitler's Secret Conversation. N. Y., 1951.
213. Japanese Combat Weapons. Vol. 2. Old. Greenwich, Connecticut, 1968.
214. Japan's Decisions for War. Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford, California, 1967.
215. Jones F. C. Japan's New Order in East Asia. Its Rise and Fall, 1937—1945. L., 1954.
216. Kase Toshikazu. Journey to the «Missouri». A Japanese Diplomat's Story of How His Country Made War and Peace. New Haven, 1950.
217. Kato Masuo. The Lost War. N. Y., 1947.
218. Macmillan H. Blast of War 1939—1945. L., 1967.
219. McKelvie R. The War in Burma. L., 1948.
220. McNeil W. H. America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict 1941—1946. L., 1953.
221. Meskill T. M. Hitler and Japan: the Hollow Alliance. N. Y., 1966.
222. Miller H. Menace in Malaya. L., 1954.
223. Morisson S. History of United States Naval Operation in World War II. Vol. 14. Victory in Pacific. Boston, 1960.
224. Official Munitions Production of the United States: by Mouth, July 1, 1940—August 31, 1945. Special Release. Wash., 1947.
225. Okumiyama M., Horikoshi J., Gaidin M. Zero! The Story of Japanese Navy Air Force 1937—1945. L., 1957.
226. Ouchi H. Financial and Monetary Situation in Postwar Japan. Tokyo, 1948.
227. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States and Japan 1931—1941. Vol. 2. Wash., 1943.
228. Report of the Mission on Japanese Combines. Wash., 1946.
229. Romanus Ch., Sunderland R. Stillwell's Mission to China. Wash., 1953.
230. Roth A. Dilemma in Japan. Boston, 1945.
231. Sakumura S. Neuordnung der japanischen Wirtschaft. Bremen, 1942.
232. Shigemitsu M. Japan and Her Destiny. My Struggle for Peace. L., 1958.
233. Smith S. R. The Manchurian Crisis, 1931—1932. N. Y., 1948.
234. Statistical Digest of the War. L., 1951.
235. Susumu Okano. The Construction of a Democratic Japan. Jenan, Shanghai, China, 1945.
236. The President's War Addresses to the People and to Congress of the United States of America. Wash., 1945.
237. United States Strategic Bombing Survey. The Effects of Strategic Bombing on Japanese. Morale Division, June 1947, Wash., 1947.
238. United States Strategic Bombing Survey. The Japanese War Productions. Industries. Wash., 1946.
239. Togo Shigenori. The Cause of Japan. N. Y., 1956.
240. Weigley R. History of United States Army. N. Y., 1951.

ПЕРИОДИКА

На русском языке

241. «Большевик». 1939.
244. «Военно-исторический журнал».
245. «Зарубежное военное обозрение».
246. «Зарубежом». 1969.

247. «Известия».
248. «Красная звезда».
249. «Коммунистический Интернационал».
250. «Коммунист».
251. «Коммунист Вооруженных Сил».
252. «Международная жизнь».
253. «Мировая экономика и международные отношения».
254. «Морской сборник».
255. «Народный Китай».
256. «Наука и религия». 1975.
257. «Правда».
258. «Тихий океан».

На японском языке

259. «Атарасии сэкай».
260. «Асахи».
261. «Бозэй нэнкан».
262. «Вага гайко-но кинкё».
263. «Гундзи кэнкю». 1976.
264. «Дзидзи нэнкан». 1947.
265. «Дзэнъэй». 1947.
- 265а. «Кайдзо». 1952.
266. «Коку дзёхо». 1971.
267. «Кэйдзай хёрон». 1968.
268. «Кэйдзай токэй нэнкан». 1971.
269. «Майнити». 1944.
270. «Ниппон сэндзи нэмпо». 1943.
271. «Ниппон кокусэй дзуэ». 1972.
272. «Нити-нити». 1942—1943.
273. «Осака майнити симбун». 1937.
274. «Тоё кэйдзай». 1943.
275. «Токио Асахи симбун». 1940.
276. «Экономисуго».
277. «Ямато». 1943.

На английском языке

278. «Contemporary Japan». 1942.
279. «Fortnightly Review». 1931.
280. «Japan Trade and Industry».
281. «Japan Year Book».
282. «Oriental Economist». 1943.
283. «Pacific Community». 1972.
284. «Proceedings. US Naval Institute». 1973.
285. «The Far Eastern Quarterly». August 1949.
286. «The Information Please Almanac, 1950». N. Y., 1951.
287. «The Japan Times and Advertiser».
288. «The Japan Times». 1940.
289. «The International Year Book 1943». N. Y., 1943.
290. «Washington Post».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	9
Глава первая. Милитаризм в Японии накануне второй мировой войны	14
Сущность, характерные черты и особенности японского милитаризма	14
Милитаризация страны накануне второй мировой войны	31
Агрессивный характер вооруженных сил и военной доктрины Японии	37
Глава вторая. Японский милитаризм в период непосредственной подготовки к вступлению во вторую мировую войну (сентябрь 1939 г.— ноябрь 1941 г.)	57
Дальнейшая фашизация страны и ее влияние на процесс милитаризации экономики, политики и идеологии	57
Подготовка к войне армии, флота и других средств вооруженного насилия	81
Глава третья. Японский милитаризм в условиях военных успехов на Тихом океане и в Азии (декабрь 1941 г.— ноябрь 1942 г.)	98
Использование экономики, политики и идеологии в интересах агрессивной войны	120
Глава четвертая. Начало кризиса японского милитаризма в обстановке коренного перелома во второй мировой войне (ноябрь 1942 г.— 1943 г.)	141
Дальнейшая милитаризация экономики, политики и идеологии. Методы подчинения населения агрессивным планам монополий	152
Глава пятая. Углубление кризиса японского милитаризма. Поражение Японии (1944 г.— август 1945 г.)	163
Рост средств вооруженного насилия	173
Меры военно-фашистской клики по тотальной мобилизации населения и ресурсов метрополии и оккупированных стран для продолжения войны	175
Кризис и крах японского милитаризма. Несостоятельность японской военной доктрины	189
Заключение	202
Примечания	218
Приложения	219
Библиография	231

•
Александр Сергеевич Савин

**ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИЗМ
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
1939—1945 гг.**

*Утверждено к печати
Институтом военной истории
Министерства обороны СССР*

Редактор *Б. Е. Косолапов*
Младший редактор *Н. В. Беришвили*
Художник *М. М. Мерজেгевский*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *К. Н. Драгунова*

ИБ № 13677

Сдано в набор 11/VIII 1978 г. Подписано к печати 17/V 1979 г. А-02807. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 15. Уч.-изд. л. 16,52. Тираж 4200 экз. Изд. № 4328. Зак. № 585. Цена 1 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 23